



РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА
HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY of RUSSIA

ISSN 2686-830X

**ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА
И СОВРЕМЕННОЕ
ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ**

LANGUAGE STUDIES & MODERN HUMANITIES

T. 4 № 1 2022

Vol. 4 No. 1 2022



1797

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Herzen State Pedagogical University of Russia

ISSN 2686-830X (online)
languagestudies.ru
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1>
2022. Том 4, № 1
2022. Vol. 4, no. 1

Исследования языка и современное гуманитарное знание

Language Studies and Modern Humanities

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 74269,
выдано Роскомнадзором 09.11.2018

Рецензируемое научное издание

Журнал открытого доступа

Учрежден в 2018 году

Выходит 2 раза в год

16+

Mass Media Registration Certificate EL No. FS 77 – 74269,
issued by Roskomnadzor on 9 November 2018

Peer-reviewed journal

Open Access

Published since 2018

2 issues per year

16+

Редакция

Главный редактор

В. А. Андреева (Санкт-Петербург, Россия)

Зам. главного редактора

З. М. Чемодурова (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный редактор

И. В. Фролова (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь

Н. В. Николаева (Санкт-Петербург, Россия)

Editorial Team

Editor-in-chief

Valeria A. Andreeva (St Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Zinaida M. Chemodurova (St Petersburg, Russia)

Executive Editor

Irina V. Frolova (St Petersburg, Russia)

Assistant Editor

Nina V. Nikolaeva (St Petersburg, Russia)

Редакционная коллегия

А. В. Ачкасов (Санкт-Петербург, Россия)

Н. В. Баграмова (Санкт-Петербург, Россия)

Е. А. Гончарова (Санкт-Петербург, Россия)

Д. О. Добровольский (Москва, Россия)

М. Н. Еленевская (Хайфа, Израиль)

М. Журавицки (Эссен, Германия)

О. Н. Иванищева (Мурманск, Россия)

В. Ю. Клейменова (Санкт-Петербург, Россия)

О. А. Невзорова (Казань, Россия)

В. А. Разумовская (Красноярск, Россия)

А. Сальмон (Генуя, Италия)

Ю. В. Сергаева (Санкт-Петербург, Россия)

О. Суте (Париж, Франция)

С. В. Чебанов (Санкт-Петербург, Россия)

Чжэн Тиу (Шанхай, КНР)

Editorial Board

Andrey V. Achkasov (St Petersburg, Russia)

Nina V. Bagramova (St Petersburg, Russia)

Evgenia A. Goncharova (St Petersburg, Russia)

Dmitrij O. Dobrovol'skij (Moscow, Russia)

Maria N. Yelenevskaya (Haifa, Israel)

Michael Szurawitzki (Essen, Germany)

Olga N. Ivanishcheva (Murmansk, Russia)

Viktoria Yu. Kleymenova (St Petersburg, Russia)

Olga A. Nevzorova (Kazan, Russia)

Veronica A. Razumovskaya (Krasnoyarsk, Russia)

Laura Salmon (Genoa, Italy)

Julia V. Sergaeva (St Petersburg, Russia)

Olivier Soutet (Paris, France)

Sergey V. Chebanov (St Petersburg, Russia)

Zheng Tiwu (Shanghai, China)

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Телефон: +7 (812) 312-17-41

Publishing house of Herzen State Pedagogical
University of Russia
48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Phone: +7 (812) 312-17-41

Объем 4,61 Мб

Подписано к использованию 30.06.2022

Published at 30.06.2022

При использовании любых фрагментов ссылка
на журнал «Исследования языка и современное
гуманитарное знание» и на авторов материала
обязательна.

The contents of this journal may not be used in any way
without a reference to the journal “Language Studies
and Modern Humanities” and the author(s) of the material
in question.

Редактор-корректор Г. А. Янковская
Оформление обложки О. В. Рудневой
Верстка Д. В. Лаптухиной



Санкт-Петербург, 2022

© Российский государственный

педагогический университет им. А. И. Герцена, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья главного редактора	4
Перевод и переводоведение	6
<i>Воюцкая А. А.</i> В поисках единицы перевода: функционирование единицы перевода как единицы принятия решения.	6
<i>Зигмантович Д. С.</i> Синтаксические особенности исходных речевых произведений как дестабилизирующий фактор в устном синхронном переводе (на материале речей американских политиков)	16
<i>Kokanova E. S., Berendyaev M. V., Kulikov N. Yu.</i> Pre-editing English news texts for machine translation into Russian	25
<i>Уразаева К. Б., Петкова С. А., Есентемирова А. М.</i> Художественный перевод как риторическая коммуникация. Поэзия «озерной школы» в русских переводах.	31
Лингвистика и междисциплинарные исследования языка	44
<i>Антонова А. М.</i> «Локалоиды» и адаптация интернациональной лексики в англоязычном описании русской культуры.	44
<i>Копчук Л. Б.</i> Аспекты грамматической вариативности немецкого языка в свете концепции плюриареальности	54
Обзоры, рецензии, персоналии	64
<i>Лебедев Ю. М.</i> Где настоящий Гальдер? (Неточности в переводе «Военного дневника» начальника генерального штаба сухопутных войск Германии).	64

CONTENTS

Introductory article by the Editor-in-chief	4
Practice and theory of translation and interpreting.....	6
<i>Voyutskaya A. A.</i> In search of what the translation unit is: The functioning of translation units as units of decision-making	6
<i>Zigmantovich D. S.</i> Oral syntactic features as destabilizing factor in simultaneous interpreting of speeches delivered by American politicians	16
<i>Kokanova E. S., Berendyaev M. V., Kulikov N. Yu.</i> Pre-editing English news texts for machine translation into Russian	25
<i>Urazayeva K. B., Petkova S. A., Yessentemirova A. M.</i> Literary translation as rhetorical communication. Poetry of the “Lake School” in Russian translations.	31
Linguistics and interdisciplinary research in language	44
<i>Antonova A. M.</i> International vocabulary and its locally borrowed variants in Russian culture-oriented English	44
<i>Kopchuk L. B.</i> Aspects of grammatical variation of the German language in the light of the pluriareal concept	54
Reports, reviews, personalities	64
<i>Lebedev Yu. M.</i> Where is the real Halder? (Inaccuracies in the translation of the “War Diary” of the chief of staff of the German army general staff).....	64

Вступительная статья главного редактора

Уважаемые читатели!

Очередной выпуск журнала «Исследования языка и современное гуманитарное знание» делает акцент на проблематике, связанной с вопросами теории и практики перевода. Статьи, вошедшие в раздел «Перевод и переводоведение», демонстрируют многообразие интересов современного переводоведения: от проблем художественного и машинного перевода до вопросов, связанных с методикой обучения переводу.

В статье «В поисках единицы перевода: функционирование единицы перевода как единицы принятия решения» перевод рассматривается как деятельность по принятию решений, что позволяет автору, А. А. Воюцкой, предложить ответ на вопрос о единице перевода, которая описывается как единица принятия решений, что дает основание рассматривать ее как операционную сущность и способствует ее более предметному использованию, например, в подготовке переводчиков.

Статья Д. С. Зигмантович «Синтаксические особенности исходных речевых произведений как дестабилизирующий фактор в устном синхронном переводе (на материале речей американских политиков)» посвящена анализу факторов, которые оказывают как положительное, так и отрицательное влияние на качество устного синхронного перевода. Материал и результаты анализа актуального материала представляют несомненный интерес для обучения технике устного синхронного перевода в комбинации «английский язык» — «русский язык».

Авторский коллектив из Северного Арктического федерального университета им. М. В. Ломоносова (Е. С. Коканова, М. В. Берендяев, Н. Ю. Куликов) публикуют в своем материале «Pre-editing English news texts for machine translation into Russian» результаты исследования, которое показывает, как предварительное редактирование исходного текста влияет на качество конечного результата машинного перевода и на время и усилия, необходимые для его постредактирования, что способствует выявлению оптимального взаимодействия человека и машины и улучшению работы машины.

Авторы статьи «Художественный перевод как риторическая коммуникация. Поэзия “озерной школы” в русских переводах» К. Б. Уразаева, С. А. Петкова, А. М. Есентемирова применяют неориторический подход к сопоставительному анализу русских переводов произведений поэтов «озерной школы», что позволяет установить факторы жанровой динамики в литературном процессе принимающей культуры и пролить новый свет на факторы, формирующие диалог культур.

Статья А. М. Антоновой «“Локалоиды” и адаптация интернациональной лексики в англоязычном описании русской культуры», помещенная в раздел «Лингвистика и междисциплинарные исследования языка», может быть интересна не только лингвистам, но и переводчикам. В статье предпринимается попытка установления в англоязычных текстах, ориентированных на русскую культуру, разных вариантов локалоидов (от бинаров-локалоидов до идеологических локалоидов и «ложных друзей переводчика») и дается описание процессов их культурной адаптации.

Вторая статья этого раздела «Аспекты грамматической вариативности немецкого языка в свете концепции плюриаральности» (автор Л. Б. Копчук) посвящена живым процессам в грамматическом строе региональных и национальных вариантов современного немецкого языка, а именно феномену синтаксической вариативности. Явления, считавшиеся нарушениями, свойственными небрежной разговорной речи, рассматриваются автором как результат взаимодействия двух противоположных тенденций в развитии языка — стандартизации и дифференциации — и как признаки перестройки структуры предложения в региональных и национальных вариантах немецкого языка.

В разделе «Обзоры, рецензии, персоналии» читатель найдет статью военного историка и переводчика Ю. М. Лебедева. В статье, написанной по материалам ранее выпущенной книги автора,

содержится кейс-стади существующих переводов третьего тома «Военного дневника» начальника генерального штаба сухопутных войск Германии с 1938 по 1942 г. Франца Гальдера на английский и русский языки. Автор подвергает их верификации с помощью скрупулезного семантического и исторического разбора и предлагает свои решения, наглядно показывая, как переводческий выбор влияет на ракурс изложения исторических фактов.

Редакция выражает надежду, что статьи, вошедшие в первый выпуск четвертого тома, будут интересны не только специалистам в области теории и практики перевода и обучения переводу, но и всем, кого интересуют живые процессы, проходящие в языках и влияющие на межкультурную коммуникацию.

*С уважением,
Валерия Анатольевна Андреева,
главный редактор*



УДК 81'25

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-6-15>

В поисках единицы перевода: функционирование единицы перевода как единицы принятия решения

А. А. Воюцкая

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1

Сведения об авторе

Александра Анатольевна Воюцкая,
SPIN-код: 2661-9905;
e-mail: vaniteuse@inbox.ru

Для цитирования:

Воюцкая, А. А. (2022)
В поисках единицы перевода:
функционирование единицы
перевода как единицы принятия
решения. *Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 4, № 1, с. 6–15.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-6-15>

Получена 2 февраля 2022; прошла
рецензирование 27 февраля 2022;
принята 9 марта 2022.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © А. А. Воюцкая (2022).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Перевод рассматривается автором как деятельность по принятию решений. В статье дан краткий обзор исследований перевода как процесса и направления в переводоведении, изучающего переводческую деятельность с точки зрения принятия решений; описана существующая методология исследований перевода как процесса и представлен собственный метод получения, обработки и анализа данных, позволяющий описать механизмы принятия решений у разных переводчиков.

Исследование является попыткой выделить единицу перевода и определить ее природу в категориях процесса принятия решений. Вопросы поиска единицы перевода посвящены работы многих отечественных и зарубежных ученых, и во всех из них она определяется по-разному. По мнению автора, природа единицы перевода зависит от той стороны переводческой деятельности, которая берется за основу исследователем. Рассматривая перевод как процесс принятия решений, автор определяет единицу перевода как единицу принятия решения, которая соответствует совокупности элементов исходного текста, относительно которых переводчиком принято общее окончательное решение.

Проведенное экспериментальное исследование направлено на описание процесса перевода как деятельности по принятию решений с точки зрения этапов принятия решения, типов решений и внешних и внутренних ограничений. Результаты эксперимента позволили провести связь между единицей перевода и этапами принятия переводческого решения, продемонстрировать вариативность выделения единицы перевода разными переводчиками, а также выдвинуть тезис о том, что ряд переводческих ошибок можно объяснить неверным выбором единицы перевода.

Ключевые слова: письменный перевод, исследования перевода как процесса, процесс принятия решений, этапы принятия решений в переводе, единица принятия решения, единица перевода

In search of what the translation unit is: The functioning of translation units as units of decision-making

A. A. Voyutskaya

¹Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russia

Author

Alexandra A. Voyutskaya,
SPIN: 2661-9905;
e-mail: vaniteuse@inbox.ru

Abstract. In this article, translation is viewed as a decision-making process. The article provides a brief overview of the process-oriented translation studies and the part in translation studies, which discusses translation activities from the point of view of decision making. The article describes the existing

For citation:

Voyutskaya, A. A. (2022) In search of what the translation unit is: The functioning of translation units as units of decision-making. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 4, no. 1, pp. 6–15. <https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-6-15>

Received 2 February 2022; reviewed 27 February 2022; accepted 9 March 2022.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A. A. Voyutskaya (2022). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

methodology of process-oriented translation studies and also presents her own method for obtaining, processing and analysing data, which makes describing decision-making mechanisms of different translators possible.

The article is an attempt to define the unit of translation in terms of the decision-making process. Numerous translators scholars have tried to establish the translation unit and all of them came up with a different definition. The author suggests that the nature of the translation unit depends on the aspect the researcher takes as a basis. Considering translation as a decision-making process, author defines the translation unit as a decision-making unit that corresponds to a group of elements from the source text in relation to which the translator has made the common final decision.

The article presents the results of an experimental study aimed at describing the translation process as a decision-making activity in terms of stages of decision-making, types of decisions, and external and internal constraints. The results of the experiment made it possible to draw a connection between the translation unit and the stages of making a translation decision, to demonstrate the variability different translators have in choosing a translation unit, and also to come up with a theory that a number of translation errors can be explained by a poor choice of the translation unit.

Keywords: translation, process-oriented translation studies, decision-making, decision-making steps in translation, decision-making unit, translation unit

Введение

Вопрос поиска единицы перевода и определения ее природы важен как для практикующего переводчика, так и для исследователя: несмотря на эвристическую составляющую переводческой деятельности, представляющую перевод как непрерывный творческий поиск, восприятие процесса перевода как последовательности действий помогает более осознанно подходить к принятию переводческого решения и проводить обдуманную и качественную рефлексия.

Попытки выделить единицу перевода предпринимались многими отечественными теоретиками перевода: Л. С. Бархударовым, А. Д. Швейцером, А. Ф. Ширияевым и др. При этом А. Д. Швейцер отрицал как возможность, так и необходимость выделения единицы перевода, указывая на такие свойства единицы, как постоянство и возможность измерять лишь однородные предметы, в то время как перевод — процесс более сложный, чем просто последовательное соединение подобных элементов. Л. С. Бархударов рассматривал единицу перевода в категориях языка и определял ее как наименьшую языковую единицу исходного текста (далее — ИТ), которой можно найти соответствие в тексте перевода (далее — ПТ) (Гарбовский 2007, 250). Исследователь синхронного перевода А. Ф. Ширияев связывал единицу процесса устного перевода с единицей восприятия речевого сообщения, выделяемой в психолингвистике, и ввел в переводоведение термин «единица ориентирования», которая соответ-

ствует минимальному объему исходного сообщения, восприятие которого достаточно для начала синхронного перевода (Бархударов 2008; Гарбовский 2007; Швейцер 1988; Ширияев 1979).

Различия в подходах разных теоретиков к выделению единицы перевода обусловлены тем, что перевод представляет собой сложную систему, объединяющую элементы разной природы: лингвистической, культурно-исторической, герменевтической, этической, коммуникативной, информационной и др. Мы полагаем, что природа единицы перевода будет зависеть от того элемента системы переводческой деятельности, который берется за основу исследователем: при анализе перевода с точки зрения межъязыкового соответствия единица перевода будет иметь лингвистическую природу; при восприятии перевода как информационного процесса единица перевода будет определяться в категориях информатики и т. д. Мы рассматриваем перевод как процесс принятия решений и полагаем, что единицу переводческого процесса можно определить в ее связи с принятием переводческого решения.

1. Перевод как процесс принятия решений

Исследования перевода как процесса принятия решений представляют собой направление в переводоведении, открытое в 1967 г. работой «Translation as a decision process» И. Левого — чешского теоретика перевода, представителя Чехии в Международной федерации переводчиков

и члена редколлегии переводческого журнала «Babel» (Levú, Althoff, Vidal 2012). Попытка Левового создать модель переводческого процесса на основе теории игр, где перевод представляется как последовательность ситуаций выбора из поля альтернативных вариантов, дала толчок для появления самостоятельного направления в науке о переводе, представленного на сегодняшний день работами многих преимущественно европейских исследователей и позволяющего рассматривать перевод как систему, состоящую из таких элементов, как этапы принятия решения, типы решений, ограничения и др. К ним относятся работы В. Вильсса, А. Дарвиша, А. В. Енбаевой, А. О. Ушаковой (Енбаева 2018; Ушакова 2020; Darwish 2008; Wilss 1994).

Исследование перевода с точки зрения принятия решений носит междисциплинарный характер и предполагает использование в переводоведении понятийно-категориального и методологического аппарата теории принятия решения и психологии. Теория принятия решений — направление, изначально призванное решать проблемы организационного управления, — в настоящее время представляет собой смежное направление для многих гуманитарных наук. Для изучения механизмов принятия решения теория перевода заимствовала из нее такие понятия, как цель решения; задача; проблема; субъект решения; лицо, принимающее решение; альтернативный вариант (альтернатива); атрибуты альтернатив; возможные и реализующиеся исходы; оптимальное решение; а также такие категории, как приемлемость и предпочтительность исхода. Теория принятия решений вносит значительный вклад в описание процесса принятия решений в переводе, однако рассматривает субъекта — переводчика — как лицо, обладающее неограниченной рациональностью. Психология в свою очередь позволяет поставить в фокус внерациональную составляющую личности переводчика, помогая глубже исследовать вариативность в принятии переводческого решения в зависимости от интеллектуально-личностных особенностей конкретного переводчика.

С точки зрения принятия решений перевод представляет собой систему, состоящую из следующих элементов: лицо, принимающее решение (переводчик), этапы принятия решения, типы решений, единица принятия решения, внешние и внутренние ограничения, критерии выбора альтернативных вариантов. Характер взаимодействия данной системы варьируется в зависимости от переводчика.

Принятие каждого переводческого решения представляет собой процесс, включающий сле-

дующие этапы принятия решения (Воюцкая 2017, 11; 2018, 854):

- 1) выявление проблемы;
- 2) описание, прояснение структуры проблемы;
- 3) сбор информации;
- 4) размышления о выборе подхода к решению проблемы;
- 5) поиск альтернативных вариантов;
- 6) момент выбора;
- 7) поведение после момента выбора: сомнение;
- 8) поведение после момента выбора: отказ от старых альтернатив;
- 9) поведение после момента выбора: поиск новых альтернатив;
- 10) поведение после момента выбора: возвращение к старому решению;
- 11) поведение после момента выбора: принятие нового решения;
- 12) поведение после момента выбора: отказ от принятия решения;
- 13) решение вернуться к началу предложения, начать новый поиск.

Приведенная последовательность этапов принятия решения представляет собой расширенную нами последовательность классификации решений О. Свенсона (Svenson 1996, 253). Она не носит строгого характера; решение может состоять как из одного этапа, так и из значительного их количества. Более того, в поведении разных переводчиков относительно одной и той же переводческой проблемы наблюдается вариативность, выражающаяся в том числе в том, что разные переводчики могут принимать решение относительно одной проблемы, проходя через разное количество этапов (Воюцкая 2018, 854).

2. Методология исследований перевода как процесса

2.1. Методология получения данных

Изучение перевода с точки зрения механизмов принятия решений является частью более широкого направления — исследований перевода как процесса (англ. — *process-oriented translation studies*), которое направлено на описание внутренней стороны процесса перевода, а именно участия таких психических процессов, как память, принятие решений, мышление, восприятие, понимание, обучение и др., в осуществлении переводческой деятельности (Воюцкая 2019, 5).

Методология таких исследований осложнена тем, что вместо непосредственного объекта

исследования — перевода как процесса — исследователи вынуждены иметь дело преимущественно с переводом как результатом. Используемые в исследованиях переводческого процесса компьютерные программы (Translog, Camtasia и др.) позволяют фиксировать лишь внешнюю сторону переводческого процесса — действия, происходящие на экране компьютера. Метод «мысли вслух» (англ. — *think aloud*), заключающийся, как следует из названия, в вербализации переводчиком всех мыслей, сопровождающих процесс перевода, помогает частично проникнуть во «внутреннюю переводческую кухню», однако искажает ход осуществления деятельности, предполагающей использование только письменного канала (Séguinot 1996, 80). В связи с этим для описания перевода с точки зрения принятия решений нами был разработан и применен метод письменной вербализации, состоящий в письменном протоколировании мыслей, сопровождающих процесс перевода, одновременно с набором текста перевода. Пример протокола представлен ниже:

Как перевести cité? Городок, город? Наверное, лучше городок, так как он описывается уродливым, то есть изначально содержится нотка пренебрежения. Но я решила перестраховаться и посмотреть в интернете, что же это за «городок». Выяснила, что это второй крупнейший город Алжира. Да, городком его не назовешь. Окончательный вариант перевода: Стоит признать, что город сам по себе уродлив.

2.2. Методология обработки и анализа данных

Как видно из приведенного выше примера, письменные протоколы переводчиков представляют собой неструктурированный поток мысли, обладающий крайне низкой степенью операционной пригодности. Для возможности доказательного и непротиворечивого использования таких данных требуется специальная методология их обработки и последующего анализа (Воюцкая 2018, 854). Предлагаемая нами методология работы с данными письменных протоколов переводчиков представляет собой следующий алгоритм действий:

1. ИТ сегментируется на минимальные единицы, которым может быть найден эквивалент в языке перевода. Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне предлагают рассматривать в качестве единиц перевода языковые единицы, соответствующие единице мысли — функциональные, семантические, диалектические, просодические (Vinay, Darbelnet 1995, 22). Используемый нами рабочий

термин для обозначения таких единиц — «смысловая единица» (далее — СЕ). Ниже приведен пример сегментации ИТ на СЕ:

- I. Les curieux (1) événements (2) qui (3) font (4) le sujet (5) de cette (6) chronique (7) se sont produits (8) en 194., (9) à Oran (10).
 II. De l'avis (1) général (2), ils (3) n'y (4) étaient pas (5) à leur (6) place (7), sortant (8) un peu (9) de l'ordinaire (10) <...>

2. В протоколе выделяются минимальные операции, соответствующие одному этапу принятия решения.

3. Определяется соответствие каждой операции определенному этапу принятия решения.

4. Для каждой СЕ подсчитывается количество этапов принятия решения.

3. Экспериментальное исследование функционирования единицы перевода в процессе перевода

Результаты проведенного нами экспериментального исследования позволяют говорить о существовании связи между переводческими решениями и единицей перевода, а также сделать вывод об изменчивом характере единицы перевода: на протяжении перевода ее объем может меняться, а в окончательном виде она может проявляться только в окончательном решении переводчика.

В проведенном нами эксперименте приняли участие 11 переводчиков, имена которых зашифрованы латинскими буквами А—К. В качестве задания переводчикам был предложен перевод отрывка из романа А. Камю «Чума» (Camus 1972) с французского языка на русский, при выполнении которого переводчики должны были одновременно с набором текста перевода письменно фиксировать все мысли, сопровождающие процесс перевода. Сегментация данного отрывка на СЕ приведена ниже:

- I. Les curieux (1) événements (2) qui (3) font (4) le sujet (5) de cette (6) chronique (7) se sont produits (8) en 194., (9) à Oran (10).

- II. De l'avis (1) général (2), ils (3) n'y (4) étaient pas (5) à leur (6) place (7), sortant (8) un peu (9) de l'ordinaire (10).

- III. À première (1) vue (2), Oran (3) est (4), en effet (5), une ville (6) ordinaire (7) et rien (8) de plus (9) qu'une préfecture (10) française (11) de la côte (12) algérienne (13).

- IV. La cité (1) elle-même (2), on doit (3) l'avouer (4), est (5) laide (6).

V. D'aspect (1) tranquille (2), il faut (3) quelque (4) temps (5) pour (6) apercevoir (7) ce qui (8) la (9) rend (10) différente (11) de tant (12) d'autres (13) villes (14) commerçantes (15), sous (16) toutes (17) les latitudes (18).

VI. Comment (1) faire (2) imaginer (3), par exemple (4), une ville (5) sans (6) pigeons (7), sans (8) arbres (9) et sans (10) jardins (11), où (12) l'on (13) ne rencontre (14) ni battements (15) d'ailes (16) ni froissements (17) de feuilles (18), un lieu (19) neutre (20) pour (21) tout (22) dire (23)?

VII. Le changement (1) des saisons (2) ne s'y (3) lit (4) que (5) dans (6) le ciel (7).

VIII. Le printemps (1) s'annonce (2) seulement (3) par (4) la qualité (5) de l'air (6) ou (7) par (8) les corbeilles (9) de fleurs (10) que (11) de petits vendeurs (12) ramènent (13) des banlieues (14); c'est (15) un printemps (16) qu (17) on (18) vend (19) sur (20) les marchés (21).

IX. Pendant (1) l'été, (2) le soleil (3) incendie (4) les maisons (5) trop (6) sèches (7) et couvre (8) les murs (9) d'une cendre (10) grise (11); on (12) ne peut plus

(13) vivre (14) alors (15) que (16) dans (17) l'ombre (18) des volets (19) clos (20).

X. En automne (1), c'est (2), au contraire (3), un déluge (4) de boue (5).

XI. Les beaux (1) jours (2) viennent (3) seulement (4) en hiver (5).

<...>

XII. Les désirs (1) des plus (2) jeunes (3) sont (3.1) violents (4) et brefs (5), tandis que (6) les vices (7) des plus (8) âgés (9) ne dépassent pas (10) (11) les associations (12) de boulomanes (13), les banquets (14) des amicales (15) et les cercles (16) où (17) l'on (18) joue (19) gros (20) jeu (21) sur (22) le hasard (23) des cartes (24).

I. В процессе перевода переводчики не всегда принимают решения относительно только одной СЕ. Иногда окончательное решение может объединять группу СЕ. Обратим внимание на таблицы 1 и 2, в которых схематически представлено поведение переводчиков А и В при переводе предложения XII.

Табл. 1. Поведение переводчика А при переводе предложения XII

№ СЕ	Этапы принятия решения	Количество этапов
1	1, 5, 8, 6, 3, 6	6
2	6, 1, 8, 9, 11	5
3		
4	6	1
5	1, 5, 6	3
6	6	1
7	6	1
8	1, 6	2
9		
10	1, 6	2
11		
12	6	1
13	1, 3, 6	3
14	1, 2, 5, 6, 9	5
15	6	1
16	1, 2, 5, 6, 7	5
17	6	1
18	6	1
19	1, 2, 4, 3, 5, 12, 1, 2, 6, 7	10
20		
21		
22		
23		
24		

Table 1. Translator A's behaviour while translating the sentence XII

Unit	Decision-making steps	Number of steps
1	1, 5, 8, 6, 3, 6	6
2	6, 1, 8, 9, 11	5
3		
4	6	1
5	1, 5, 6	3
6	6	1
7	6	1
8	1, 6	2
9		
10	1, 6	2
11		
12	6	1
13	1, 3, 6	3
14	1, 2, 5, 6, 9	5
15	6	1
16	1, 2, 5, 6, 7	5
17	6	1
18	6	1
19	1, 2, 4, 3, 5, 12, 1, 2, 6, 7	10
20		
21		
22		
23		
24		

Табл. 2. Поведение переводчика В при переводе предложения XII

№ CE	Этапы принятия решения	Количество этапов
1	6	1
2	6, 7, 9, 6	4
3		
4	6	1
5	6, 7, 9, 11	4
6	6, 2, 8, 11	4
7	6	1
8	6 11	3
9		
10	6, 7, 9, 8, 11, 11	6
11	6	1
12	6 7, 9, 6	6
13		
14	6, 7, 9, 11	4
15		
16	6, 1, 4	3

Табл. 2. Продолжение

№ СЕ	Этапы принятия решения	Количество этапов
17	6, 7, 9	3
18		
19		
20		
21		
22*	6, 11	2
24		
23*	6, 1, 4, 7, 4, 9, 11	7

Table 2. Translator B's behaviour while translating the sentence XII

Unit	Decision-making steps	Number of steps
1	6	1
2	6, 7, 9, 6	4
3		
4	6	1
5	6, 7, 9, 11	4
6	6, 2, 8, 11	4
7	6	1
8	6	3
9	11	
10	6, 7, 9, 8, 11, 11	6
11	6	1
12	6	6
13	1, 3	
14	6, 7, 9, 11	4
15		
16	6, 1, 4	3
17	6, 7, 9	3
18		
19		
20		
21		
22*	6, 11	2
24		
23*	6, 1, 4, 7, 4, 9, 11	7

В таблицах для каждой СЕ показано, какие этапы принятия решения и сколько проходил переводчик до принятия окончательного решения. СЕ или группу СЕ, объединенную общим окончательным решением, мы определяем как *единицу принятия решения* (далее — ЕПР).

Под ЕПР нельзя понимать минимальный фрагмент ПТ, изначально избираемый переводчиком для перевода, поскольку в процессе

перевода к одной СЕ или к группе СЕ могут добавляться другие СЕ. Таким образом, ЕПР начинает формироваться в процессе мыслительной деятельности переводчика по принятию решений, ее объем может меняться, а в окончательном виде она проявляется в финальном решении. Соответственно, описывать ЕПР следует в категориях результата, а не процесса. В таком случае, рассматривая перевод как процесс

принятия решений, единицу этого процесса можно определить как результат единичного принятого решения, то есть *единица перевода и есть единица принятия решения*. При этом мы, разумеется, допускаем, что это лишь одно из возможных проявлений единицы перевода.

Жирным в таблицах 1 и 2 выделены группы СЕ, объединенные общим окончательным решением. В протоколе переводчика А СЕ₂ и СЕ₃, СЕ₈ и СЕ₉, СЕ₁₀ и СЕ₁₁, а также СЕ₁₉, СЕ₂₀, СЕ₂₁, СЕ₂₂, СЕ₂₃ и СЕ₂₄ соответствуют ЕПР₂, ЕПР₇, ЕПР₈, ЕПР₁₆. Таким образом, у переводчика А окончательное решение принято для 16 групп СЕ. В протоколе переводчика В окончательное решение принято для 15 групп СЕ. Это означает, что в переводе анализируемого предложения переводчиком А можно выделить 16 единиц перевода, а в его переводе переводчиком В — 15.

II. В формировании единицы перевода у разных переводчиков наблюдается вариативность. В таблице 3 представлены группы СЕ, рассма-

триваемые переводчиками D, G, H при переводе предложений I–XI в комплексе и формирующие одну ЕПР (или единицу перевода).

В некоторых случаях у переводчиков D, G, H комплексные единицы перевода, т. е. состоящие из двух и более СЕ, совпадают (выделено жирным), однако в целом их состав и объем существенно различается в зависимости от переводчика.

III. Некоторые ошибки при переводе могут быть объяснены неверным выбором единицы перевода. Рассмотрим предложение VI и обратим внимание на его перевод переводчиком H:

Возможно ли представить город без голубей, без деревьев и без садов, где тяжело услышать звук взмахов крыльев или шуршания листвы, или без нейтральной территории, где можно поговорить обо всем.

Французское выражение «pour tout dire» (СЕ_{21–23}) соответствует в русском языке выражению «если честно», «по правде говоря», а в данном

Табл. 3. Комплексные единицы перевода, выделенные переводчиками G, D, H при переводе предложений I–XI

№ предложения	Переводчик G	Переводчик D	Переводчик H
I	3–5	3–5	1–2, 5–7
II	1–2, 3–7, 8–10	1–2, 3–7, 8–10	1–2, 4–7
III	–	8–9	1–2, 12–13
IV	–	–	–
V	1–2, 3–5	1–2	1–5, 12–13, 14–15, 16–18
VI	15–16, 21–23	14–18, 19–20	1–3, 15–16, 17–18, 19–20
VII	–	–	1–2
VIII	5–10	12–14, 16–21	5–6, 9–10
IX	19–20	–	10–11, 19–20
X	4–5	–	–
XI	1–2	–	1–2

Table 3. Complex translation units chosen by translators G, D, H while translating sentences I–XI

Sentence	Translator G	Translator D	Translator H
I	3–5	3–5	1–2, 5–7
II	1–2, 3–7, 8–10	1–2, 3–7, 8–10	1–2, 4–7
III	–	8–9	1–2, 12–13
IV	–	–	–
V	1–2, 3–5	1–2	1–5, 12–13, 14–15, 16–18
VI	15–16, 21–23	14–18, 19–20	1–3, 15–16, 17–18, 19–20
VII	–	–	1–2
VIII	5–10	12–14, 16–21	5–6, 9–10
IX	19–20	–	10–11, 19–20
X	4–5	–	–
XI	1–2	–	1–2

контексте может быть переведено как «в целом», «в общем». Смысловую ошибку, допущенную переводчиком Н при переводе СЕ₂₁₋₂₃, можно объяснить с точки зрения принятия решений. Игнорируя контекст, переводчик не рассматривает данные СЕ в комплексе, как это сделали остальные переводчики, в результате чего окончательное решение оказывается ошибочным.

Заключение

Таким образом, при рассмотрении перевода с точки зрения принятия решений единица перевода может быть определена как единица

принятия решения, которая соответствует совокупности элементов исходного текста, относительно которых переводчиком принято общее окончательное решение. Объем единицы перевода варьируется у разных переводчиков. Протоколы переводчиков показывают, что в процессе принятия решений состав единицы перевода может меняться. Более того, механизмы выделения единицы перевода варьируются от переводчика к переводчику. Некоторые ошибки, допускаемые при переводе, могут быть объяснены с точки зрения принятия решений и обусловлены неверным выбором единицы перевода.

Сокращения

ЕПР — единица принятия решения
ИТ — исходный текст
ПТ — текст перевода
СЕ — смысловая единица

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Бархударов, Л. С. (2008) *Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода*. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 235 с.
- Воюцкая, А. А. (2017) Теория принятия решений в трансдисциплинарной науке о переводе. *Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода*, № 2, с. 3–19.
- Воюцкая, А. А. (2018) Объективные и субъективные различия в подходах к принятию переводческого решения. *Когнитивные исследования языка*, № 34, с. 853–856.
- Воюцкая, А. А. (2019) Процесс принятия решений в переводе: теория дуального процесса мышления. *Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода*, № 2, с. 3–12.
- Гарбовский, Н. К. (2007) *Теория перевода*. 2-е изд. М.: Изд-во Московского университета, 544 с.
- Енбаева, Л. В. (2018) *Переводческое решение речевой многозначности*. М.: Флинта, 292 с.
- Ушакова, А. О. (2020) Переводческое решение как единица перевода в техническом типе текста. В кн.: Л. В. Кушникова (ред.). *Теория перевода в классической и современной исследовательской парадигме: онтология, методология, аксиология*. М.: Флинта, с. 207–229.
- Швейцер, А. Д. (1988) *Теория перевода: статус проблемы, аспекты*. М.: Наука, 214 с.
- Ширяев, А. Ф. (1979) *Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода*. М.: Воениздат, 183 с.
- Darwish, A. (2008) *Optimality in translation*. Melbourne: Writescape Publ., 318 p.
- Levý, J., Althoff, G., Vidal, C. (2012) Translation as a decision process. *Scientia Translationis*, no. 11, pp. 72–96. <https://doi.org/10.5007/1980-4237.2012n11p72>
- Séguinot, C. (1996) Some thoughts about think-aloud protocols. *Target. International Journal of Translation Studies*, vol. 8, no. 1, pp. 75–95. <https://doi.org/10.1075/target.8.1.05seg>
- Svenson, O. (1996) Decision making and the search for fundamental psychological regularities: What can be learned from a process perspective? *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, vol. 65, no. 3, pp. 252–267. <https://doi.org/10.1006/OBHD.1996.0026>
- Vinay, J.-P., Darbelnet, J. (1995) *Comparative stylistics of French and English: A methodology for translation*. Vol. 11. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 359 p. <https://doi.org/10.5007/5260>
- Wilss, W. (1994) A framework for decision-making in translation. *Target. International Journal of Translation Studies*, vol. 6, no. 2, pp. 131–150. <https://doi.org/10.1075/TARGET.6.2.02WIL>

Sources

Camus, A. (1972) *La peste [The Plague]*. Paris: Gallimard-Folio Publ., 278 p. (In French)

References

- Barkhudarov, L. S. (2008) *Yazyk i perevod: voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda [Language and translation: General and specific translation theory issues]*. 2nd Ed. Moscow: LKI Publ., 235 p. (In Russian)
- Darwish, A. (2008) *Optimality in translation*. Melbourne: Writescope Publ., 318 p. (In English)
- Enbaeva, L. V. (2018) *Perevodcheskoe reshenie rechevoj mnogoznachnosti [Translation decision speech polysemy]*. Moscow: Flinta Publ., 292 p. (In Russian)
- Garbovskij, N. K. (2007) *Teoriya perevoda [Theory of translation]*. 2nd ed. Moscow: Lomonosov Moscow State University Publ., 544 p. (In Russian)
- Levý, J., Althoff, G., Vidal, C. (2012) Translation as a decision process. *Scientia Traductionis*, no. 11, pp. 72–96. <https://doi.org/10.5007/1980-4237.2012n11p72> (In English)
- Séguinot, C. (1996) Some thoughts about think-aloud protocols. *Target. International Journal of Translation Studies*, vol. 8, no. 1, pp. 75–95. <https://doi.org/10.1075/target.8.1.05seg> (In English)
- Shiryaev, A. F. (1979) *Sinkhronnyj perevod: Deyatel'nost' sinkhronnogo perevodchika i metodika prepodavaniya sinkhronnogo perevoda [Simultaneous interpreting: Simultaneous interpreter's activity and teaching simultaneous interpreting methodic]*. Moscow: Voenizdat Publ., 183 p. (In Russian)
- Shvejtsler, A. D. (1988) *Teoriya perevoda: status problemy, aspekty [Theory of translation: Problem status, aspects]*. Moscow: Nauka Publ., 214 p. (In Russian)
- Svenson, O. (1996) Decision making and the search for fundamental psychological regularities: What can be learned from a process perspective? *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, vol. 65, no. 3, pp. 252–267. <https://doi.org/10.1006/OBHD.1996.0026> (In English)
- Ushakova, A. O. (2020) Perevodcheskoe reshenie kak edinita perevoda v tekhnicheskom tipe teksta [Translation decision as a translation unit in a technical type of text]. In: L. V. Kushnina (ed.). *Teoriya perevoda v klassicheskoj i sovremennoj issledovatel'skoj paradigme: Ontologiya, metodologiya, aksiologiya [Translation theory in the classical and modern research paradigm: ontology, methodology, axiology]*. Moscow: Flinta Publ., pp. 207–229. (In Russian)
- Vinay, J.-P., Darbelnet, J. (1995) *Comparative stylistics of French and English: A methodology for translation. Vol. 11*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ., 359 p. <https://doi.org/10.5007/5260> (In English)
- Voyutskaya, A. A. (2017) Teoriya prinyatiya reshenij v transdistsiplinarnoj nauke o perevode [Decision-making theory in transdisciplinary translation studies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda — Moscow University Translation Studies Bulletin*, no. 2, pp. 3–19. (In Russian)
- Voyutskaya, A. A. (2018) Ob'ektivnye i sub'ektivnye razlichiya v podkhodakh k prinyatiyu perevodcheskogo resheniya [Objective and subjective differences in translators' decision-making]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka — Cognitive Studies of Language*, no. 34, pp. 853–856. (In Russian)
- Voyutskaya, A. A. (2019) Protsess prinyatiya reshenij v perevode: teoriya dual'nogo protsessa myshleniya [Dual processes theory in translator's decision-making]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda — Moscow University Translation Studies Bulletin*, no. 2, pp. 3–12. (In Russian)
- Wilss, W. (1994) A framework for decision-making in translation. *Target. International Journal of Translation Studies*, vol. 6, no. 2, pp. 131–150. <https://doi.org/10.1075/TARGET.6.2.02WIL> (In English)



Check for updates

Перевод и переводоведение

УДК 81'25

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-16-24>

Синтаксические особенности исходных речевых произведений как дестабилизирующий фактор в устном синхронном переводе (на материале речей американских политиков)

Д. С. Зигмантович ¹

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1

Сведения об авторе

Дарья Сергеевна Зигмантович,
SPIN-код: 7099-5050,
e-mail: dashazigmantovich@mail.ru

Для цитирования:

Зигмантович, Д. С. (2022) Синтаксические особенности исходных речевых произведений как дестабилизирующий фактор в устном синхронном переводе (на материале речей американских политиков). *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 4, № 1, с. 16–24. <https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-16-24>

Получена 01 февраля 2022; прошла рецензирование 29 марта 2022; принята 11 апреля 2022.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Д. С. Зигмантович (2022). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии [CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация. Синхронный перевод — один из наиболее сложных видов устного перевода; с середины XX столетия он является основным средством общения между представителями разных стран. Это диктует необходимость подготовки высококвалифицированных переводческих кадров для обеспечения качественного синхронного перевода. В этой связи исследование механизмов данного вида переводческой деятельности сквозь призму политического дискурса играет большую роль для совершенствования не только теории, но и дидактики, практики и методологии устного перевода. Качество, точность и полнота синхронного перевода зависят как от переводчика, так и от оратора. Присущие речам просодические, синтаксические и лексико-стилистические особенности обуславливают переводимость устных выступлений. Эти особенности, как и ряд других переменных, могут либо выступать в качестве дестабилизирующих факторов для работы синхронных переводчиков, либо способствовать осуществлению более полного, точного и качественного перевода. В статье выделяется ряд факторов, которые оказывают влияние на процесс и результат синхронного перевода. Особое внимание уделяется анализу синтаксических особенностей, присущих речам, с которыми в разное время и при различных обстоятельствах выступали два президента Соединенных Штатов Америки — Дж. Буш-младший (2001–2009) и Б. Обама (2009–2017). Приводятся примеры синтаксических особенностей из речей американских политиков и описывается, какое влияние они могут оказать на работу синхронных переводчиков. Анализ характерных политическим выступлениям особенностей может помочь при отборе материала для поэтапного освоения техники устного синхронного перевода в языковой комбинации «английский — русский». Результаты исследования могут быть использованы при изучении текстов, продуцируемых другими ораторами и/или на других языках.

Ключевые слова: устный синхронный перевод, синтаксис, дестабилизирующий фактор, оратор, американский политический дискурс

Oral syntactic features as destabilizing factor in simultaneous interpreting of speeches delivered by American politicians

D. S. Zigmantovich ✉¹

¹ Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskije Gory, Moscow 119991, Russia

Author

Daria S. Zigmantovich,
SPIN: 7099-5050,
e-mail: dashazigmantovich@mail.ru

For citation:

Zigmantovich, D. S. (2022) Oral syntactic features as destabilizing factor in simultaneous interpreting of speeches delivered by American politicians. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 4, no. 1, pp. 16–24. <https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-16-24>

Received 01 February 2022;
reviewed 29 March 2022; accepted
11 April 2022.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © D. S. Zigmantovich (2022). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. Simultaneous interpreting is one of the most complex types of cognitive and communicative activity. Since the middle of the 20th century, simultaneous interpreters have been serving the needs of intercultural mediation at conferences, congresses and other international meetings. This justifies the need to educate highly qualified interpreters. In this regard, the study of the simultaneous interpreting mechanisms and peculiarities in the context of political communication plays an important role in improving interpreting theory, didactics, practice and methodology. The quality and accuracy of simultaneous interpreting depend on both the interpreter and the orator. Prosodic, syntactical, lexical and stylistic features inherent in the speeches determine their translatability. These features, as well as a number of other variables, can either represent some destabilizing factors for simultaneous interpreters, or contribute to a more accurate and high-quality interpreting. The article describes a number of factors that influence the simultaneous interpreting process and result. We pay a particular attention to the analysis of the syntactic features inherent in the speeches delivered by two US presidents: George W. Bush (2001–2009) and B. Obama (2009–2017). The paper determines the impact that these syntactic features can have on simultaneous interpreting. The analysis of the features inherent in the speeches can help in the selection of material for the simultaneous interpreting didactics in the language combination “English–Russian”. The results of the research can be used in the study of texts produced by other speakers and/or in other languages.

Keywords: simultaneous interpreting, syntax, destabilizing factor, orator, American political discourse

Введение

Устный синхронный перевод — одна из самых сложных разновидностей когнитивно-коммуникативной деятельности. Комплексная природа работы синхронных переводчиков определяется рядом причин: параллельный характер процессов восприятия и порождения речи; высокий темп восприятия, обработки и воспроизведения поступающей информации; наличие объективных и субъективных дестабилизирующих факторов; экстремальные условия работы (в частности, однократное предъявление оригинала и повышенная нагрузка на оперативную память).

Сегодня услуги устных синхронных переводчиков активно используются для обеспечения коммуникации на различных многоязычных мероприятиях: конференциях, выставках, форумах, круглых столах. Сферы, в которых востребован труд переводчиков, многообразны: политика, наука и образование, право, здравоохранение, кинематограф, военное дело, книгоиздательство и др.

Международная политика является областью, в которой работа устных переводчиков оказывается наиболее актуальной, что обусловлено интенсификацией контактов между разноязычными акторами, созданием международных платформ для обмена мнениями, функционированием давно основанных международных организаций и необходимостью обсуждения и решения целого ряда вопросов политической повестки дня с иноязычными оппонентами и партнерами.

В результате проведения ряда экспериментов, а также практики устного синхронного перевода было установлено, что в речах политиков существуют элементы, которые оказывают влияние на оперирование информацией в процессе устного синхронного перевода (Миньяр-Белоручев 1959; Чернов 1987; Ширяев 1979; Barik 1969; Gerver 2002; Oléron, Nanpon 2002).

Дестабилизирующие факторы в устном синхронном переводе

В переводе как составной части двуязычной коммуникации имеются три параметра,

из которых выводятся факторы, оказывающие непосредственное влияние на процесс и результат перевода: «(1) языковые системы, (2) объективная действительность и ее отражение, (3) участники коммуникации, использующие знаки» (Комиссаров 2014, 238).

Устный синхронный перевод представляет собой «системную интеллектуальную деятельность человека». Элементы этой деятельности связаны друг с другом системными отношениями, которые оказывают влияние на процесс и результат перевода. Деятельность синхронных переводчиков как участников этой системы подвержена воздействию со стороны целого ряда факторов внешнего характера: информационных, психологических, технологических, исторических, экономических, этических, эстетических и др. (Гарбовский, Костикова 2018, 18–19).

В отношении синхронного перевода данный перечень факторов, оказывающих влияние на качество перевода, может быть расширен за счет таких характеристик, как время и место перевода, состояние техники, а также за счет особенностей самих участников многоязычной встречи: ораторов и переводчиков. Таким образом, не все выступления ораторов одинаково обрабатываются в режиме устного синхронного перевода. Качество и успех процесса и результата перевода зависят как от переводчика, так и от оратора (Зигмантович 2016, 43–44).

Роль переводчика в обеспечении успешного и качественного перевода сводится к следующему:

- готовность к акту перевода;
- достаточная компетентность (владение на высоком уровне иностранным и родным языками, доведенный до автоматизма навык синхронного перевода);
- достаточный багаж знаний (знание наличной ситуации, предмета обсуждений, широкий кругозор);
- стабильное психическое состояние (выносливость и стрессоустойчивость);
- крепкое физическое здоровье (хорошее самочувствие).

Функция оратора в обеспечении качественного перевода синхронным переводчиком также велика. К факторам, которые могут дестабилизировать деятельность переводчика, в частности, относятся следующие:

- личное отношение к тематике;
- просодические особенности речи (темп речи, четкость речи, громкость речи, наличие/отсутствие акцента, паузация);

- синтаксические особенности речи (перегруженные предложения);
- лексико-стилистические особенности речи (метафоричность, оценочная и разговорная лексика, юмор, иноязычные вкрапления).

Все перечисленные выше особенности приущи двуязычной коммуникации, осуществляемой посредством устного синхронного перевода, и представляют собой дестабилизирующие факторы для работы переводчиков. Таким образом, дестабилизирующие факторы — это те элементы наличной ситуации, которые нарушают устойчивый ход того или иного процесса или явления (Кузнецов 2000, 254). Данные дестабилизирующие факторы оказывают влияние на процесс устного синхронного перевода и обуславливают переводимость — качество, полноту и точность — воспринимаемого переводчиками материала (Зигмантович 2021).

В нашем исследовании мы покажем, каким образом индивидуальные синтаксические особенности, присущие речам англоязычных политиков, могут дестабилизировать или, наоборот, облегчить оперирование информацией при осуществлении устного синхронного перевода. Для достижения данной цели мы осуществили анализ ряда синтаксических особенностей, характерных для выступлений американских ораторов. За счет последовательного описания примеров можно проследить, каким образом синтаксические особенности звучащих текстов могут влиять на эффективность устного синхронного перевода.

Синтаксические особенности речи ораторов как дестабилизирующий фактор

Синтаксические особенности, наряду с целым рядом других присущих выступлениям ораторов характеристик речи, часто ложатся в основу комплексов упражнений, направленных на отработку, совершенствование и автоматизацию навыков устного синхронного перевода (Виссон 2005; Погодин 2018; Фалалеев, Малофеева 2014; 2015a; 2015b; Чиркина 2011 и др.). Все эти упражнения успешно применяются отечественными преподавателями устного синхронного перевода. На фоне растущей значимости политической коммуникации и неослабевающей востребованности в подготовке профессиональных переводческих кадров дидактика устного перевода активно развивается и совершенствуется, дополняется новыми исследованиями как теоретического, так и практического характера.

Благодаря анализу синтаксических особенностей можно установить присущие ораторам

коммуникативные характеристики. Вводные слова и конструкции, деепричастные и причастные обороты, перечисление однородных членов предложения, использование синонимов (Тхакушинова 2010; Филинский 2002), а также повторы и риторические вопросы являются неотъемлемой частью политических выступлений (Паршина 2012; Чубай 2007). Различные синтаксические конструкции используются ораторами для оказания должного и желаемого воздействия на аудиторию.

Исследование осуществлялось на материале речей двух американских политиков — президентов США: Джорджа Буша-младшего (2001–2009) и Барака Обамы (2009–2017).

Оба политика используют в своих выступлениях сложноподчиненные предложения с такими союзами, как *because, as, how, that, where, which, if, when u who*.

Речам американских ораторов присущ т. н. синтаксический параллелизм, который основан

на анафорическом повторении «отдельных слов и оборотов в начале нескольких относительно самостоятельных отрезков речи» (Анищенко 2012, 110). Благодаря анафорическим конструкциям ораторы создают ритм высказывания и задают нужный эмоциональный фон. Синхронные переводчики при передаче таких конструкций могут воспользоваться компрессией и перевести анафору только один раз, что позволит значительно сэкономить время (Чернов 1969; 1978; 1987). Однако в некоторых случаях переводчик может принять решение перевести конструкцию столько же раз, сколько она прозвучала в речи с тем, чтобы оказать соответствующее воздействие на аудиторию.

Дж. Буш-младший использует анафорические конструкции чаще, чем Б. Обама, и в большей степени это справедливо в отношении речей, с которыми выступал политик в стенах Организации Объединенных Наций (табл. 1).

Табл. 1. Анафорические конструкции в речах Дж. Буша-младшего

Анафорическая конструкция	Пример
“ <i>We have a responsibility to <...></i> ” (выступление на 56-й сессии Генассамблеи ООН) [«На нас возложена ответственность за <...>»; <i>здесь и далее перевод наш. — Д. З.</i>]	“ <i>We have a responsibility to share intelligence and coordinate the efforts of law enforcement. <...> We have a responsibility to deny any sanctuary, safe haven, or transit to terrorists. <...> We have a responsibility to deny weapons to terrorists <...></i> ” (Bush 2001a)
“ <i>To the people of <...></i> ” (выступление на 61-й сессии Генассамблеи ООН) [«К народу <...>»]	“ <i>To the people of Iraq <...>. To the people of Afghanistan <...>. To the people of Lebanon <...>. To the people of Iran <...>. To the people of Syria <...>. To the people of Darfur <...></i> ” (Bush 2006a)
“ <i>On September the 11th, 2001, America lost <...></i> ” (выступление на мероприятии, посвященном памяти жертв 11 сентября 2001 г.) [«11 сентября 2001 года Америка потеряла <...>»]	“ <i>On September the 11th, 2001, America lost Firefighter Donny Regan <...>. On September the 11th, 2001, America lost Firefighter Ronnie Gies <...>. On September the 11th, 2001, America lost Senior Court Officer Thomas Jurgens, <...>. On September the 11th, 2001, America lost New York City Police Officer Moira Smith</i> ” (Bush 2005b)

Table 1. Anaphoric constructions in the speeches delivered by George W. Bush

Anaphoric construction	Example
“ <i>We have a responsibility to <...></i> ” (statement at the 56 th session of the United Nations General Assembly) [«На нас возложена ответственность за <...>»; <i>translated by author. — D. Z.</i>]	“ <i>We have a responsibility to share intelligence and coordinate the efforts of law enforcement. <...> We have a responsibility to deny any sanctuary, safe haven, or transit to terrorists. <...> We have a responsibility to deny weapons to terrorists <...></i> ” (Bush 2001a)
“ <i>To the people of <...></i> ” (statement at the 61 th session of the United Nations General Assembly) [«К народу <...>»; <i>translated by author. — D. Z.</i>]	“ <i>To the people of Iraq <...>. To the people of Afghanistan <...>. To the people of Lebanon <...>. To the people of Iran <...>. To the people of Syria <...>. To the people of Darfur <...></i> ” (Bush 2006a)
“ <i>On September the 11th, 2001, America lost <...></i> ” (remarks at Medal of Valor Award Ceremony) [«11 сентября 2001 года Америка потеряла <...>»; <i>translated by author. — D. Z.</i>]	“ <i>On September the 11th, 2001, America lost Firefighter Donny Regan <...>. On September the 11th, 2001, America lost Firefighter Ronnie Gies <...>. On September the 11th, 2001, America lost Senior Court Officer Thomas Jurgens, <...>. On September the 11th, 2001, America lost New York City Police Officer Moira Smith</i> ” (Bush 2005b)

В подавляющем большинстве проанализированных речей Дж. Буша-младшего, произнесенных по итогам двусторонних переговоров, оратор использует клишированную анафорическую конструкцию *We talked about* («Мы говорили о <...>»). Перевод этой конструкции не представляет собой никаких сложностей для синхронных переводчиков и осуществляется автоматически.

В речах Б. Обамы так же было найдено несколько интересных примеров анафорических конструкций (табл. 2).

В результате анализа установлено, что американские ораторы используют в своих выступлениях т. н. трехчастные конструкции.

Трехчастная конструкция — это синтаксический ряд, состоящий из трех однородных членов предложения или трех словосочетаний. Элементы этих конструкций могут быть либо синонимами по отношению друг к другу, либо, косвенно или напрямую относясь к одной теме, передавать разные значения (Зигмантович 2021, 16). В первом случае синхронные переводчики, как и в случае с анафорическими конструкциями, могут воспользоваться компрессией с тем, чтобы сэкономить время для восприятия и обработки новой поступающей на перевод информации. Во втором случае переводчики призваны

передавать каждый элемент конструкции, только если пропуск одного из них не влияет на смысл переводимого.

В своих выступлениях американские ораторы отдают предпочтение второму варианту: элементы трехчастных конструкций не синонимичны и передают разные значения (табл. 3). В большинстве случаев политики используют градацию — «стилистическая фигура, состоящая из ряда слов или словосочетаний, в котором *каждое последующее усиливает или, наоборот, ослабляет значение предыдущего*» (Анищенко 2012, 115).

Еще одной особенностью американского политического дискурса, которая выступает дестабилизирующим фактором в устном синхронном переводе, является наличие оговорок — «ошибка в словах; слово, фраза, ошибочно сказанные вместо других, нужных» (Ушаков 2013, 389). Появление оговорок связано с высоким темпом речи, с которым выступают американские политики. Сразу после появления оговорок ораторы исправляют себя и дают верный вариант, однако это создает определенные трудности для работы синхронных переводчиков, которые могут запомнить ошибочный вариант.

Оговорки были обнаружены в основном в выступлениях Дж. Буша-младшего (табл. 4).

Табл. 2. Анафорические конструкции в речах Б. Обамы

Анафорическая конструкция	Пример
“ <i>We’re moving ahead with <...></i> ” (выступление на пресс-конференции с Раулем Кастро) [«Мы и дальше работаем над <...>»; <i>здесь и далее перевод наш. — Д. З.</i>]	“ <i>We’re moving ahead with more opportunities for Americans to travel to Cuba <...>. We’re moving ahead with more trade. <...> We’re moving ahead with our efforts to help connect more Cubans to the Internet <...> We’re moving ahead with more educational exchanges <...></i> ” (Obama, Castro 2016)
“ <i>Here in Paris <...></i> ” (выступление на конференции по климату в Париже) [«Здесь, в Париже <...>»]	“ <i>Here, in Paris, let’s secure an agreement that builds in ambition, <...>. Here in Paris, let’s agree to a strong system of transparency <...>. Here in Paris, let’s reaffirm our commitment <...>. Here in Paris, let’s also make sure that these resources flow <...>. <...> here in Paris, let’s show businesses and investors that the global economy <...>. Here, in Paris, we can show the world <...></i> ” (Obama 2015)

Table 2. Anaphoric constructions in the speeches delivered by B. Obama

Anaphoric construction	Example
“ <i>We’re moving ahead with <...></i> ” (remarks in a joint press conference with Raul Castro) [«Мы и дальше работаем над <...>»; <i>translated by author. — D. Z.</i>]	“ <i>We’re moving ahead with more opportunities for Americans to travel to Cuba <...>. We’re moving ahead with more trade. <...> We’re moving ahead with our efforts to help connect more Cubans to the Internet <...> We’re moving ahead with more educational exchanges <...></i> ” (Obama, Castro 2016)
“ <i>Here in Paris <...></i> ” (remarks at the First Session of COP21) [«Здесь, в Париже <...>»; <i>translated by author. — D. Z.</i>]	“ <i>Here, in Paris, let’s secure an agreement that builds in ambition, <...>. Here in Paris, let’s agree to a strong system of transparency <...>. Here in Paris, let’s reaffirm our commitment <...>. Here in Paris, let’s also make sure that these resources flow <...>. <...> here in Paris, let’s show businesses and investors that the global economy <...>. Here, in Paris, we can show the world <...></i> ” (Obama 2015)

Табл. 3. Трехчастные конструкции в речах Дж. Буша-младшего и Б. Обамы

Трехчастная конструкция	Перевод
" <i>You regained your independence, held free elections, and established a free economy</i> " (Bush 2006b)	«Вы восстановили свою независимость, провели свободные выборы и создали свободную экономику » [здесь и далее перевод наш. — Д. З.]
" <i>We recognize our responsibility and will meet it — at home, in our hemisphere, and in the world</i> " (Bush 2001b)	«Мы осознаем нашу ответственность, и мы ее реализуем у нас в стране, у нас в полушарии и во всем мире »
" <i>We're not just strategic and economic partners, we're also neighbors, and we're friends, and we're family <...></i> " (Obama, Peña Nieto 2016)	«Мы не просто стратегические и экономические партнеры. Мы также соседи, мы друзья, мы семья »
" <i>So the idea <...> is how do we start making high school <...> more interesting, more exciting, more relevant to young people</i> " (Obama 2014)	«Таким образом, идея заключается в том, как мы можем сделать старшую школу более интересной, более захватывающей и более подходящей для молодежи »

Table 3. Three-part constructions in the speeches delivered by George W. Bush and B. Obama

Three-part constructions	Translation into Russian
" <i>You regained your independence, held free elections, and established a free economy</i> " (Bush 2006b)	«Вы восстановили свою независимость, провели свободные выборы и создали свободную экономику » [translated by author. — D. Z.]
" <i>We recognize our responsibility and will meet it — at home, in our hemisphere, and in the world</i> " (Bush 2001b)	«Мы осознаем нашу ответственность, и мы ее реализуем у нас в стране, у нас в полушарии и во всем мире » [translated by author. — D. Z.]
" <i>We're not just strategic and economic partners, we're also neighbors, and we're friends, and we're family <...></i> " (Obama, Peña Nieto 2016)	«Мы не просто стратегические и экономические партнеры. Мы также соседи, мы друзья, мы семья » [translated by author. — D. Z.]
" <i>So the idea <...> is how do we start making high school <...> more interesting, more exciting, more relevant to young people</i> " (Obama 2014)	«Таким образом, идея заключается в том, как мы можем сделать старшую школу более интересной, более захватывающей и более подходящей для молодежи » [translated by author. — D. Z.]

Табл. 4. Оговорки в речах Дж. Буша-младшего

Оговорка	Комментарий
" <i>And so, Mr. President, I'm so glad you're here — I mean, so glad I am here</i> " (Bush, Lula 2007) [«Итак, господин Президент, я очень рад тому, что Вы сегодня здесь. Вернее, рад тому, что я сегодня здесь »; здесь и далее перевод наш. — Д. З.]	Пресс-конференция проходит в Бразилии, а не в США
" <i>And every time we meet, he is — we have an interesting and constructive strategy session <...></i> " (Bush, Putin 2005) [«Каждый раз, когда мы встречаемся, он ... мы проводим довольно интересные и конструктивные совещания <...>»]	Ошибка в выборе подлежащего
" <i><...> no unilateral attempts to change the status by either side — the status quo by either side</i> " (Bush 2005a) [«<...> не должно предприниматься односторонних попыток изменить статус ни одной из сторон ... статус-кво ни одной из сторон»]	Ошибка в употреблении термина

Table 4. Slips of the tongue in the speeches delivered by George W. Bush

Slips of the tongue	Comments
" <i>And so, Mr. President, I'm so glad you're here — I mean, so glad I am here</i> " (Bush, Lula 2007) [«Итак, господин Президент, я очень рад тому, что Вы сегодня здесь. Вернее, рад тому, что я сегодня здесь »; translated by author. — D. Z.]	A joint press conference takes place in Brazil, not the USA
" <i>And every time we meet, he is — we have an interesting and constructive strategy session <...></i> " (Bush, Putin 2005) [«Каждый раз, когда мы встречаемся, он... мы проводим довольно интересные и конструктивные совещания <...>»; translated by author. — D. Z.]	Slips of the tongue made in the choice of the subject
" <i><...> no unilateral attempts to change the status by either side — the status quo by either side</i> " (Bush 2005a) [«<...> не должно предприниматься односторонних попыток изменить статус ни одной из сторон... статус-кво ни одной из сторон»; translated by author. — D. Z.]	Slips of the tongue made in the use of the term

Выводы

Синтаксические особенности исходных речевых произведений оказывают влияние на качество устного синхронного перевода. Ненагруженные и простые предложения облегчают нагрузку на память синхронных переводчиков. Кроме того, благодаря типичному и упрощенному синтаксису переводчики могут успешно применить компрессию, а знание особенностей речей ораторов может облегчить работу синхронных переводчиков и оказать влияние на возможность прогнозирования воспринимаемой информации.

Использование ораторами анафорических конструкций, а также трехчастных конструкций, элементы которых объединены общим значением, приводит к минимизации смысловых ошибок в устном синхронном переводе.

Дестабилизирующими особенностями синтаксиса для работы синхронных переводчиков выступают оговорки. Наряду с высоким темпом речи и не соответствующей логике высказывания паузации эти дестабилизирующие элементы могут негативно отразиться на качестве и точности перевода.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Словари и справочная литература

- Анищенко, Г. А. (2012) *Литературный справочник*. М.: ФОРУМ, 176 с.
Кузнецов, С. А. (2000) *Большой толковый словарь русского языка*. СПб.: Норинт, 1536 с.
Ушаков, Д. Н. (2013) *Толковый словарь современного русского языка*. М.: Аделант, 800 с.

Литература

- Виссон, А. (2005) *Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур*. 3-е изд., стер. М.: Р. Валент, 191 с.
Гарбовский, Н. К., Костикова, О. И. (2018) Перевод и общество. *Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода*, № 1, с. 17–40.
Зигмантович, Д. С. (2016) Политический дискурс как объект устного перевода (на материале речей российских и французских политиков). *Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода*, № 3, с. 41–57.
Зигмантович, Д. С. (2021) *Устный политический дискурс: факторы переводимости. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. М., МГУ, 27 с.
Комиссаров, В. Н. (2014) *Современное переводоведение*. 2-е изд., испр. М.: Р. Валент, 407 с.
Миньяр-Белоручев, Р. К. (1959) *Методика обучения переводу на слух*. М: Изд-во Института международных отношений, 190 с.
Паршина, О. Н. (2012) *Российская политическая речь: теория и практика*. М.: ЛИБРОКОМ, 232 с.
Погодин, Б. П. (2018) *Опыт преподавания синхронного перевода: примеры подходов к обучению переводу с русского языка на английский*. М.: Р. Валент, 271 с.
Тхакушинова, Ж. Б. (2010) *Речевые особенности политика как сильной/слабой языковой личности: лингвопрагматический и лингвокультурный аспекты (на материале русского и английского языков)*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. Майкоп, Адыгейский государственный университет, 22 с.
Фалалеев, А., Малофеева, А. (2014) *Упражнения для синхрониста. Зеленое яблоко. Самоучитель устного перевода с английского языка на русский*. СПб.: Перспектива; Юникс, 186 с.
Фалалеев, А., Малофеева, А. (2015a) *Упражнения для синхрониста. Вертолет береговой охраны. Самоучитель устного перевода с английского языка на русский*. СПб.: Перспектива; Юникс, 192 с.
Фалалеев, А., Малофеева, А. (2015b) *Упражнения для синхрониста. Умильные мордочки енотов. Самоучитель устного перевода с английского языка на русский*. СПб.: Перспектива; Юникс, 176 с.
Филинский, А. А. (2002) *Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг. Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук*. Тверь, Тверской государственный университет, 163 с.
Чернов, Г. В. (1969) Синхронный перевод: речевая компрессия — лингвистическая проблема. В кн.: Л. С. Бархударова (ред.). *Тетради переводчика*. Вып. 6. М.: Международные отношения, с. 52–65.

- Чернов, Г. В. (1978) *Теория и практика синхронного перевода*. М.: Международные отношения, 208 с.
- Чернов, Г. В. (1987) *Основы синхронного перевода*. М.: Высшая школа, 256 с.
- Чубай, С. А. (2007) *Диалогичность современной политической рекламы. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. Волгоград, Волгоградский государственный университет, 22 с.
- Чиркина, М. И. (2011) *Практикум по синхронному переводу с английского языка на русский*. М.: Р. Валент, 191 с.
- Ширяев, А. Ф. (1979) *Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода*. М.: Воениздат, 183 с.
- Barik, H. C. (1969) *A study of simultaneous interpretation. Unpublished thesis submitted to the faculty of the University of North Carolina at Chapel Hill in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Department of Psychology*. Chapel Hill, University of North Carolina at Chapel Hill, 349 p.
- Gerver, D. (2002) The effects of source language presentation rate on the performance of simultaneous conference interpreters. In: F. Pöchhacker, M. Shlesinger (eds.). *The interpreting studies reader*. London; New York: Routledge Publ., pp. 53–66.
- Oléron, P., Nanpon, H. (2002) Research into simultaneous translation. In: F. Pöchhacker, M. Shlesinger (eds.). *The interpreting studies reader*. London; New York: Routledge Publ., pp. 43–50.

Sources

- Bush, G. W. (2001a) *United States of America. Statement by H. E. Mr. George W Bush President at the 56th Session of the United Nations General Assembly 10 november 2001, New York*. [Online]. Available at: <https://www.un.org/webcast/ga/56/statements/011110usaE.htm> (accessed 17.04.2018). (In English)
- Bush, G. W. (2001b) *President Bush Discusses Global Climate Change*. [Online]. Available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/06/20010611-2.html> (accessed 23.03.2018). (In English)
- Bush, G. W. (2005a) *President Discusses Freedom and Democracy in Kyoto, Japan*. [Online]. Available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2005/11/20051116-6.html> (accessed 26.09.2018). (In English)
- Bush, G. W. (2005b) *President Remembers 9/11 Heroes at Medal of Valor Award Ceremony*. [Online]. Available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2005/09/20050909-1.html> (accessed 23.07.2018). (In English)
- Bush, G. W. (2006a) *President Bush Addresses United Nations General Assembly*. [Online]. Available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/09/20060919-4.html> (accessed 09.07.2018). (In English)
- Bush, G. W. (2006b) *President's Remarks to the People of Hungary*. [Online]. Available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/06/20060622-6.html> (accessed 14.07.2018). (In English)
- Bush, G. W., Lula, L. I. (2007) *President Bush Participates in a Joint Press Availability with President Lula of Brazil*. [Online]. Available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2007/03/20070309-9.html> (accessed 06.12.2018). (In English)
- Bush, G. W., Putin, V. V. (2005) *President and President Putin Discuss Strong U.S.-Russian Partnership*. [Online]. Available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2005/02/20050224-9.html> (accessed 17.03.2018). (In English)
- Obama, B. H. (2014) *Remarks by the President on Opportunity for All and Skills for America's Workers*. [Online]. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/01/30/remarks-president-opportunity-all-and-skills-americas-workers> (accessed 12.06.2018). (In English)
- Obama, B. H. (2015) *Remarks by President Obama at the First Session of COP21*. [Online]. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/11/30/remarks-president-obama-first-session-cop21> (accessed 10.07.2018). (In English)
- Obama, B. H., Castro, R. M. (2016) *Remarks by President Obama and President Raul Castro of Cuba in a Joint Press Conference*. [Online]. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/03/21/remarks-president-obama-and-president-raul-castro-cuba-joint-press> (accessed 17.08.2018). (In English)
- Obama, B. H., Peña Nieto, E. (2016) *Remarks by President Obama and President Pena Nieto of Mexico in Joint Press Conference*. [Online]. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/07/22/remarks-president-obama-and-president-pena-nieto-mexico-joint-press> (accessed 17.09.2018). (In English)

Dictionaries and reference literature

- Anishchenko, G. A. (2012) *Literaturnyj spravochnik [Literary guide]*. Moscow: FORUM Publ., 176 p. (In Russian)
- Kuznetsov, S. A. (2000) *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Great dictionary of Russian language]*. Saint Petersburg: Norint Publ., 1536 p. (In Russian)
- Ushakov, D. N. (2013) *Tolkovnyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the modern Russian language]*. Moscow: Adelant Publ., 800 p. (In Russian)

References

- Barik, H. C. (1969) *A study of simultaneous interpretation. Unpublished thesis submitted to the faculty of the University of North Carolina at Chapel Hill in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Department of Psychology.* Chapel Hill, University of North Carolina at Chapel Hill, 349 p. (In English)
- Chernov, G. V. (1969) Sinkhronnyj perevod: Rechevaya kompressiya — lingvisticheskaya problema [Simultaneous translation: Speech compression is a linguistic problem]. In: L. S. Barkhudarova (ed.). *Tetradj perevodchika [Translator's notebooks]. Iss. 6.* Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., pp. 52–65. (In Russian)
- Chernov, G. V. (1978) *Teoriya i praktika sinkhronnogo perevoda [Theory and practice of simultaneous interpretation].* Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 208 p. (In Russian)
- Chernov, G. V. (1987) *Osnovy sinkhronnogo perevoda [Fundamentals of simultaneous interpretation].* Moscow: Vysshaya shkola Publ., 256 p. (In Russian)
- Chubaj, S. A. (2007) *Dialogichnost' sovremennoj politicheskoy reklamy [Dialogical nature of modern political advertising]. Extended abstract of the PhD dissertation (Philology).* Volgograd, Volgograd State University, 22 p. (In Russian)
- Chirkina, M. I. (2011) *Praktikum po sinkhronnomu perevodu s anglijskogo yazyka na russkij [Workshop on simultaneous interpreting from English into Russian].* Moscow: R. Valent Publ., 191 p. (In Russian)
- Falaleev, A., Malofeeva, A. (2014) *Uprazhneniya dlya sinkhronista. Zelenoe yabloko. Samouchitel' ustnogo perevoda s anglijskogo yazyka na russkij [Exercises for a simultaneous interpreter. Green apple. Self-tutor for oral translation from English into Russian].* Saint Petersburg: Perspektiva Publ.; Yuniks Publ., 186 p. (In Russian)
- Falaleev, A., Malofeeva, A. (2015a) *Uprazhneniya dlya sinkhronista. Vertolet beregovoj okhrany. Samouchitel' ustnogo perevoda s anglijskogo yazyka na russkij [Exercises for a simultaneous interpreter. Coast guard helicopter. Self-tutor for oral translation from English into Russian].* Saint Petersburg: Perspektiva Publ.; Yuniks Publ., 192 p. (In Russian)
- Falaleev, A., Malofeeva, A. (2015b) *Uprazhneniya dlya sinkhronista. Umil'nye mordochki enotov. Samouchitel' ustnogo perevoda s anglijskogo yazyka na russkij [Exercises for a simultaneous interpreter. Cute muzzles of raccoons. Self-tutor for oral translation from English into Russian].* Saint Petersburg: Perspektiva Publ.; Yuniks Publ., 176 p. (In Russian)
- Filinskij, A. A. (2002) *Kriticheskij analiz politicheskogo diskursa predvybornykh kampanij 1999–2000 gg. [Critical analysis of the political discourse of the 1999–2000 pre-election campaigns]. PhD dissertation (Philology).* Tver, Tver State University, 163 p. (In Russian)
- Garbovsky, N. K., Kostikova, O. I. (2018) *Perevod i obshchestvo [Translation and society]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda — Moscow University Translation Studies Bulletin, no. 1, pp. 17–40.* (In Russian)
- Gerver, D. (2002) The effects of source language presentation rate on the performance of simultaneous conference interpreters. In: F. Pöchhacker, M. Shlesinger (eds.). *The interpreting studies reader.* London; New York: Routledge Publ., pp. 53–66. (In English)
- Komissarov, V. N. (2014) *Sovremennoe perevodovedenie [Modern translation studies]. 2nd ed.* Moscow: R. Valent Publ., 407 p. (In Russian)
- Min'yar-Beloručev, R. K. (1959) *Metodika obucheniya perevodu na slukh [Methodology for teaching translation by ear].* Moscow: MGIMO Institute Publ., 190 p. (In Russian)
- Oléron, P., Nanpon, H. (2002) Research into simultaneous translation. In: F. Pöchhacker, M. Shlesinger (eds.). *The interpreting studies reader.* London; New York: Routledge Publ., pp. 43–50. (In English)
- Parshina, O. N. (2012) *Rossijskaya politicheskaya rech': Teoriya i praktika [Russian political speech: Theory and practice].* Moscow: LIBROKOM Publ., 232 p. (In Russian)
- Pogodin, B. P. (2018) *Opyt prepodavaniya sinkhronnogo perevoda: Primery podkhodov k obucheniyu perevodu s russkogo yazyka na anglijskij [Experience in teaching simultaneous interpreting: Examples of approaches to teaching translation from Russian into English].* Moscow: R. Valent Publ., 271 p. (In Russian)
- Shiryaev, A. F. (1979) *Sinkhronnyj perevod: Deyatel'nost' sinkhronnogo perevodchika i metodika prepodavaniya sinkhronnogo perevoda [Simultaneous interpretation translation: Activity of a simultaneous interpreter and methods of teaching simultaneous interpreting].* Moscow: Voenizdat Publ., 183 p. (In Russian)
- Tkhakushinova, Zh. B. (2010) *Rechevye osobennosti politika kak sil'noj/slaboju yazykovuju lichnost': Lingvopragmaticheskij i lingvokul'turnyj aspekty (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov) [Speech features of a politician as a strong/weak linguistic persona: Linguo-pragmatic and linguo-cultural aspects (on the material on the Russian and English languages)]. Extended abstract of the PhD dissertation (Philology).* Maykop, Adyge State University, 22 p. (In Russian)
- Visson, L. (2005) *Russkie problemy v anglijskoj rechi. Slova i frazy v kontekste dvukh kul'tur [Where Russian go wrong in spoken English]. 3rd ed.* Moscow: R. Valent Publ., 191 p. (In Russian)
- Zigmantovich, D. S. (2016) *Politicheskij diskurs kak ob'ekt ustnogo perevoda (na materiale rečej rossijskikh i frantsuzskikh politikov) [Political discourse as a subject matter of interpreting of speeches delivered by Russian and French politicians]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda — Moscow University Translation Studies Bulletin, no. 3, pp. 41–57.* (In Russian)
- Zigmantovich, D. S. (2021) *Ustnyj politicheskij diskurs: Faktory perevodimosti [Oral political discourse: Translatability factors]. Extended abstract of the PhD dissertation (Philology).* Moscow, Moscow State University, 27 p. (In Russian)



УДК 81'322.4

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-25-30>

Pre-editing English news texts for machine translation into Russian

E. S. Kokanova ¹, M. V. Berendyaev¹, N. Yu. Kulikov¹

¹ Northern (Arctic) Federal University, 17 Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk 163002, Russia

Authors

Elena S. Kokanova,
SPIN: 9687-2303;
Scopus AuthorID: 57218198923;
ResearcherID: ABG-9970-2020;
ORCID: 0000-0001-6623-5636;
e-mail: e.s.kokanova@narfu.ru

Maxim V. Berendyaev,
SPIN: 4399-6155;
e-mail: m.berendyaev@narfu.ru

Nikolay Yu. Kulikov,
SPIN: 4461-3126;
e-mail: n.kulikov@narfu.ru

For citation: Kokanova, E. S., Berendyaev, M. V., Kulikov, N. Yu. (2022) Pre-editing English news texts for machine translation into Russian. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 4, no. 1, pp. 25–30. <https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-25-30>

Received 31 January 2022; reviewed 25 February 2022; accepted 25 February 2022.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © E. S. Kokanova, M. V. Berendyaev, N. Yu. Kulikov (2022). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The paper discusses the possible advantages of pre-editing English news texts for machine translation into Russian. Pre-editing is defined as a process of adapting source text in order to reach a better quality of machine translation. Two case studies were conducted: one in 2021 and the other one in 2022. During case studies texts from *bbc.com* were chosen, pre-edited and translated using neural machine translation systems. Analysing common pre-editing techniques and their impact on the result of machine translation in terms of certain error patterns we conclude that in most cases pre-editing helps to eliminate a number of errors, improve the overall quality of machine output and reduce the amount of time and efforts needed for post-editing machine translation. The conducted case study also showed that despite the fact, that machine translation systems are constantly developing and changing, it is possible to identify common peculiarities of machine translation regarding a certain style or type of text and certain language pair, analyse the error patterns and find the appropriate pre-editing techniques that will be applicable for the most of machine translation systems for many months and years. Pre-editing does not guarantee the high quality of the translation itself, but together with post-editing it allows reaching results similar or equal to human translation saving a translator's time and efforts.

Keywords: pre-editing, neural machine translation, news text, English, Russian

Introduction

The advantages of machine translation (MT) over human translation (e.g., translation from scratch) make it extremely attractive: high translation speed, high performance and economic benefits. There is another important point for the discussion. Is it possible to claim that there is a great potential in the field of MT? Historically, the human participation in the MT process was considered as the impossibility of using MT on a large scale (Barkhudarov, Kolshanskij 1958), while others allowed the possibility of editing MT to the necessary

extent (Hays 1960). There is an active development of MT systems, in particular, the MT technology based on neural networks. Before neural machine translation (NMT) appeared, the main challenge causing much discussion was poor translation quality, which could lead to misinterpretations and misdiagnoses (Dew, Turner, Choi et al. 2018).

Currently, it is accepted that pre-editing is the analysis and verification of the source text (ST) in order to identify possible errors for NMT and their elimination or correction (Marzouk, Hansen-Schirra 2019, 186). The research shows the influence of pre-editing on the quality of translation performed

by NMT. Pre-editing includes forecasting problem areas and possible errors. Pre-editing texts for NMT is the process of preparing the source text (ST) before translating. The paper considers the peculiarities of translating news texts from English into Russian using NMT systems and the possibility of improving the quality of output data with pre-editing of ST. Globally, the use of MT combined with pre-editing has become integrated in the translation industry and in translator training. There are not only translators and post-editors, but also pre-editors.

Methods and material

The two news texts from *bbc.com* with a total number of words 300 were chosen for the case study. The source text 1 is “Reaching 130 million girls with no access to school” (Coughlan 2020). The source text 2 is “Why so many young Swedes live alone” (Savage 2019). First, the texts were pre-edited. Second, the source texts were translated from English into Russian before and after pre-editing using different MT systems based on neural networks. They are Google Translate, Amazon Translate and PROMT Professional Neural. After that, there was a comparison of six target texts.

In order to evaluate the quality of MT and the effectiveness of pre-editing, translation errors were identified both in source and pre-edited texts MT outputs. All errors were divided into following groups: 1) lexical errors, including mistranslations, omissions / additions, wrong word choice, errors of collocation, etc. and 2) grammatical errors, including wrong word order, incorrect word forms, agreement errors, etc.

The number of words in each source text is about 150 before pre-editing. In one NMT, the number of words in raw output texts is about 265 before pre-editing. The number of words in raw output texts is about 262 after pre-editing.

In the study neural machine translation systems are called NMT 1, NMT 2 and NMT 3 instead of NMT systems’ trade names in order to avoid comparisons and judgements. The purpose of the study is to reveal some patterns rather than evaluate the particular NMT system.

There was one more text, the source text 3 “Why procrastination is about managing emotions, not time” (Jarrett 2020). At the stage of the first reading the decision was made not to pre-edit it. There were too many problem areas related to diversity of tenses, changing person forms of verbs, polysemantic words, phrasal verbs, va-

riety of grammatical structures, etc. At the stage of translating before pre-editing the assumption was confirmed. The poor (in comparison to other texts) quality of NMT 1, NMT 2 and NMT 3 outputs showed that pre-editing would have taken too much time and efforts, and it presumably would not have improved the MT output quality significantly.

In January 2022 (5 months after the first case study) we repeated the experiment using a new source text from *bbc.com* “Two-thirds with Omicron say they have had Covid before” (Roberts 2022). The new study showed no significant difference from the previous one in terms of translation quality, patterns of errors and effectiveness of pre-editing techniques. This means, that despite the rapid changes in NMT systems and in the news texts themselves, there are a number of common mistakes to be prevented through pre-editing and a number of pre-editing techniques that work in different circumstances. To illustrate this fact the examples from new source text (ST-2022) will be given in the “Discussion” part.

Discussion

Often, the effect of pre-editing on the quality of NMT is unpredictable, but some orientation of changes in NMT output has been revealed, which depends on the received pre-editing (Mercader-Alarcón, Sánchez-Matínez 2016; Miyata, Fujita 2021, 1541). Let us list some methods of pre-editing texts for MT:

1. Break complex sentences into simple short sentences and medium-length sentences (5 to 20 words).
2. If there are two verbs in the sentence that convey two thoughts, divide this sentence into two.
3. Make sure all text is written in the same language.
4. Replace the infinitive, present participle, and past participle forms of verbs at the beginning of sentences with less ambiguous words.
5. Put verbs into active voice when possible.
6. Put verbs into simple tenses if the target language does not have the same system, e.g. there are no continuous and perfect tenses in Russian.
7. Eliminate idioms, slang, and jargon.
8. Check that punctuation is correct.
9. Insert, where necessary, missing words, articles and demonstrative pronouns before nouns (that, which, etc.).
10. Replace abbreviations and acronyms with full words, names or phrases, etc. (Kokanova, Berendyaev, Kulikov 2019; Machine translation tips 2016).

*Pre-editing techniques:
lexical aspect*

The results of translation texts before pre-editing show that the NMT systems do not cope well with translating polysemantic words, which determines the importance of pre-editing, finding and eliminating such problematic places. After pre-editing the systems do cope with the translation, but still require editing the output of the NMT, that is post-editing (PEMT).

ST 1: Why so many young Swedes live alone
ST 1 after pre-editing: Why so many young Swedes live independently

ST 2: girls with no access to school
ST 2 after pre-editing: girls without education

ST 2: to stress the sense of urgency
ST 2 after pre-editing: to stress the urgency of the problem

The new case study showed the same issue, and the same pre-editing technique helped to prevent the error:

ST-2022: Two shots offer little protection against catching Omicron

ST-2022 after pre-editing: Two injections offer little protection against catching Omicron

Also, NMT systems do not recognize whether the meaning of the verb is reflexive or non-reflexive if both variants are possible for the particular verb. It is necessary to identify such cases and pre-edit using verbs with clearer meaning. Pre-editing helps to avoid the potential mistake.

ST 1: I'd always wanted to move out of home and I'd always felt ready

ST 1 after pre-editing: I'd always wanted to move out of home and I'd always been ready

Another weakness of NMT systems is related to the fact, that they often do not "understand" idiomatic and colloquial language. As a result, when source text contains idioms or collocations, which is typical for news texts, the MT output looks more like word-for-word translation than transferring the original meaning. Therefore, pre-editing can include replacing idioms and collocations for more neutral and clear lexical items.

ST 1: In Sweden it's a different story
ST 1 after pre-editing: It's different in Sweden

ST-2022: 'Get boosted'
ST-2022 after pre-editing: 'Get the booster dose'

English phrasal verbs can be one more source of errors in NMT from English into Russian. Combining polysemy and colloquial meaning, they often lead to mistranslations. Pre-editing helps NMT cope with translation.

ST 2: girls who are completely missing out on school

ST 2 after pre-editing: girls who do not go to school at all

ST-2022: let in the fresh air
ST-2022 after pre-editing: air the room

There are some risks of errors to occur when the text contains words with abstract meaning. In order to reach understandable translation, those words can be replaced with more precise ones.

ST 2: Julia Gillard, former Australian prime minister, is campaigning for the right of girls to stay in education

ST 2 after pre-editing: Julia Gillard, former Australian prime minister, is campaigning for the right of girls to go to school

ST-2022: More work is needed
ST-2022 after pre-editing: More research is needed

*Pre-editing techniques:
grammatical aspect*

In terms of grammar, the language typology should be taken into consideration. For instance, it is typical for English sentence to have difference between logical and syntactic subject, but sometimes that is not the case for Russian language. NMT systems do not change the subject and the error occurs. It is important to bring the syntactic structure closer to the logical one when pre-editing the sentences.

ST 1: A 2019 study found
ST 1 after pre-editing: The findings of a 2019 study found

ST-2022: Coronavirus infections have slowed recently

ST-2022 after pre-editing: The rates of coronavirus infections have slowed recently

In some cases grammatical structures themselves (e. g. structures with non-finite verbs) lead

to omission of information necessary for the translated text. While pre-editing the structures can be changed in order to add the necessary information, but the result has to be checked at the stage of post-editing. For instance, in the following example the quality of some NMT raw outputs even worsened, because NMT systems confused gerund and participle V-ing forms.

ST 1: The most common age to leave home

ST 1 after pre-editing: The most common age of young people leaving home

In the following example pre-editing had predictably positive effect.

ST-2022: they had already previously tested positive for Covid

ST-2022 after pre-editing: they had already got the positive tests for Covid

The opposite situation is also possible. The grammatical structure may contain unnecessary words playing purely syntactic role. When translating into languages with different syntax they become unnecessary. To pre-edit in such cases means only to remove those words.

ST 2: Reaching 130 million girls

ST 2 after pre-editing: 130 million girls

Interestingly, using news texts as research material, we noticed fluctuating effectiveness of pre-editing texts for the following NMT systems: Amazon Translate, Google Translate and PROMT Professional Neural. Only an understanding of how a particular NMT system works, as well as the ability to predict the impact of pre-editing texts for a particular NMT system, allows you to determine the best methods for pre-editing, for example, news texts for NMT from English to Russian. Thus, some pre-editing techniques show the expected results, which means that their application is possible. However, several cases of negative impact of pre-editing on the quality of NMT have also been identified. Some techniques of pre-editing news texts minimize the occurrence of errors, but the need for post-editing of NMT output remains.

Results

In order to measure the amount of post-editing needed for NMT texts with and without pre-editing, we post-edited NMTs of ST 1, ST 1 after pre-editing, ST 2, ST 2 after pre-editing, ST-2022

and ST 2022 after pre-editing. We used TAUS guidelines (MT Post-Editing Guidelines 2010) for achieving quality similar or equal to human translation: corrected grammatical and lexical errors, ensured that no information was accidentally added or omitted, applied basic punctuation and spelling rules, etc.

In terms of human quality assessment, while post-editing we noticed, that pre-editing reduced the number of mistakes and made them easier to correct. It also reduced the time spent on post-editing. On average, pre-edited texts required 30–40% less time than texts without pre-editing.

Finally, we used the Memsource Post-editing Analysis tool (Analysis Overview 2021) in order to calculate the edit distance between raw NMT outputs and post-edited texts. The percentage of post-edited texts similarity to raw outputs was analysed given the amount of time and efforts spent on pre-editing and post-editing.

The pre-edited news texts are more than 90% similar to raw machine output. The news texts without pre-editing are more than 70% similar to raw machine output. Considering these facts, it is more appropriate to mention stability and predictability of NMT rather than higher or lower performance when applied to news texts. The pre-editing time is also significantly important. It takes not much time to pre-edit if there are enough skills to predict the impact of pre-editing news texts for a particular NMT system.

After the quantitative analysis, the following patterns of translation errors were extracted:

1. mistranslation of polysemantic words remains one of the most frequent NMT error in terms of lexis;
2. omission of necessary information as well as addition of unnecessary items is also typical for NMT systems;
3. machine translation systems do not “understand” some idioms, collocations and phrasal verbs. It can be argued, that dealing with metaphorical meaning is completely outside the current capabilities of NMT;
4. in terms of grammar, NMT often struggles with word order and cannot restructure the sentence even if the target language system requires it;
5. NMT cannot translate the headings properly as it cannot cope with incomplete sentences.

A number of issues mentioned can be tackled using the combination of pre-editing and post-editing. Polysemantic words can be replaced with synonyms. Complicated phrases and constructions can be eliminated as well as idioms and strong collocations. Sentences can be restructured and

clarified. But in less frequent cases the effect of pre-editing can be unpredictable including lack of positive impact and even prevalence of negative one.

There is some dependence of the pre-editing rules on the target language to which the English news texts are translated, most of them would also be useful when the target language of the translation is not Russian. This is, for instance, the rule to expand acronyms to help the MT systems determine the term, to eliminate polysemy, or to divide too long sentences into shorter ones.

Another utterly important question is whether we should pre-edit or not. On the example of source text 3 we can see that in some circumstances pre-editing becomes inefficient due to amount of time and efforts needed. It is necessary to consider the fact that post-editing is inevitable in any case.

Conclusion

While NMT systems are constantly improving, there are still some issues that reduce the quality of raw machine output. By predicting those issues

and eliminating problematic places through pre-editing human remains key figure in human-machine interaction. On the whole, pre-editing improves the quality of NMT from English into Russian, but in order to pre-edit effectively, it is necessary to learn the methods of pre-editing texts for NMT. Several cases of negative impact of pre-editing on the quality of NMT have been identified, that indicates the necessity to understand how the NMT works. Some methods of pre-editing news texts minimize the number of errors, but the need for PEMT output remains.

Knowing and using pre-editing and post-editing techniques reduce time and efforts needed for reaching comprehensible, accurate and stylistically fine translation quality.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Author Contributions

Authors contributed equally to the submission.

Abbreviations

MT — machine translation
NMT — neural machine translation
PEMT — post-editing machine translation
ST — source text

Sources

- Coughlan, S. (2020) Reaching 130 million girls with no access to school. *BBC News*, 08.03.2020. [Online]. Available at: <https://www.bbc.com/news/education-51769845> (accessed 29.08.2021). (In English)
- Jarrett, Ch. (2020) Why procrastination is about managing emotions, not time. *BBC Worklife*, 14.05.2020. [Online]. Available at: <https://www.bbc.com/worklife/article/20200121-why-procrastination-is-about-managing-emotions-not-time> (accessed 29.08.2021). (In English)
- Roberts, M. (2022) Two-thirds with Omicron say they have had Covid before. *BBC News*, 26.01.2022. [Online]. Available at: <https://www.bbc.com/news/health-60132096> (accessed 28.01.2022). (In English)
- Savage, M. (2019) Swedes typically stop living with their parents earlier than anywhere else in Europe. But can leaving home at a young age have a dark side? *BBC Worklife*, 22.08.2019. [Online]. Available at: <https://www.bbc.com/worklife/article/20190821-why-so-many-young-swedes-live-alone> (accessed 29.08.2021). (In English)

References

- Analysis Overview. (2021) *Memsources Help Center*. [Online]. Available at: <http://help.memsources.com/hc/en-us/articles/360013675760> (accessed 28.08.2021). (In English)
- Barkhudarov, L. S., Kolshanskij, G. V. (1958) К вопросу о возможности машинного перевода [On the possibilities of machine translation]. *Voprosy Yazykoznanija*, vol. 1, pp. 129–133. (In Russian)
- Dew, K. N., Turner, A. M, Choi, Yo. K et al. (2018) Development of machine translation technology for assisting health communication: A systematic review. *Journal of Biomedical Informatics*, vol. 85, pp. 56–67. <https://doi.org/10.1016/j.jbi.2018.07.018> (In English)
- Hays, D. G. (1960) Linguistic research at the RAND corporation. In: *Proceedings of the National Symposium on Machine Translation (2–5 February, 1960)*. Los Angeles: Englewood Cliffs Publ.; N. J. Prentice-Hall Publ., pp. 13–25. (In English)

- Kokanova, E. S., Berendyaev, M. V., Kulikov, N. Yu. (2019) Tipy oshibok pri nejronnom mashinnom perevode tekstov ob arkticheskikh konvoyakh [Types of errors in neural machine translation texts about Arctic convoys]. In L. Yu. Shchipitsina (ed.). *Razvitie severo-arkticheskogo regiona: problemy i resheniya v gumanitarnoj sfere. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii (25–27 aprelya 2019) [Development of the North-Arctic region: Problems and solutions in the Human Studies. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (April 25–27, 2019)]*. Arkhangelsk: Northern (Arctic) Federal University Publ., pp. 80–84. (In Russian)
- Machine translation tips. (2016) *IBM Cloud Docs*. [Online]. Available at: https://cloud.ibm.com/docs/GlobalizationPipeline?topic=GlobalizationPipeline-globalizationpipeline_tips (accessed 28.08.2021). (In English)
- Marzouk, S., Hansen-Schirra, S. (2019) Evaluation of the impact of controlled language on neural machine translation compared to other MT architectures. *Machine Translation*, vol. 33, no. 3, pp. 179–203. <https://doi.org/10.1007/s10590-019-09233-w> (In English)
- Mercader-Alarcón, J., Sánchez-Matínez, F. (2016). Analysis of translation errors and evaluation of pre-editing rules for the translation of English news texts into Spanish with Lucy LT. *Revista Tradumàtica: Tecnologies de la Traducció*, no. 14, pp. 172–186. <http://dx.doi.org/10.5565/rev/tradumatica.164> (In English)
- Miyata, R., Fujita, A. (2021). Understanding pre-editing for black-box neural machine translation. In: *Proceedings of the 16th conference of the European Chapter of the Association for Computational Linguistics (EACL)*. [S. l.]: Association for Computational Linguistics Publ., pp. 1539–1550. [Online]. Available at: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2102.02955> (accessed 28.08.2021). (In English)
- MT Post-Editing Guidelines. (2010) *TAUS: The Language Data Network*. [Online]. Available at: <https://www.taus.net/academy/best-practices/postedit-best-practices/machine-translation-post-editing-guidelines> (accessed 30.09.2021). (In English)



Check for updates

Перевод и переводоведение

УДК 82.091

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-31-43>

Художественный перевод как риторическая коммуникация. Поэзия «озерной школы» в русских переводах

К. Б. Уразаева^{✉1}, С. А. Петкова², А. М. Есентемирова¹

¹ Евразийский национальный университет им. А. Н. Гумилева,
010008, Казахстан, г. Нур-Султан, ул. Сатпаева, д. 2

² Софийский университет им. Св. Климента Охридского, 1504, Болгария, г. София,
бульвар Царя-Освободителя, д. 15

Сведения об авторах

Куралай Бибитальевна Уразаева,
ORCID: 0000-0001-8341-7562;
e-mail: kuralay_uraz@mail.ru

Сильвия Атанасова Петкова,
ORCID: 0000-0001-6830-7875;
e-mail: silvia_petkova@slav.uni-sofia.bg

Айгуль Маратовна Есентемирова,
ORCID: 0000-0002-3478-5139;
e-mail: aigul.yessentemirova@mail.ru

Для цитирования:

Уразаева, К. Б., Петкова, С. А.,
Есентемирова, А. М. (2022)
Художественный перевод как
риторическая коммуникация.
Поэзия «озерной школы» в русских
переводах. *Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 4, № 1, с. 31–43.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-31-43>

Получена 4 февраля 2022; прошла
рецензирование 21 марта 2022;
принята 24 марта 2022.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © К. Б. Уразаева,
С. А. Петкова, А. М. Есентемирова
(2022). Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Статья обобщает результаты исследования художественного перевода как риторической коммуникации. Анализ произведений поэтов «озерной школы» в русских переводах проведен с применением неориторического подхода на стыке переводоведения и литературоведения. Такой подход позволил не только расширить представление о роли художественного перевода как части литературного процесса, но и установить факторы жанровой динамики в литературном процессе принимающей культуры и описать более полно факторы формирования диалога культур. Изучение художественного перевода как риторической коммуникации опирается на ряд положений. Это исследование художественного перевода как трансформации *Другого* в *своего* на основе трех компетенций текста — референтной, креативной и рецептивной. Вовлечение в сферу исследования произведений, характеризующих переводную множественность, переводную дисперсию и культурообусловленные стратегии перевода, осуществлено с использованием методов сравнительного литературоведения и риторики. Переводы Пушкина и Бальмонта анализируются как проявления доместикации, как перевод-парафраз Пушкина и интерпретативный перевод Бальмонта, обусловившие явление «русского» Вордсворта и обновление сонета в русском романтизме и символизме. Действие феномена переводной множественности как источника художественного перевода и его функции как риторической коммуникации иллюстрируется русскими переводами сонета Вордсворта XX в. Приведена методика расчета коэффициента точности художественного перевода, что представляется плодотворным для создания новых переводов английской поэзии. Еще одна функция художественного перевода как риторической коммуникации рассмотрена на примере иллокутивного воздействия автора на читателя на материале перевода поэмы Кольриджа Гумилевым и Левиком. Дополняет картину художественного перевода как риторической коммуникации анализ связи национальной и авторской концептосфер. Перевод поэзии Саути Пушкиным и Гумилевым анализируется в контексте эстетических и духовно-религиозных взглядов поэтов. Финальный этап исследования художественного перевода как риторической коммуникации связан с обоснованием роли подстрочника. Место опосредованного диалога в формировании межкультурной коммуникации определяется в связи с точностью художественного перевода.

Ключевые слова: художественный перевод, риторическая коммуникация, «озерная школа», иллокутивное воздействие, национальная концептосфера

Literary translation as rhetorical communication. Poetry of the “Lake School” in Russian translations

K. B. Urazayeva ^{✉1}, S. A. Petkova ², A. M. Yessentemirova ¹

¹ L. N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satpayeva Str., Nur-Sultan 010008, Republic of Kazakhstan

² Sofia University St. Kliment Ohridski, 15 Tzar Osvoboditel Blvd., Sofia 1504, Bulgaria

Authors

Kuralay B. Urazayeva,
ORCID: 0000-0001-8341-7562;
e-mail: kuralay_uraz@mail.ru

Silvia A. Petkova,
ORCID: 0000-0001-6830-7875;
e-mail: silvia_petkova@slav.uni-sofia.bg

Aqgul M. Yessentemirova,
ORCID: 0000-0002-3478-5139;
e-mail: aigul.yessentemirova@mail.ru

For citation:

Urazayeva, K. B., Petkova, S. A.,
Yessentemirova, A. M. (2022)
Literary translation as rhetorical
communication. Poetry of the “Lake
School” in Russian translations.
*Language Studies and Modern
Humanities*, vol. 4, no. 1, pp. 31–43.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-31-43>

Received 4 February 2022; reviewed
21 March 2022; accepted 24 March
2022.

Funding: The study did not receive
any external funding

Copyright: © K. B. Urazayeva,
S. A. Petkova, A. M. Yessentemirova
(2022). Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC
License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The article summarizes the results of research aimed at studying literary translation as rhetorical communication. The analysis of the works of the poets of the “Lake School” in Russian translations was carried out using a neo-rhetorical approach. This approach allowed not only to expand the understanding of the role of literary translation as part of the literary process, but also to establish the factors of genre dynamics in the literary process of the host culture and to describe the factors in the formation of the dialogue of cultures. The study of literary translation as rhetorical communication is based on a number of provisions. This is a study of literary translation as the transformation of the *Other into One of us* based on the three competencies of the text — referential, creative and receptive. The involvement in the field of research of works that characterize translation multiplicity, translation dispersion and culturally determined translation strategies was carried out using the methods of comparative literature and rhetoric. Pushkin’s and Balmont’s translations are analyzed as manifestations of domestication, Pushkin’s translation-paraphrase and Balmont’s interpretive translation which determined the appearance of the “Russian” Wordsworth and the renewal of the sonnet in Russian romanticism and symbolism. The phenomenon of translation multiplicity as a source of literary translation and its function as rhetorical communication is illustrated by Russian translations of Wordsworth’s sonnet in the 20th century. The technique for calculating the accuracy index of literary translation is presented which seems fruitful for creating new translations. Another function of literary translation as rhetorical communication is considered from the perspective of the author’s illocutionary influence on the reader and the translations of Coleridge’s poem by Gumilyov and Levik are examined as a case study.

Key words: literary translation, rhetorical communication, «Lake School», illocutionary influence, national concept sphere

Введение

Применение неориторического (дискурсного) подхода при изучении художественного перевода как части литературного процесса позволяет по-новому рассмотреть обновление жанра в принимающей культуре, условия интеграции инокультурных элементов в процессе перевода текста *другой* культуры. Одной из актуальных задач науки является изучение художественного перевода как риторической коммуникации. Актуальность состоит в исследовании трансформации текста *другой* культуры, воздействии перевода на адресата, обновлении жанровой динамики литературы.

Литературоведческая трактовка дискурса опирается в трудах В. Тюпы (Тюпа 2009, 273) на концепцию текста как объекта трех компетенций — референтной, креативной, рецептив-

ной (Тюпа 2009, 275). Экстраполяция данной концепции текста на область художественного перевода привлекает внимание к внутренней стороне коммуникации. Выделяемая современной наукой формула «автор — идеальный адресат (Другой) — автор» соответствует «автокоммуникативной стратегии поэтического (и философского) дискурса» (Азарова 2012, 228).

Разработанный В. Тюпой неориторический подход коррелирует с работами П. Топера о художественном переводе как части литературного процесса (Топер 2000). Идея Топера о множественности перевода, понятия «синхронного» и «диахронного» разреза апеллируют к внешней стороне художественного перевода как риторической коммуникации. Системное рассмотрение художественного перевода как риторической коммуникации обеспечивается интеграцией риторики с переводоведением и литературоведением.

Исследование художественного перевода как риторической коммуникации поддерживается и теорией Ц. Тодорова о роли риторической организации общества и коммуникации в завоевании Америки испанцами. Применение концепции ученого к вопросам художественного перевода — как процессу постижения *Другого* и его трансформации в *своего* (Тодоров 2010) — позволяет соотнести описанные ученым этапы эволюции *Другого* в *своего*: *узнавание* — *выстраивание* — *трансформация в своего* — со звеньями процесса художественного перевода. Так, *узнавание* коррелирует с референтной компетенцией текста перевода. *Выстраивание* является параллелью к креативной компетенции текста перевода. *Трансформация Другого в своего* завершается рецептивной компетенцией. Такой подход позволяет изучить формирование национальной и культурной идентичности художественного перевода.

Новые перспективы переводоведения охватывают область переводной множественности, переводной дисперсии и культурообусловленные стратегии перевода. Выявленная исследователями роль личностной установки переводчика, его направленность на передачу национально-специфических свойств текста оригинала привела к систематизации культурообусловленных стратегий перевода — *форенизации*, *доместикации* и *остранения* (Разумовская, Валькова 2017).

Предложенное В. Шором в 1959 г. понятие переводной множественности дополнено понятием переводной дисперсии в трудах Р. Чайковского и Е. Лысенковой (Чайковский, Лысенкова 2001), Е. Шерстневой (Шерстнева 2009). Метод сравнительно-сопоставительного анализа с привлечением подстрочника, предложенный М. Гаспаровым (Гаспаров 2001) и Л. Портером (Портер 2004), позволяет рассчитать коэффициент точности перевода, описать влияние на жанровую динамику литературы, установить связь между дисперсией и обновлением принимающей культуры в жанровом и стилистическом отношении.

Введение в научный оборот понятий *cultural items* и *culture-specific concepts* (Ballad 2020) обращает внимание на внутренние факторы литературного процесса. Это приемы иллокутивного и перлокутивного воздействия автора на читателя в процессе перевода. Они соотносятся с образностью поэтического текста «в значении отражения и преобразования мира в сознании автора» (Шутемова 2019, 70). Вместе с тем это эквивалентность оригинала и перевода. Выявление экспрессивной и импрессионной эквивалентности стало основанием для

характеристики формально-эстетической эквивалентности (Фененко, Кретов 2002). В систему отмеченной эквивалентности вписываются инструменты риторического воздействия текста. Факторы эффективности художественного перевода опираются на коммуникативную модель риторики в трудах алтайской научной школы — А. Чувакина, Т. Чернышовой, И. Качесовой (Качесова, Клинк, Копнина и др. 2018), а также Е. Масленниковой (Масленникова 2016) и казахстанского ученого (Уразаева 2018). Выбор материала исследования указывает на важность понятия «поэтичность», который «представляет собой смысл, порожденный эстетическим отношением к миру» (Шутемова 2012, 60), передачу метрико-ритмических показателей (Гончаренко 2021). Таким образом, систематизация взглядов на художественный перевод как часть литературного процесса, его влияние на жанровую динамику принимающей культуры, изучение с позиций переводной множественности и переводной дисперсии убеждает в значимости неориторического подхода. Трактовка художественного перевода как риторической коммуникации оправдана и одной из функций риторики — как учения о понимании и восприятии художественного текста.

Постановка проблемы

Применение дискурсного подхода способствует установлению связи между целью перевода и воздействием текста на адресата в смысловом (*что сказано*), стилистическом (*как сказано*) и прагматическом (*какую реакцию вызывает сказанное у читателя*) контекстах. Такой подход, направленный на выявление факторов эффективности художественного перевода и влияния на жанровый состав принимающей культуры, делает возможной разработку дискурсной модели художественного перевода. Актуальность предлагаемой работы обусловлена разработкой основ дискурсной модели художественного перевода. Цель статьи — систематизация принципов изучения художественного перевода как риторической коммуникации. В соответствии с целью исследования были поставлены задачи: (1) исследование художественного перевода как процесса трансформации *Другого* в *своего* с позиций трех компетенций текста, (2) анализ эффективности художественного перевода в связи с иллокутивным воздействием авторов оригинала и перевода на читателя, (3) изучение влияния национальной и авторской концептосфер оригинала и перевода на диалог культур.

Материал исследования

В качестве объекта исследования были выбраны произведения поэтов «озерной школы»: — сонеты В. Вордсворта «Gipsies» и «What motive drew, that impulse, I would ask...» (from «The Excursion») (Wordsworth 1994) и переводы А. Пушкина (Пушкин 1930–1931) и К. Бальмонта (Бальмонт 2020); — сонет В. Вордсворта «The world is too much with us» (Wordsworth 1994) и переводы В. Левика (Поэзия английского романтизма 1975), Г. Кружкова (Вордсворт 2017), С. Сухарева (Литератор 2015) и др. (Поэзия английского романтизма 1975); — поэма С. Кольриджа «The Rime of the Ancient Mariner» (Coleridge 1994) и переводы Н. Гумилева (Гумилев 1919) и В. Левика (Поэзия английского романтизма 1975); — Р. Саути (Southey 1832) «Roderick the last of the Goths» в переводе А. Пушкина (Пушкин 1977) и «The Surgeon's Warning» — Н. Гумилева (Гумилев 1991).

Выбор материала продиктован их репрезентативностью в русской литературе и возможностью проведения анализа в контексте переводной множественности, переводной дисперсии, а также переводческих стратегий.

Методология

Для методологических основ настоящей статьи значимы неориторический подход в трудах Тюпы, сравнительного литературоведения в работах Топера, а также коммуникативного подхода в риторике. Понятия переводной множественности, переводной дисперсии, культурообусловленных стратегий, статистический метод Гаспарова-Портера подтверждают достоверность полученных результатов в процессе анализа переводческой точности. Вопросы теории и практики перевода сфокусированы вокруг проблем межкультурной коммуникации, обусловившей жанровое обновление и жанровую динамику принимающей культуры. Переводческие стратегии и переводческая компетенции, роль переводчиков в диалоге культур объясняют применение аксиологического, формального, рецептивного, таксономического методов, а также метода архетипического анализа.

В основу выполненного исследования положена следующая гипотеза: разработка дискурсивной модели способствует изучению художественного перевода как риторической коммуникации.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые русские переводы английской романтической поэзии рассматриваются с позиции риторической коммуникации, что расширяет

представление о художественном переводе как части истории литературы. Достоверность полученных результатов поддержана обработкой в программе EXCEL версии: 14.0.7237.5000 от 2010 г. Плодотворность методики подсчета коэффициента точности художественного перевода обусловлена созданием новых переводов рассмотренных произведений.

«Русский» Вордсворт. Обновление сонета в переводах А. Пушкина и К. Бальмонта

Анализ перевода поэзии лейкистов русскими поэтами позволяет описать обновление жанра в принимающей культуре. Внимание к коммуникативным и прагматическим аспектам как действия переводной множественности дополняет картину художественного перевода фактами национальной и культурной идентичности, влияния национальной концептосферы на авторскую.

Изучение художественного перевода как риторической коммуникации показывает эффективность диалога культур прежде всего в области обновления сонета в русской лирике. Известно, что новаторство Вордсворта в области сонета характеризуется доминированием способа эстетического отчуждения над предметом изображения. Поэт рассматривал природу как источник вдохновения, любви и наслаждения, как импульс к сочинению стихов.

Сонет Вордсворта «Gypsies» (Wordsworth 1994, 86), манифестирующий особенности «озерной школы» и философско-лирическую трактовку Природы как новаторство поэта, известен в передаче А. Пушкина: это стихотворение «Цыганы» («Над лесистыми берегами...») (Пушкин 1930–1931, 373). Автор оригинала романтизирует цыган как вольное племя, детей природы, изгнанных презирующим их обществом. Однако Природа — символ свободы и порождение естественного мира вольного племени — отрицает устами поэта зло и борьбу как нарушение естественного порядка.

*Regard not her; oh better wrong and strife
(By nature transient) than this torpid life;
Life which the very stars reprove.*
(Wordsworth 1994, 86)

Концепция Природы, рассмотренная в корреляции предмета философско-эстетического изображения и способа эстетического отчуждения, воплощает мысль о проявлении высшего духа, божественной воли, Природы как источника вдохновения для сочинения стихов. Форма аллегии, символика природы в конфликте зла и борьбы как нарушения естественного порядка проявляется в топонимически акцентированном художественном образе.

Сопоставление лирико-философской концепции Природы в оригинале и сонете Пушкина «Цыганы» позволяет выявить в результате передачи вольное переложение. Гимн «счастливому племени» содержит идеал природы, осмысленный в духовно-этических мотивах. Вольность обращения переводчика с оригиналом носит следы концептов Православия и стихотворений Пушкина о поэте и поэзии, таких как «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», «Сонет», «Поэту» («Поэт! Не дорожи любовью народной...»). Противопоставление «толпы» и поэта в этих произведениях переключается с литературной полемикой изображения цыган не только с Вордсвортом, но и примыкавшим к «озерной школе» поэтом Боульсом, автором «Цыганского шатра». Пушкину ближе теория «естественного человека» Руссо.

Композиция сонета: два катрена и два терцета — сочетается с варьирующимися способами рифмовки. Обращают на себя внимание введение имени английского поэта, замена имен поэтов, применение метафоры с признаками автобиографического свойства. В русском переводе свобода цыган атрибутирована в образах *костров, шатров вольного следа*. Метафоры *бродящих ночлегов и проказы старины* (Пушкин 1930–1931, 373) воспроизводят воспоминания лирического героя. Так создается аллегория

творческой свободы поэта, автопереключки с произведениями о поэте и поэзии.

Интересно сопоставить сонет Пушкина с одноименной поэмой для выявления источников перевода-парафразы. Символика шатра в поэме обусловлена сюжетом кочевой жизни с ее «дикими», первозданными представлениями о свободе. Цепь лирических репрезентаций «счастливого племени» в сонете получила развитие в поэме. Выявление семантических гнезд и их репрезентативных полей помогает понять структуру образности в оригинале и переводе как основные приемы иллюкутивного и перлокутивного воздействия автора на читателя. Пушкин использует параллелизм, антитезу, аллегорию, символику. Так, соотношение философско-эстетического изображения и эстетического изображения в концепции Природы иллюстрирует доместикацию, имеет признаки автометаописания (связь с решением темы поэта и поэзии) и создает сонет в духе «русского» Вордсворта. Перед нами пример перевода-парафразы как источника обновления русского сонета. Результаты анализа соотношения философско-эстетического изображения и способа эстетического отчуждения как источника обновления жанра сонета в переводе-парафразе Пушкина показаны на рисунке 1.



Рис. 1. Способы создания «русского» Вордсворта. А. Пушкин, «Цыганы». Перевод-парафраз

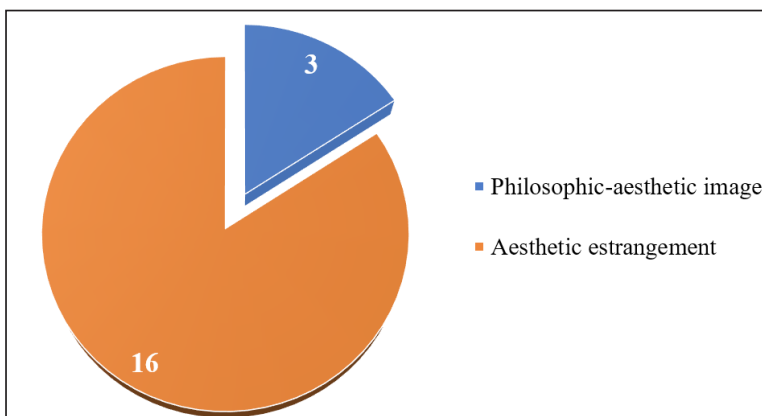


Fig. 1. Ways to create a “Russian” Wordsworth. A. Pushkin, “Gypsies”. Translation-paraphrase

Следующий этап обновления сонета в русской литературе рассмотрим на материале сонета Вордсворта «The Excursion» (Wordsworth 1994, 260) и стихотворения К. Бальмонта «Уединение» (Бальмонт 2020). Сонет Вордсворта воспроизводит философию английского риторического идеала, идею вселенской гармонии. Стиль оригинала построен на символике. Произведение Бальмонта отражает применение доместикации и влияния на перевод эстетических взглядов поэта-символиста и звукописи как основного инструмента перевода стиля оригинала. О роли семантической поэтики, основанной на звукоимовизме, исследователь отмечает следующее: «Специфическая организация звука в поэзии особым образом воздействует на адресата <...>» (Карпухина 2013, 76).

На связь переводческой и прагматической установок русского поэта указывают результаты сопоставительного анализа двух сонетов. Так, сравнение символики у Вордсворта и Бальмонта выявляет роль звукописи в ритмической организации текста, создании функциональных единиц стиля, обусловленных жанром. Своеобразие сонета проявляется и в композиции образов. Английская рецепция прослеживается в передаче идеала благочестия и жизни сердца. Образы *отшельника* и *безмолвной кельи* в пере-

воде поэта-символиста обусловили параллелизм этических мотивов — *обманутой дружбы, боли влеченья, с отчаянием слитой любви, агонии, невыносимых пыток* — и концептосферы, воссоздающей космизм художественного мира перевода. Аллегория *монастыря* вносит в идеал благочестия понятия *возвышенность, смиренность*. Так, Бальмонт, как и Пушкин, обновляет сонет духовной образностью Православия.

Бальмонт создал аллегория мертвой жизни, требующей возрождения. Отступление от оригинала заключается в идее единства истории и современности: *Ему хотелось видеть постоянство, // Что было, есть и будет бесконечно*. Подобное разрешение «переводческого напряжения» ученый объясняет «системно структурной, функционально-стилистической и кросс-культурной асимметрией ИЯ и ПЯ» (Мишкурин 2018). Технические приемы «музыкального» построения стиха: композиционное построение (антитеза, параллелизм), варьирование ритма, употребление аллитераций и ассонансов, обращение к внутренней рифме, цезура, — и стиль высокой риторики, патетики отражают в обновлении сонета Бальмонтом эстетику символизма. Выбор русским поэтом интерпретации как стратегии, обусловившей новое направление обновления сонета, отражает рисунок 2.

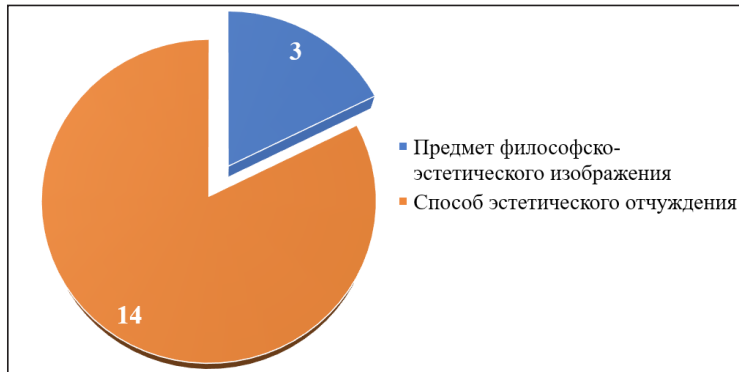


Рис. 2. Способы создания «русского» Вордсворта. К. Бальмонт, «Уединение». Интерпретативные переводы и семантика поэтических переводов

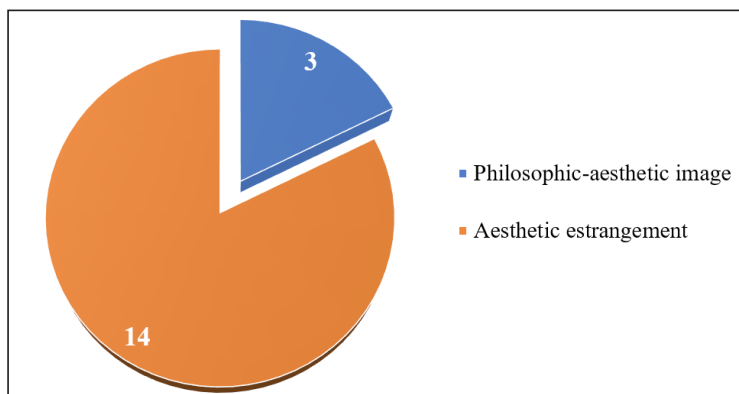


Fig. 2. Ways to create a “Russian” Wordsworth. K. Balmont, “Privacy”. Interpretive translations and semantic poetics of translations

Точки сходства и различия переводов Пушкина и Бальмонта иллюстрируют обновление сонета в русской литературе, показывают связь с эстетическими программами поэтов, взглядами на литературу, техниками звукописи, инструментальной стиха и символикой в сравнении с оригиналом. Развернутая детализированная поэтика отчуждения в русских переводах отражает «дельту» в коэффициенте точности у Пушкина и Бальмонта, которая является результатом романтизма и символизма. Различия поэтики сонета Вордсворта, Пушкина и Бальмонта показывает графически переданная корреляция предмета и способа изображения Природы в концепции Природы в рисунке 3.

Сравнение рисунков 2 и 3 показывает более высокий коэффициент точности при переводе сонета Вордсворта Пушкиным (16) в сравнении с Бальмонтом (14), что обусловлено характерным для перевода-парафразы Пушкина синтезом лирического сюжета со стиховедческими параметрами, в отличие от доминирования метрико-ритмических показателей в интерпретативном переводе Бальмонта.

Результаты анализа в приведенных графических иллюстрациях позволяют изучить риторическую природу художественного перевода в аспекте обновления сонета в русской поэзии, коммуникативных установок переводчиков и прагматических аспектов, которые

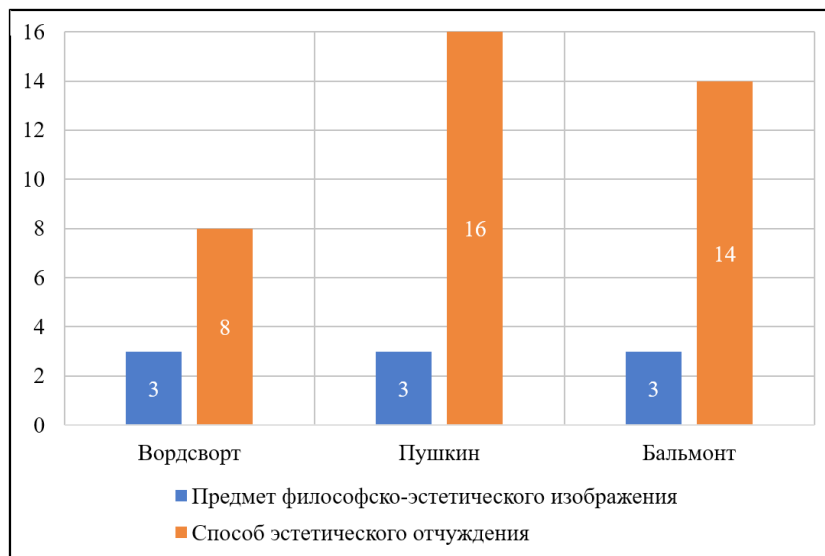


Рис. 3. Сонеты В. Вордсворта, переводы А. Пушкина и К. Бальмонта в аспекте предмета и способа изображения

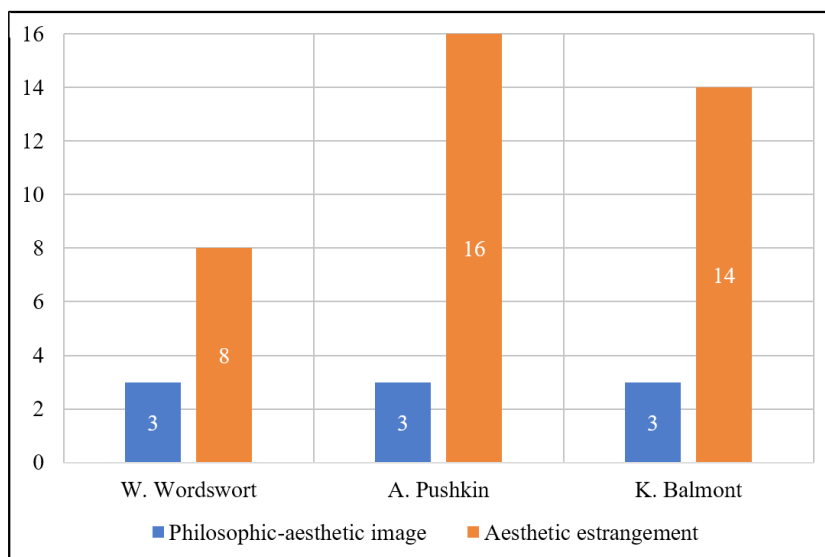


Fig. 3. Sonnet by W. Wordsworth, translations by A. Pushkin and K. Balmont in the aspect of subject and method of representation

обусловили жанровое своеобразие русского сонета. Единный путь обновления сонета Вордсворта Пушкиным и Бальмонтом заключается в привлечении концептов Православия. Различия обнаруживаются в переключке перевода Пушкина с его стихами о поэте и поэзии, полемической линии в изображении «детей природы». Бальмонт обновляет сонет семантической поэтикой, построенной на звукописи, символике.

Переводная дисперсия и закон переводной множественности.

В. Вордсворт в русских переводах XX в.

Сонет В. Вордсворта «The world is too much with us» (Wordsworth 1994, 118) интересен для анализа риторической природы художественного перевода с позиций переводной множественности и анализа дисперсии как результата влияния переводческих установок. Данное произведение известно в переводах В. Левика (Поэзия английского романтизма 1975, 196–197), С. Сухарева (Литератор 2015), В. Розова (Розов 2021), Г. Кружкова (Вордсворт 2017), Д. Говзича (Говзич 2021). Сопоставительному анализу русских произведений в аспекте экспрессивной и импрессионной эквивалентности оригинала и перевода посвящена одна из новых работ авторов. Предметом изучения стали критерии точности художественного перевода и отношение к переводной множественности и переводной дисперсии. Расхождения между разными переводами одного и того же текста показаны как различия внутри французской формы сонета, к которой чаще всего обращались в истории русского перевода. Обоснована связь дисперсии и изображения духовной связи лирического героя с Природой, анализ проведен с лексико-стилистической и лексико-морфологической позиции. Исследование доместикации стало базой описания риторической функции художественного перевода. Был показан принцип расчета точности художественного перевода. Такой подход выявил различия переводческих стратегий и их обусловленность количественным выражением дисперсии.

С. Кольридж и переводы Н. Гумилева и В. Левика. Иллокутивное воздействие автора на читателя

В одной из наших статей объектом анализа с позиции иллокутивного воздействия автора на читателя стали поэма С. Кольриджа «The Rime of the Ancient Mariner» (Coleridge 1994) и переводы Н. Гумилева «Поэма о старом моряке» (Гумилев 1919) и В. Левика «Сказание

о старом мореходе» (Поэзия английского романтизма 1975). Сравнение символики в оригинале и русских переводах с позиции трансформации *Другого* в *своего*, анализа текста в объекте референтной, креативной и рецептивной компетенций способствовало выявлению воздействия мифологических и духовно-религиозных интерпретаций на позицию авторов оригинала и переводов. Референтная компетенция текста анализируется в обусловленности жанра мифологической поэтикой, прежде всего «языком птиц». Своеобразие метрического ритмико-интонационного рисунка оригинала подверглось в переводе Гумилева влиянию акмеистической поэтики. Анализ различий в креативной компетенции переводчиков основан и на способах мотивировки событий. Так, акмеистической манифестации Н. Гумилева — с присущей ей вещностью образов — В. Левик противопоставил близость оригиналу с христианизированным мотивом божественного посланника. Отсюда акцент в психологизации перевода Левика: создание образа Альбатроса, мистической атмосферы, уверенности моряков в благополучном исходе плавания благодаря мотиву божьей воли. Различия в оригинале и русских переводах исследуются в аспекте зрелищной и звуковой символики. Перлокутивное воздействие не стало предметом изучения, однако его можно усмотреть в различиях восприятия символики адресатами переводов.

Р. Саути и переводы А. Пушкина и Н. Гумилева. Воздействие национальной концептосферы оригинала на авторскую

Анализ художественного перевода как риторической коммуникации создает предпосылки для изучения связи национальной и авторской концептосфер. В одной из наших работ, посвященной стихотворению Пушкина «Родрик» (Пушкин 1977) — переводу «Roderick the last of the Goths» (Southey 1832), описан перевод-парафраз. Влияние религиозности переводчика показано на примере концептов Православия, древнерусского жития, архетипической модели мироздания, сюжетов православия, ритмики и поэтики молитвословного стиха. Анализ философско-художественных параметров стал основой разграничения национальной и авторской концептосфер оригинала и перевода как факторов интеграции *другой* культуры в принимающую и диалога культур. Перевод Саути анализируется как исток испанской темы в поэзии Пушкина. Для исследования связи национальной и авторской концептосфер оригинала и перевода авторами был привлечен перевод

баллады «The Surgeon's Warning» Саути (Southey 1832) Гумилевым — «Предостережение хирурга» (Гумилев 1919). Известно, что этот перевод был создан акмеистом в период работы над сборником «Баллады Роберта Саути» (1922), в который вошли переводы произведений Саути В. Жуковским, А. Плещеевым, Ф. Миллером, В. Рождественским, Н. Оцупом, Д. Майзельсом и др. (Гумилев 1991). Корреляция образов, персонажирующей жизнь и смерть (врач и могильщик), осмыслена акмеистом в концептах этики: *добро, милосердие, сострадание*.

Подстрочник и опосредованный диалог культур

Переводы-парафразы Пушкиным сонетов Вордсворта, а также переводы с подстрочника Бальмонта ставят вопрос о подстрочнике как способе вхождения иноязычного текста в коммуникативное пространство языка перевода. Современный подход к подстрочнику как полноценному инструменту деинтерлинейного перевода снимает бытовавшую длительное время тенденцию отношения к подстрочнику как «несчастью и позору» (Гаспаров 2001, 361), «вынужденной мере». Мнение о подстрочнике как определенном «выборе из нескольких возможных» (Мишкурлов 2018) — подтверждает применение неориторического подхода.

Один из авторов настоящей работы предпринял опыт составления подстрочников сонетов Вордсворта «The world is too much with us» и «To a Butterfly» на родном языке. Сонет Вордсворта был выбран по причине отсутствия переводов на родной язык исследователя. Этот опыт позволил обосновать мысль о подстрочнике как способе достижения точности художественного перевода. Была показана роль подстрочника для выработки рекомендаций по воспроизведению строфики и стиховедческих параметров оригинала, с учетом стихосложения родного языка и принципа эквилинейности. Составитель подстрочника ссылается на опыт ученых: «<...> там, где есть техническая возможность сохранить размер, различия в длине слов заставляют стих звучать по-разному» (Волкова 2015, 70). Была показана роль русского языка-медиатора, когда неравнозначная текстовая коммуникация выявляет в диалоге культур роль прямого и опосредованного диалога. Использование подстрочника, языка-медиатора, прямого/опосредованного диалога создают разные модели адресации перевода. Подстрочник иллюстрирует устаревание перевода, снижение коммуникативной равноценности оригинала и перевода.

Выводы

Итак, актуальность и плодотворность изучения художественного перевода как риторической коммуникации подтверждается русскими переводами «озерной школы» и примерами обновления жанра и подразумевает разработку дискурсной модели. В методологическом отношении аргументами в пользу предпринятого подхода стали изучение переводной множественности и исследование влияния национальной концептосферы на авторскую.

Анализ переводов-парафразов, переложений, интерпретативного перевода, подстрочника, языка-медиатора позволил установить следующее. Обновление жанра русского сонета обусловлено аксиологией православия и жанровыми традициями в лирике Пушкина и Бальмонта, эстетическими программами поэтов и особенностями их поэтики. Переводная множественность в передаче сонетов Вордсворта в XX столетии показала связь между различиями внутри французской формы сонета и лексико-стилистическими и лексико-морфологическими маркерами в текстах перевода. Анализ доместикации — как основы описания риторической природы художественного перевода — позволяет рассчитать коэффициент точности перевода и усмотреть связь между различиями переводческих стратегий и количественным выражением дисперсии.

Разработка основ дискурсной модели предполагает изучение иллокутивного воздействия автора на читателя. Анализ подходов Н. Гумилева и В. Левика к переводу поэмы С. Кольриджа показал обусловленность иллокутивного влияния акмеистической и мифологической поэтиками, зрелищной и звуковой символикой.

Связь национальной и авторской концептосфер, изученная на примерах перевода Р. Саути А. Пушкиным и Н. Гумилевым, способствует анализу перевода как фактора интеграции *другой* культуры в принимающую и диалога культур и также подтверждает правомерность дискурсного подхода. Испанская тема Пушкина и акмеистическая трактовка этических ценностных понятий Гумилевым отражают в обновлении жанра сонета влияние множественности проявлений риторической природы художественного перевода. Для разработки дискурсной модели перевода значима и постановка проблемы подстрочника и языка-медиатора как способов достижения коммуникативной равноценности оригинала и перевода, интеграции оригинала в принимающую культуру, факторов формирования диалога культур.

Конфликт интересов

Член редколлегии журнала, профессор Сибирского федерального университета В. А. Разумовская является совместно с одним из авторов статьи зарубежным научным консультантом докторантов, не являющихся авторами данной работы.

Conflict of interest

V. A. Razumovskaya is a professor of the Siberian Federal University and the member of the editorial board of the journal, she is a foreign scientific consultant for doctoral students who are not the authors of this article.

Вклад авторов

Разработка концепции, научного аппарата, положений статьи и доказательной базы —

К. Б. Уразаевой; разработка лингвоконцептологической основы и лингвопрагматических аспектов — С. А. Петковой; отбор произведений и анализ, статистическая обработка результатов анализа, расчет коэффициента точности переводов и составление графиков, перевод на английский язык — А. М. Есентемировой.

Author Contributions

K. B. Urazayeva worked out the development of the concept, scientific apparatus, provisions of the article and evidence base; S. A. Petkova is responsible for the development of a linguo-conceptological basis and linguo-pragmatic aspects; A. M. Yessentemirova worked out the selection of analysis, statistical processing of analysis results, calculation of the accuracy index of translations and compilation of graphs, translation into English.

Источники

- Бальмонт, К. Д. (2020) *Из Вордсворта*. [Электронный ресурс]. URL: <http://balmont.lit-info.ru/balmont/stihi/vordsvort.htm> (дата обращения 17.07.2020).
- Вордсворт, В. (2017) *Прелюдия: 1805*. М.: Ладомир, Наука, 1000 с. URL: <https://search.rsl.ru/record/01009400188> (дата обращения 06.07.2021).
- Гумилев, Н. С. (1991) Баллады Роберта Саути. В кн.: *Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4*. М.: Терра, с. 402–405.
- Гумилев, Н. С. (1919) *Поэма о старом моряке (Кольридж; Гумилев)*. [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Поэма_о_старом_моряке_\(Кольридж;_Гумилев\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Поэма_о_старом_моряке_(Кольридж;_Гумилев)) (дата обращения 17.11.2019).
- Лидин, А. (сост.). (2015) *Литератор*. СПб.: Северо-Запад, 272 с.
- Поэзия английского романтизма*. (1975) М.: Художественная литература, 670 с.
- Пушкин, А. С. (1977) Родрик: («На Испанию родную...»). В кн.: *Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Стихотворения, 1827–1836*. Л.: Наука, с. 305–308.
- Пушкин, А. С. (1930–1931) Цыганы («Над лесистыми берегами»). В кн.: *Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 6*. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, с. 373.
- Розов, В. (2021) Из Вордсворта, 1770–1850. Для нас мир — слишком... *Стихи.ру*. [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2013/06/30/151> (дата обращения 06.07.2021).
- Coleridge, S. T. (1994). *Poems*. London: The Millennium Library Publ., 571 p.
- Southey, R. (1823) *The Minor Poems: In 3 vol. Vol. 3*. London: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown Publ., pp. 208–219.
- Wordsworth, W. (1994) *Selected poems*. London: The Millennium Library. 525 p.

Литература

- Азарова, Н. М. (2012) Критерии «адресат» в установлении границ поэтического дискурса. В кн.: Н. Д. Арутюнова (ред.). *Логический анализ языка. Адресация дискурса*. М.: Индрик, с. 225–233.
- Волкова, Е. В. (2015) Два перевода одного стихотворения: Марина Цветаева «Маме». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, № 5–1 (47), с. 68–73.
- Гаспаров, М. Л. (2001) Подстрочник и мера точности. В кн.: *О русской поэзии: Анализы. Интерпретации. Характеристики*. СПб.: Азбука, с. 361–372.
- Говзич, Д. (2021). *Мир слишком огромен для нас*. [Электронный ресурс]: URL: <https://stihi.ru/2021/04/07/9702> (дата обращения 06.07.2021).
- Гончаренко, Е. С. (2021). Семантический ореол и суггестивный потенциал метрико-ритмических структур (на материале поэзии и переводов Сергея Гончаренко). *Cuadernos de Rusística Española*, № 17, с. 77–89.
- Жаткин, Д. Н. (2015) У истоков русской рецепции поэзии Роберта Бернса. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*, № 3 (35), с. 104–118.

- Карпухина, Т. П. (2013) Об английском переводе стихотворения М. Цветаевой, посвященного Анне Ахматовой (опыт сопоставительного исследования). *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*, № 4 (24), с. 74–80.
- Качесова, И. Ю., Клинк, Е. И., Копнина, Г. А. и др. (2018) *Риторика*. Барнаул: АлтГУ. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/6562> (дата обращения 05.10.2019).
- Масленникова, Е. М. (2016). *Художественная коммуникация перевода: параметры и особенности*. М.; Берлин: Директ-Медиа, 198 с.
- Мишкуров, Э. Н. (2018) Герменевтико-переводческий методологический стандарт в зеркале трансдисциплинарности (Часть III: «интерпретация»). *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*, № 1, с. 41–68.
- Портер, Л. Г. (2004) Числовые оценки качества поэтического перевода. *Поэзия.ру*. [Электронный ресурс]. URL: <https://poezia.ru/works/116614> (дата обращения 20.07.2021).
- Разумовская, В. А., Валькова, Ю. Е. (2017) Доместикация, форенизация и *остранение* в переводе: исторический аспект. *Вестник НГЛУ им. Н. А. Добролюбова*, № 40, с. 111–123.
- Тодоров, Ц. (2010). *Завлабяването на Америка*. София: Изток-Запад, 328 с.
- Топер, П. М. (2000) *Перевод в системе сравнительного литературоведения*. М.: Наследие, 254 с.
- Тюпа, В. И. (2009) *Анализ художественного текста*. 3-е изд., стер. М.: Академия, 336 с.
- Уразаева, К. Б. (2018) Риторическая модель художественного перевода. Поэзия жырау с точки зрения риторики. В кн.: *Риторика*. Барнаул: АлтГУ. [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/6562> (дата обращения 17.09.2018).
- Фененко, Н. А., Кретов, А. А. (2002) Переводоведение: проблемы и решения. *Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация*, № 1, с. 61–65.
- Чайковский, Р. Р., Лысенкова, Е. А. (2001). *Неисчерпаемость оригинала: 100 переводов «Пантеры» Р. М. Рильке на 15 языков*. Магадан: Кордис, 211 с.
- Шерстнева, Е. С. (2009) *Переводная множественность художественной прозы как проблема теории перевода: на материале переводов романа Р. М. Рильке «Записки Мальте Лауридса Бригге» на английский язык. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. М.: Московский государственный областной университет, 23 с.
- Шутемова, Н. В. (2012) Типы поэтического перевода. *Вестник Пермского Университета. Российская и зарубежная Филология*, № 1 (17), с. 60–66.
- Шутемова, Н. В. (2019) Понятие «образ» в рефракционной модели поэтического перевода. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*, т 11, № 4, с. 68–83. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2019-4-68-83>
- Ballad. (2020) *Oxford English Dictionary*. [Online]. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/ballad> (accessed 01.03.2020).

Sources

- Balmont, K. D. (2020) *Perevody iz Vordsvorta [Translations from Wordsworth]*. [Online] Available at: <http://balmont.lit-info.ru/balmont/stihi/vordsvort.htm> (accessed 17.07.2020). (In Russian)
- Coleridge, S. T. (1994). *Poems*. London: The Millennium Library Publ., 571 p. (In English)
- Gumilev, N. S. (1991) Ballady Roberta Sauti [Robert Southey's ballades]. In: *Sobranie sochinenij: v 4 t. T. 4. [Collected works: In 4 vols. Vol. 4]*. Moscow: Terra Publ., pp. 402–405. (In Russian)
- Gumilev, N. S. (1919). *Poema o starom moryake (Kol'ridzh; Gumilev) [The rime of the ancient mariner (Coleridge, Gumilev)]*. [Online]. Available at: [https://ru.wikisource.org/wiki/Поэма_о_старом_морьяке_\(Кольридж;_Гумилёв\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Поэма_о_старом_морьяке_(Кольридж;_Гумилёв)) (accessed 17.11.2019). (In Russian)
- Wordsworth, W. (2017) *Prelyudiya: 1805 [The Prelude: 1805]*. Moscow: Ladomir Publ.; Nauka Publ., 1000 p. (In Russian)
- Lidin, A. (comp.). (2015) *Literator [Litteratuer]*. Saint Petersburg; Severo-Zapad Publ., 272 p. (In Russian)
- Poeziya anglijskogo romantizma [English Romantic poetry]*. (1975) Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 670 p. (In Russian)
- Pushkin, A. S. (1930–1931) Tsygany (“Nad lesistymi bregami”) [Gypsies (“Above the woodland”)]. In: *Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 6 [Collected works: In 6 vols. Vol. 6]*. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoj literatury Publ., 373 p. (In Russian)
- Pushkin, A. S. (1977) Rodrik: (“Na Ispaniyu rodnuyu...”) [Roderick: (“To beloved Spain...”)]. In: *Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 3. [Collected works: In 10 vols. Vol. 3. Poems 1827–1836]*. Leningrad: Nauka Publ., pp. 305–308. (In Russian)
- Rozov, V. (2021) Iz Vordsvorta, 1770–1850. Dlya nas mir — slishkom... [The world is too much with us]. *Stikhi.ru [Poems.ru]*. [Online]. Available at: <https://stikhi.ru/2013/06/30/151> (accessed 06.07.2021). (In Russian)
- Southey, R. (1832) *The Minor Poems: In 3 vols. Vol. 3*. London: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown Publ., pp. 208–219. (In English)
- Wordsworth, W. (1994) *Selected poems*. London: The Millennium Library. 525 p. (In English)

References

- Azarova, N. M. (2012) Kriterii “adresat” v ustanovlenii granits poeticheskogo diskursa [Criteria “addressee” in establishing the boundaries of poetic discourse]. In: N. D. Arutyunova (ed.). *Logicheskij analiz yazyka. Adresatsiya diskursa [Logical analysis of language. Discourse addressing]*. Moscow: Indrik Publ., pp. 225–233. (In Russian)
- Ballad. (2020) *Oxford English Dictionary*. [Online]. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/ballad> (accessed 01.03.2020). (In English)
- Chajkovskij, R. R., Lysenkova, E. L. (2001) *Neischerpaemost’ originala: 100 perevodov “Pantery” R. M. Ril’ke na 15 yazykov [The inexhaustibility of the original: 100 translations of “Panther” by R. M. Rilke into 15 languages]*. Magadan: Kordis Publ., 211 p. (In Russian)
- Fenenko, N. A., Kretov, A. A. (2002) Perevodovedenie: problemy i resheniya [Translation: Problems and solutions]. *Vestnik VGU. Seriya lingvistika i mezkul’turnaya kommunikatsiya — Proceeding of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1., pp. 61–65. (In Russian)
- Gasparov, M. L. (2001) Podstrochnik i mera tochnosti [Interlinear and precision measure]. In: *O russkoj poezii: Analizy. Interpretatsii. Kharakteristiki [About Russian poetry: Analyzes. Interpretations. Specifications]*. Saint Petersburg: Azbuka Publ., pp. 361–372. (In Russian)
- Goncharenko, E. S. (2021). Semanticheskij oreol i suggestivnyj potentsial metriko-ritmicheskikh struktur (na materiale poezii i perevodov Sergeya Goncharenko) [Semantic halo and suggestive potential of metric-rhythmic structures (based on the poetry and translations of Sergey Goncharenko)]. *Cuadernos de Rusística Española*, no. 17, pp. 77–89. (In Russian)
- Govzich, D. (2021) *Mir slishkom ogromen dlya nas [The world is too much with us]*. [Online]. Available at: <https://stih.ru/2021/04/07/9702> (accessed 06.07.2021). (In Russian)
- Kachesova, I. Yu., Klink, E. I., Kopnina, G. A. et al. (2018) *Ritorika [Rhetoric]*. Barnaul: Altai State University Publ. [Online]. Available at: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/6562> (accessed 05.10.2019). (In Russian)
- Karpukhina, T. P. (2013) Ob anglijskom perevode stikhotvoreniya M. Tsvetaevoj, posvyashchennogo Anne Akhmatovoj (opyt sopostavitel’nogo issledovaniya) [An English version of the poem by M. Tsvetaeva dedicated to Anna Akhmatova (notes on contrastive analysis in translation)]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal’nem Vostoke — Humanities Research in Eastern Siberia and the Far East*, no. 4 (24), pp. 74–80. (In Russian)
- Maslennikova, E. M. (2016). *Khudozhestvennaya kommunikatsiya perevoda: parametry i osobennosti [Artistic communication of translation: Parameters and features]*. Moscow; Berlin: Direkt-Media Publ., 197 p. (In Russian)
- Mishkurov, E. N. (2018) Germenevtiko-perevodcheskij metodologicheskij standart v zerkale transdistsiplinarnosti (Chast’ III: “interpretatsiya”). [Hermeneutical methodological standard of translation in the mirror of transdisciplinarity (Part III: “Interpretation”)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Moscow University Translation Studies Bulletin*, no. 1, pp. 41–68. (In Russian)
- Porter, L. G. (2004). Chislovye otsenki kachestva poeticheskogo perevoda [Numerical assessments of the quality of poetic translation]. *Poeziya.ru*. [Online]. Available at: <https://poezia.ru/works/116614> (accessed 20.07.2021). (In Russian)
- Razumovskaya, V. A., Val’kova, Yu. E. (2017) Domestikatsiya, forenizatsiya i ostranenie v perevode: istoricheskij aspekt [Domestication, foreignization, and estrangement in translation: History of application]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta — Nizhny Novgorod Linguistic University Bulletin*, no. 40, pp. 111–123. (In Russian)
- Sherstneva, E. S. (2009) *Perevodnaya mnozhestvennost’ khudozhestvennoj prozy kak problema teorii perevoda: na materiale perevodov romana R. M. Ril’ke “Zapiski Mal’te Lauridsa Brigge” na anglijskij yazyk [Translation multiplicity of prose fiction as translation theory problem: Based on the translations of the novel by R. M. Rilke “The Notebooks of Malte Laurids Brigge” in English]. Extended abstract of the PhD dissertation (Philology)*. Moscow, Moscow Region State University, 23 p. (In Russian)
- Shutemova, N. V. (2019) Ponyatie “obrazv” v refraktsionnoj modeli poeticheskogo perevoda [The notion of “image” in the refraction model of poetry translation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya — Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, vol. 11, no. 4, pp. 68–83. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2019-4-68-83> (In Russian)
- Shutemova, N. V. (2012) Tipy poeticheskogo perevoda [Types of poetic translation]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya Filologiya — Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, no. 1 (17), pp. 60–66. (In Russian)
- Todorov, Tz. (2010) *Zavladyavaneto na Amerika [The conquest of America]*. Sofia: Iztok-Zapad Publ., 328 p. (In Bulgarian)
- Topey, P. M. (2000) *Perevod v sisteme sravnitel’nogo literaturovedeniya [Translation in the system of comparative literature]*. Moscow: Nasledie Publ., 254 p. (In Russian)
- Tyupa, V. I. (2009) *Analiz khudozhestvennogo teksta [Literary text analysis]*. 3rd ed. Moscow: Akademiya Publ., 336 p. (In Russian)

- Urazaeva, K. B. (2018) Ritoricheskaya model' khudozhestvennogo perevoda. Poeziya zhyrau s tochki zreniya ritoriki [Rhetorical model of literary translation. Zhyrau poetry from the point of view of rhetoric]. In.: *Ritorika [Rhetoric]*. Barnaul: Altai State University Publ. [Online]. Available at: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/6562> (accessed 17.09.2018). (In Russian)
- Volkova, E. V. (2015) Dva perevoda odnogo stikhotvoreniya: Marina Tsvetaeva "Mame" [Two translations of one poem: Marina Tsvetaeva "To Mother"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki — Philology. Theory and Practice*, no. 5–1 (47), pp. 68–73. (In Russian)
- Zhatkin, D. N. (2015) U istokov russkoj retseptsii poezii Roberta Bernsa [At the origins of the Russian reception of poetry by Robert Burns]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki — University Proceedings. Volga Region. Humanities*, no. 3 (35), pp. 104–118. (In Russian)



УДК 81'373.45

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-44-53>

«Локалоиды» и адаптация интернациональной лексики в англоязычном описании русской культуры

А. М. Антонова ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Антонова Анжелика Михайловна,
SPIN-код: 9725-7214;
ORCID: 0000-0002-2232-6648;
e-mail: angelique.antonova@gmail.com

Для цитирования:

Антонова, А. М. (2022)
«Локалоиды» и адаптация
интернациональной лексики
в англоязычном описании русской
культуры. *Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 4, № 1, с. 44–53. [https://
www.doi.org/10.33910/2686-
830X-2022-4-1-44-53](https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-44-53)

Получена 18 февраля 2022; прошла
рецензирование 05 апреля 2022;
принята 12 апреля 2022.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © А. М. Антонова (2022).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии [CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация. Глобализация заставляет народы все больше обращаться к ведущим языкам мира, особенно к английскому, для популяризации своих культур на мировой арене. Ориентация языка в область иноязычных культур неизбежно влечет за собой его адаптацию к принимающим культурам. Используя последние достижения «интерлингвокультурологии» (молодой дисциплины, возникшей на рубеже веков и разрабатываемой профессором В. В. Кабакчи и его школой), которая занимается изучением вторичной ориентацией языка и формированием языка межкультурного общения (FCO Language), мы рассматриваем аутентичные англоязычные тексты о русской культуре, говорим о языковой гибкости культурной лексики (полионимов) при ориентации на внешнюю культуру, и в частности бинаров, т. е. межъязыковых пар, часто ассоциируемых друг с другом в процессе перевода. В работе рассматриваются примеры использования бинаров-интеронимов (интернациональной лексики), неизбежная культурная адаптация интеронимов при ориентации на русскую культуру, компромисс точности и доступности при введении интеронимов в текст. Особое внимание уделяется фактору билингвизма, который проявляется в поисках пути установления межъязыковой симметрии с опорой на точки соприкосновения контактирующих языков. Одной из таких точек и являются т. н. *локалоиды*, под которыми понимаются заимствованные локальные варианты интеронимов (например, *universitet*, *ministr*, *kafe*, *demokratiya*) и которые вводятся в текст либо для сохранения культурного кода и точности подачи информации, либо во избежание ложных друзей переводчика, либо из стилистических соображений. В статье рассматриваются разные варианты локалоидов от бинаров-локалоидов, в большой степени совпадающих по значению и тем самым облегчающих межкультурное общение, до идеологических локалоидов и ложных друзей переводчика.

Ключевые слова: интерлингвокультурология, иноязычное описание культуры, язык межкультурного общения, культуроним, бинары, интернациональная лексика, интероним, локалоид

International vocabulary and its locally borrowed variants in Russian culture-oriented English

A. M. Antonova ✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika River, Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Anzhelika M. Antonova,
SPIN-код: 9725-7214;
ORCID: 0000-0002-2232-6648;
e-mail: angelique.antonova@gmail.com

For citation:

Antonova, A. M. (2022) International vocabulary and its locally borrowed variants in Russian culture-oriented English. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 4, no. 1, pp. 44–53. <https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-44-53>

Received 18 February 2022; reviewed 05 April 2022; accepted 12 April 2022.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A. M. Antonova (2022). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. Globalization has made it necessary for all nations to employ international languages, and primarily English, to promote their cultures. Application of a language to a foreign culture by necessity requires certain adaptations of the language. Such type of communication results in the formation of a specialized variety of the language: Foreign-Culture-Oriented (FCO) Language. Making use of the latest achievements in “interlinguoculturology” (a modern branch of Linguistics worked out by professor V. V. Kabakchi and his School), devoted to the study of the language in its secondary cultural orientation towards a foreign culture, we look at original English-language texts about Russian culture and analyze how culturonyms and in particular binary words belonging to two languages and often associated with each other in translation, are differently perceived in diverse cultures. We pay a special attention to binary interonyms (international vocabulary), their cultural adaptation in FCO Language and the compromise of the precision of the text and its accessibility to the audience. However, the main focus of the article is *lokaloïds*, locally borrowed variants of international vocabulary (eg: *universitet*, *ministr*, *kafe*, *demokratiya*) which are introduced to English texts to add to the precision of the text and to avoid translator false friends or for reasons of style.

Key words: interlinguoculturology, Foreign Culture-Oriented language, international language, culture-bound word, binary words, international vocabulary, interonim, lokaloid

Введение

Когда в последней четверти XX века процессы глобализации буквально захватили нашу цивилизацию — интеграционные процессы служили стимулом к возникновению новых политических, экономических и политико-экономических объединений, — неудивительным явилось и стихийное возникновение нового языка международного общения (ЯМО), роль которого в наше время успешно исполняет английский — язык бизнеса и глобальных коммуникаций. Стало необходимым использовать английский язык в качестве вторичного средства популяризации родной культуры на мировой арене.

В центре внимания лингвистов оказываются вопросы лингвострановедения, лингвокультурологии, т. н. World Englishes, т. е. многочисленные варианты английского языка в различных уголках земного шара на обширной территории бывшей Британской Империи (Прошина 2007). В последней четверти XX в. Б. Качру выдвинул удобную схему деления использования английского языка на планете. Это три круга, три региона: Native Language English (Inner Circle);

Second Language English (Outer Circle); Foreign Language English (Expanding Circle) (Kachru 1992).

В начале XXI в. в межкультурной коммуникации выделяется новое направление *интерлингвокультурология* (Кабакчи 2011, 11), в котором основное внимание уделяется *иноязычному описанию культуры* (ИОК) (Кабакчи 2011, 19). При этом нас интересует конкретный случай ЯМО: английский язык межкультурного общения, АЯМО или Foreign Culture-Oriented English (FCOE), причем ориентированный на русскую культуру — АЯМО (РК) (Кабакчи 1998, 10). Для изучения закономерностей АЯМО (РК) мы привлекаем в основном аутентичные тексты, т. е. те, которые созданы непосредственно носителями родного или второго английского языка.

Иноязычное описание культуры и культурно-специфическая лексика

В подавляющем большинстве случаев текст ИОК состоит из обычных английских слов, которые переориентированы на иноязычную культуру, т. н. культурных универсалий, которые В. В. Кабакчи называет «полионимами». То, что

в отечественной лингвистике называют «языковыми реалиями», т. е. специфическими элементами культуры, В. В. Кабакчи называет «идиокультуронимами», которые он делит на «свои», исходные реалии, «идионимы», и реалии иноязычных культур, «ксенонимы» (Кабакчи, Белоглазова 2012, 25–27). Последние — это переводные варианты идионимов. При этом между ксенонимом и его идионимом устанавливается корреляция, прочная связь, которая позволяет осуществить переход от ксенонима к его идиониму. Кабакчи называет эту корреляцию принципом ксенонимической обратимости. Обратимость бывает абсолютной, уверенной и неуверенной. Только в случае абсолютной и уверенной обратимости номинация может называться ксенонимической. При этом абсолютная обратимость достигается посредством трансплантации идионима, которая стала встречаться лишь в последнее время при обращении к русской культуре, чаще всего в путеводителях и текстах экспатов. Во многих случаях уверенная обратимость в современных текстах обеспечивается транслитерацией (Кабакчи 1998).

“The rebellion <...> represented the resurgence of a Muscovite way of regarding authority and community: simple, moral, and personalized, based on God-given *pravda*” (Hosking 2001, 231).

Закономерно возникает вопрос: зачем автору текста понадобилось вводить ксеноним русского языка — транслитерированный русизм *pravda*? Для стилизации текста? Конечно, но не только.

Введение в текст ксенонимической лексики (в нашем примере транслитерированного заимствования) не только дополнительно обращает внимание читателя, что здесь есть расхождение в языковых картинах мира, но и позволяет сохранить точность подачи информации. Имея в своем арсенале заимствование из русского, читатель может дополнительно найти интересующую его культурную информацию самостоятельно. Для владеющих русским языком специалистов для поиска информации в русскоязычных источниках нужен ксеноним-русизм кириллицей или умение перевести транслитерацию в оную.

The word *pravda* <...> meant «truth», but also much more, in fact everything the community regarded as «right»: justice, morality, God’s law, behaving according to conscience. The criterion for any decision taken by the village assembly was that it must accord with *pravda*. *Pravda* was the collective wisdom of the community, accumulated over the generations. (Hosking 2001, 17–18)

Другими сложными для передачи на английский язык понятиями являются «воля» и «свобода». Понятие «воли» как таковое вообще в западной языковой картине мира отсутствует, да и свободу на западе понимают иначе, поэтому введение в англоязычный текст заимствованный тоже является оправданным:

Volia is not freedom as that understood in modern democratic societies, for which another word exists: *svoboda*. Rather, *volia* is the absence of any constraint, the right to gallop off into the open steppe, the «wild field» (*dikoe pole*), and there to make one’s living without humble drudgery, by hunting or fishing, or if necessary by brigandage and plunder. *Volia* does not recognize any restriction imposed by the equivalent freedom of others: it is nomadic freedom rather than civic freedom. The scholar Dmitry Likhachev has called it «*Svoboda* plus open spaces» (Hosking 2001, 18).

Данные примеры хорошо демонстрируют, что объемы значений полионимической лексики в разных языках часто не совпадают, поэтому в межкультурной коммуникации для сохранения специфичности значения нередко приходится прибегать к заимствованиям. Еще Л. В. Щерба писал, что «случаи полной эквивалентности слов на межъязыковом уровне редки; понятия слов разных языков являются величинами несоизмерными, не имеют точных эквивалентов в других языках» (Щерба 1974, 97). А В. В. Кабакчи говорит о лексико-семантической гибкости и относительности полионимической лексики (Кабакчи, Прошина 2021). Это представляет бесконечные трудности при переводе, потому что важно понимать, в какой степени языковая картина мира той или иной культуры преломляется при переходе на другой язык.

Языковые бинары и локалоиды как частный случай интернациональной лексики

Языковая практика отбирает наиболее популярные варианты перевода, а лексикографы закрепляют это в двуязычных словарях в виде пар переводческого соответствия, которые В. В. Кабакчи называет «бинарами» («бинарные лексические межъязыковые пары», *bilingual cultural substitutes*), т. е. межъязыковые пары лексических единиц, которые регулярно в ходе межкультурных контактов в процессе перевода механически ассоциируются друг с другом (впервые: Кабакчи 2009; Кабакчи, Белоглазова 2012). При этом ни в коем случае нельзя принимать такие бинары за языковые эквиваленты.

«Случаи полного совпадения лексических единиц разных языков во всем объеме их референциального значения относительно редки» (Бархударов 1975, 75).

Особенные сложности представляют самые что ни на есть устойчивые бинары, например устойчивая бинарная пара «каша — porridge», прочно закрепившаяся во многих англо-русских словарях. Однако объемы этих бинаров существенно различаются. Если porridge это «Oatmeal cooked in water or milk as a breakfast dish; originally Scottish. Also similar thick soups made with other cereals» (ODE), то русская каша — это «КАША ж. густоватая пища, крупа вареная на воде или на молоке. Крутая каша, гречневая, пшенная, полбенная, ячная, овсяная, ржаная или зеленая и пр. она готовится в горшке и в печи, запекаясь сверху; жидкая, каша; размазня, по густоте, между крутою и кашацей, похлебкой с крупую» (Даль 1996). Неудивительно поэтому, что хорошо знакомые с русской культурой авторы или русскоязычные авторы, пишущие на английском языке, вводят в текст заимствование из русского: «<...> *kasha* being the Russian word for almost any grain preparation both dry and porridgy <...>» (von Bremzen 2014, 45).

Существуют различные типы бинаров, которые, в зависимости от конкретной ситуации общения, в большей или меньшей степени влияют на восприятие текста описания иноязычной культуры. Эти бинары могут быть двух типов: *гетерогенные*, т. е. не имеющие общей этимологии («улица»/street), и *гомогенные*, восходящие к общему иноязычному источнику («армия»/army) и поэтому характеризующиеся большим или меньшим формальным сходством (Кабачки, Прошина 2021, 173).

В данной статье мы рассматриваем *локалоиды*, частный случай интернациональной лексики, который восходит ко второму типу — гомогенным бинарам. Для начала определим, что такое интернациональная лексика. Лингвистический энциклопедический словарь определяет ее так: «слова, совпадающие по своей внешней форме (с учетом закономерных соответствий звуков и графических единиц в конкретных языках), с полным или частичным совпадающим смыслом, выражающим понятия международного характера из области науки и техники, политики, культуры, искусства и функционирующие в разных, прежде всего неродственных (не менее чем в трех) языках» (ЛЭС 1990, 52). Однако термин *интернационализм* имеет настолько широкое применение как термин социально-политический, что использовать его и как термин лингвистический

для обозначения лексического типа слова представляется нецелесообразным. Поэтому мы предпочитаем воспользоваться термином, который предложил Свадост: «интероним» (Свадост 1968, 48).

После распада Советского Союза и падения железного занавеса русский язык подвергся массовому нашествию англицизмов. Мы с упоением употребляли новые для нас тогда понятия: *плюрализм, консенсус, приватизация, кооперация, глобализация*, естественно наполняя их своим содержанием. Ведь всем известно, что как только слово оказывается на новой почве, оно начинает жить новой жизнью.

Причем надо понимать, что интеронимы, полностью совпадающие по значению, встречаются не часто. Вместе с тем даже при значительном расхождении значения интернационализма (т. е. «интеронимы») под давлением формального подобия на межъязыковом уровне «массово и регулярно отождествляются» двуязычными (Жлуктенко 1980, 47).

Возьмем часто используемый в АЯМО (РК) термин *repression*. Энциклопедия Britannica пишет:

Repression, in psychoanalytic theory, the exclusion of distressing memories, thoughts, or feelings from the conscious mind. Often involving sexual or aggressive urges or painful childhood memories, these unwanted mental contents are pushed into the unconscious mind. Repression is thought to give rise to anxiety and to neurotic symptoms, which begin when a forbidden drive or impulse threatens to enter the conscious mind. Psychoanalysis seeks to uncover repressed memories and feelings through free association as well as to examine the repressed wishes released in dreams (EncBr 2022).

В русский язык «репрессивный» попало из французского языка, если верить словарю В. И. Даля, как и многие другие политические термины под влиянием французской революции (Даль 1996). Слова «репрессия», «репрессировать» появились уже только в XX в. сначала в словаре Ушакова, потом Ожегова и потом в последующих. Причем в русском языке есть множественное число «репрессии», которое у советского человека XX в. и российского человека первой четверти XXI в. ассоциируется с вполне конкретным историческим периодом сталинских репрессий. В английском множественное число *repressions*, хотя потенциально и заложено в системе языка, но на практике встречается редко: «Dame Millicent Garrett Fawcett fought against the repression of women in England during the late 1800's through the early 1900's» (Repression 2022).

Множественное число *repressions* используется авторами преимущественно в отношении Советской России и периода сталинских репрессий или других стран соцлагеря, причем используется и как более привычный читателю вариант *repression* в единственном числе, так и частотное в советской культуре множественное число *repressions*:

The Russians, however, suffered as much as anyone else during the purges and **repression** that characterized Stalin's reign (EncBr 2022).

Her coming-of-age story of a young woman deported to Siberia during the Stalin-era purges of wealthier peasants, or *kulaks*, had been picked over for its portrayals of Soviet **repressions** and national identity in the largely Muslim region of Tatarstan ever since it was published in 2015 (Roth 2020).

National polling and anecdotal evidence have pointed to a limited rehabilitation of Stalin's legacy in Russia, with reduced attention to the repression that took place during his rule (Roth 2020).

"We need to know the truth," said Kirill Kaleda, a Russian Orthodox priest whose grandfather was among those killed and who's part of a campaign for full disclosure of the fate of victims of Stalin's **repression**. "We shouldn't try to cover it up" (Bloomberg 2020).

It's a vision that flies in the face of the mass **repressions** under Stalin and the history of Soviet occupation of Eastern Europe following the war (Bloomberg 2020).

Таким образом, когда в АЯМО (РК) интероним *repression* используется в отношении периода советской истории — репрессий конца 1930-х гг., — его значение значительно сужается. Что из такого описания вынесет читатель? Это зависит от его эрудиции в целом и знакомства с русской культурой в частности. Если он знаком с периодом сталинских репрессий, т. н. чисток и трудовых лагерей, то он сможет восстановить русский идиомом и его смысл, но если нет, то его мысленный взор нарисует картину подавленности и неустроенности того периода. Это не будет неверным, но это не соответствует тому образу, который хотел нарисовать автор. В данном случае использование интеронима существенно снижает точность описания периода советской истории. Возможно, множественное число является своего рода компенсацией и попыткой частичного восстановления значения, поскольку привлекает внимание читателя не совсем привычной формой.

В интерлингвокультурологии интеронимы рассматриваются как бинары определенного типа: «классические» интеронимы-полионимы

типа «университет»/university, которые действительно существенно облегчают межкультурное общение; «идеологические» интеронимы типа «демократия»/democracy, которые в англосаксонской и русской культурах понимают по-разному и, соответственно, в межкультурной коммуникации представляют бесконечные трудности; *локалоиды*, под которыми понимаются заимствованные локальные варианты интеронимов (например: *universitet, ministr, demokratiya*), вводимые в текст (в нашем случае — в виде транслитерации) либо во избежание ложных друзей переводчика, либо из стилистических соображений (Кабачки 1998, 63). Локалоиды легко ассоциируются со своими коррелятами и в силу этого характеризуются семантической прозрачностью, к тому же демонстрируют эрудицию автора.

Бинары-локалоиды, совпадающие по значению и (по крайней мере, частично) по форме, существенно облегчают межкультурное общение. В текст вводится слово в его локальном написании: «Like most Moscow *taksisty*, he doubles as paid listener and anonymous confessor» (Corney 1993).

Практика межкультурного общения показывает, что локалоиды появились сравнительно недавно: во второй половине прошлого века. Рассмотрим, почему автору становится необходимо разграничить значения локалоидов и соответствующих англоязычных интеронимов, например «kafe» vs café:

A Russian "kafe" is not a café in our sense of the word, but rather a type of *cafeteria* or *snack bar* (Borowsky 1990, 157).

The term *klub* can cover anything from an *arthouse café* with a spot of live music to a *dance warehouse*, or a *fancy nightclub* with a restaurant and casino (Richardson 2005, 351).

Мы видим, что введение транслитерации из русского позволяет обратить внимание читателя на то, что объемы понятий слов в русском и английском языках не совпадают, и дает необходимую экспликацию, в чем состоит культурное различие, и читатель видит, что различие существенное. Вместе с тем похожесть формы написания облегчает понимание: «kafe» сразу относит к месту, где едят, а *klub* — где развлекаются.

Особенно продуктивными локалоиды стали в англоязычных текстах о русской культуре конца XX — начала XXI в., когда события политической истории открыли нашу страну многим западным влияниям, которые не могли

не затронуть языковые процессы. Тогда в западной прессе много писали о нашей стране, преобразованиях, которые в ней проходили:

Now the crime Lenin called speculation was known as *biznes* <...>. (Meier 2004, 66) *Demokratizatsiya* — another troublesome word because it does not mean the same thing as its English equivalent — democratization (Canadian Tribune 29.02.1988; цит. по Кабакчи, Белоглазова 2012).

Локалоиды снова используются для того, чтобы показать, как интеронимы, преломленные через реальность новой России, приобретают другой смысл на почве новых экономических и общественных отношений. Причем надо учитывать, что большую часть текстов о СССР в англо-саксонском мире писали т. н. советологи или кремлинологи, которые, с одной стороны, были профессиональными знатоками русской и советской культуры, а с другой — выполняли государственный заказ и соответственно представляли генеральную, в лучшем случае настоятельную, линию своего государства (Кабакчи 2021).

В первом примере автор явно показывает, что, конечно, слово английского языка *business* никак не может использоваться для названия того, что в России понимают под словом «бизнес». Свое отношение автор показывает через сравнение с *speculation*, даже прибегает для усиления эффекта к ненавистному на Западе образу вождя мирового пролетариата.

Во втором примере локалоид позволяет избежать использования «идеологического» интеронима. Ведь на Западе до сих пор не могут смириться с тем, что демократию мы понимаем иначе. С точки зрения западных авторов, это никакая не демократия, поэтому и полноценного слова *democracy*, или в данном случае *democratization*, не достойна.

А нижеприведенный пример, наоборот, показывает стремление найти что-то общее в наших культурах: с одной стороны, некую увлеченность русской культурой, но, с другой — в сочетании с *joked* и *The New York Times* — явно демонстрирует некоторую иронию: «Even in our small office we and our Russian employees constantly joked about *'The New York Times kollektiv'*» (Smith 1976, 376).

Ирония в данном случае объясняется тем, что в англо-саксонском сознании, где в центре стоит отдельный человек, существительного «коллектив» нет. *Individual* — это существительное и прилагательное, а *collective* — только прилагательное.

В частности, в словаре Oxford Advanced Learner's Dictionary середины прошлого века

отсутствует слово *collective* в функции существительного, но представлено словосочетание «*collective farm*» (OALD 1963).

Под влиянием советской культуры энциклопедические словари стали регистрировать дополнительное значение, но пока оно широкого применения в языке не получило:

adj. shared or made by every member of a group or society;

n. 1 a group of people who work together to run something such as a business or farm, and who share the profits equally **2** the business or farm that is run by this type of group (LDCE).

Для русской же и потом для советской культуры понятия «коллектив», «коллективность», «коллективизм» были во многом основополагающими, берущими свое начало еще в Древней Руси от *княжеской дружины*, *русской общины*, *мира*. Кстати, именно в силу важности подобных культурных понятий для англоязычного описания русской культуры ксенонимы *mir*, *druzhina* вводятся заимствованиями:

The word here translated «guards» (*druzhiny*) is an ancient term describing the close advisers and comrades-in-arms (the 'Household Guard') of the medieval Russian princes (CamEnc 1994, 322).

The ideal of the rural community was *mir*, which means "peace" but in time came to be adopted as the name of the community itself (Hosking 2001, 16).

В данном примере ксеноним *mir* поясняется при помощи существующего в английском языке аналога *rural community*, но автору этого объяснения явно недостаточно, и он старается донести до читателя и другое расширенное значение этого слова через кальку «*peace*». Сравним:

community, noun, a group of people living in the same place or having a particular characteristic in common, 2. a group of people living together and practising common ownership (a community of nuns), 3. a particular area or place considered together with its inhabitants (a rural community) (ODE 2010).

МИР, (міръ) м. вселенная; вещество в пространстве и сила во времени (Хомяков). | Одна из земель вселенной; особ. | наша земля, земной шар, свет; | все люди, весь свет, род человеческий; | община, общество крестьян; | сходка. В последнем знач. мир бывает сельский и волостной. Класть на мир, давать приговор на сходке; на сельском мире бывает по мужику от дыма, на волостном мире или кругу по два хозяина от сотни. Миры, земли, планеты. Встарь считали годы от сотворения мира, нашей земли. Идти в мир или по миру,

с сумою. На миру и смерть красна, на людях. Жить в миру, в мирских заботах, в суетности; вообще в свете; противополож. жизнь духовная, монашеская (Даль 1996).

Вместе с тем «коллективность», присущую русской культуре, отмечают многие авторы: «<...> a sense of belonging not just to the “collective” in the abstract but to a specific factory <...>» (Kelly 2014). Отметим, что К. Келли помещает кальку в кавычки, чтобы выделить ксенонимическое значение слова.

Вместе с тем в силу чуждости западному сознанию «коллективной» философии негативные нотки будут всегда сопутствовать этому локалоиду. К тому же эффект усиливается тем, что слово «коллектив» был краеугольным в советской идеологии, а значит, еще более порицаемым в устах официальной западной пропаганды: «Today, as a sacred entity in Soviet mythology, the *kollektiv* ranks second only to the Communist Party itself» (Smith 1976, 375).

Поскольку Коммунистическая партия была наивысшим злом, понятно, что слово «коллективизм» лишь немногим ей уступало.

Часто локалоиды вводятся в текст в качестве доказательства англизации современного русского языка, что не могло не доставлять радости советологам после распада Советского Союза:

Demokratiya, konstitutsiya, parlament and Prezident are all foreign additions to the Russian vocabulary (Time 27.05.1996).

Repeatedly heard in political discussions are words like *konsensus, privatizatsia, korruptsia, plyuralizm* and *konsolidatsia* (Chicago Tribune 4.10.1992; цит. по Кабакчи, Белоглазова 2012).

Англицизм вошло в русский язык так много на рубеже веков, что стали слышны разговоры о переходе на латиницу. Вот, например, что писал член-корреспондент РАН С. А. Арутюнов: «По моим прогнозам, в течение этого столетия русский язык перейдет на латиницу. Декретов не будет — жизнь все определит. Сначала на латиницу перейдет компьютер, потом печать на принтере, малотиражная и техническая литература. Родная кириллица сохранится как памятник истории. Ей будут пользоваться поэты, на ней будут писаться церковные тексты» (Лесков 2001). Пока его прогнозы, к счастью, не оправдались. Русский язык смог переварить наше шествие, а русская культура устоять перед всеми тектоническими сдвигами рубежа веков, но история идет вперед, и как будет продолжаться развиваться наша цивилизация, время покажет.

Среди локалоидов есть и сравнительно недавние поступления из английского языка: «*Supermarket* (supermarkets) have become increasingly popular <...>» (Masters 2005, 166).

Здесь введение локалоида в текст показывает, что заимствована не только модель магазина, но и его наименование: супермаркеты (и по форме, и по содержанию) являются нововведением уже новой России. Пришедшие к нам с Запада, супермаркеты полностью скопировали бизнес-модель и заимствовали сам термин.

Введение локалоидов в текст позволяет решать самые разнообразные задачи стилизации текста. В нижеприведенных примерах введением локалоидов достигается эффект русификации текста:

“*Tanki i banki*, tanks and banks”, grumbled my mom (von Bremzen 2014, 378).

[On Anya’s visiting the Mausoleum] “*Idiotka*”, Mom finally snorted (von Bremzen 2014, 391). Mom couldn’t admit to Ninka she hadn’t yet seen real *kino* (von Bremzen 2014, 102).

Понятие «интеллигент» является исключительно важным для русской культуры. Не удивительно, что при обращении английского языка к нашей культуре должен был появиться и соответствующий ксеноним: «[Sakharov] is an inward man, a Russian *intelligent*, an intellectual through and through» (Smith 1976, 534).

В английском языке *intelligent* является прилагательным. Курсив и артикль в данном примере сообщают читателю, что перед ним не грамматическая ошибка, а намеренное введение в текст русскоязычного локалоида со своеобразным лексико-грамматическим значением.

Сложным случаем является пара *apothecary* — *аптека*. Во-первых, слово *apothecary* известно лишь эрудированному читателю, в англоязычных странах сегодня используются *the Chemist’s, pharmacy* (вариант, широко используемый в мире) или *drugstore* (американский вариант). Используемое в средние века вплоть до середины XIX в. *apothecary* в английских словарях сегодня идет с пометкой *устар.*, хотя в некоторых других европейских языках это слово осталось (die Apotheke в немецком, например).

<...> pharmacology derives from the medieval apothecaries, who both prepared and prescribed drugs. In the early 19th century a split developed between apothecaries who treated patients and those whose interest was primarily in the preparation of medicinal compounds; the latter formed the basis of the developing specialty of pharmacology (EncBr 2022).

Как видим, сегодня широкой англоязычной аудитории этот термин не известен. Тем более сложен для восприятия локалоид *apteka*: «And off he goes to the sinister little *apteka* by Stone Bridge <...>» (Lear 1986, 15).

Здесь извлечение смысла требует от читателя определенной креативности мышления, контекст в таких случаях, конечно, помогает. Вместе с тем представляется важным, что автор ввел в текст локалоид, который показывает, что русское слово является ассимилированным заимствованием от общего латинского корня.

Заключение

Итак, универсальность полионимической лексики достигается ее гибкостью и способ-

ностью адаптироваться в соответствии с коммуникативной ситуацией. Однако как в случае прямого межкультурного диалога, так и в случае перевода необходимо учитывать, что полные языковые эквиваленты редко случаются в языковых парах. Особенно осторожно в этой связи следует подходить к интеронимам, которые своей формой часто создают ложное представление о большей схожести значений, чем есть на самом деле. Здесь переводчику на помощь часто приходят локалоиды, которые своим написанием сигнализируют внимательному читателю, что здесь объемы значений в данной языковой паре не совпадают. Владеющим же русским языком дают русский термин для дальнейшего его изучения в соответствующих источниках.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Список сокращений

АЯМО — английский язык межкультурного общения
 АЯМО (РК) — английский язык межкультурного общения, ориентированный в область русской культуры
 ИОКz — иноязычное описание культуры
 ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь
 ЯМО — язык межкультурного общения
 CamEnc — The Cambridge Encyclopedia of Russia and the Former Soviet Union
 EncBr — Encyclopedia Britannica
 FCO Language — Foreign Culture-Oriented language
 FCOE — Foreign Culture-Oriented English
 LDCE — Longman Dictionary of Contemporary English
 OALD — Oxford Advanced Learner's Dictionary
 ODE — Oxford Dictionary of English

Словари и справочная литература

Даль, В. И. (1996) *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т.* СПб.: Диамант.
 Ярцева, В. Н. (ред.). (1990) *Лингвистический энциклопедический словарь.* М.: Советская энциклопедия, 682 с.
 Hornby, A. S., Gatenby, E. V., Wakefield, H. (eds.). (1963) *Advanced learner's dictionary of current English.* 2nd ed. London: Oxford University Press, 1200 p.
Longman Dictionary of Contemporary English. [Online]. Available at: <https://www.ldoceonline.com/dictionary> (accessed 11.02.2022).
Oxford Dictionary of English. (2010) 3rd ed. [Online]. Available at: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199571123.001.0001/acref-9780199571123> (accessed 11.02.2022).
 Repression. (2022) *YourDictionary.* [Online] Available at: <https://www.yourdictionary.com/repression> (accessed 11.02.2022).

Литература

Бархударов, Л. С. (1975) *Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода.* М.: Международные отношения, 239 с.

- Жлуктенко, Ю. А. (1980) Интернационализмы в процессах соприкосновения языков. В кн.: И. К. Белодед, В. В. Акуленко, А. Граур и др. *Интернациональные элементы в лексике и терминологии*. Харьков: Вища школа, с. 47–61.
- Кабакчи, В. В. (1998) Основы англоязычной межкультурной коммуникации. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 232 с.
- Кабакчи, В. В. (2009) Нам не дано предугадать. В кн.: *Ученые записки. Т. 14. Современные проблемы филологии, межкультурной коммуникации и перевода*. СПб.: ИВЭСЭП; Знание, с. 5–16.
- Кабакчи, В. В. (2011) Введение в интерлингвокультурологию. В кн.: О. А. Александрова, Е. Ф. Жукова (ред.). *Язык и межкультурная коммуникация: материалы Второй Международной научно-практической конференции, Великий Новгород, 19–20 мая 2011 г.: в 2 т. Т. 1*. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, с. 11–19.
- Кабакчи, В. В., Белоглазова, Е. В. (2012) *Введение в интерлингвокультурологию*. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 255 с.
- Кабакчи, В. В. (2021) Лингвистика и политика: русизмы в англоязычной полемике Запада с Россией. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 3, № 2, с. 138–152. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-138-152>
- Кабакчи, В. В., Прошина, З. Г. (2021) Лексико-семантическая относительность и адаптивность в переводе и межкультурной коммуникации. *Russian Journal of Linguistics*, т. 25, № 1, с. 165–193. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-165-193>
- Лесков, С. (2001) Битва между кириллицей и латиницей. *Известия*, 24 августа. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/news/250788> (дата обращения 11.02.2022).
- Прошина, З. Г. (2007) *The ABC and controversies of World Englishes*. Хабаровск: Графика, 120 с.
- Свадост, Э. П. (1968) Как возникнет всеобщий язык? М.: Наука, 287 с.
- Щерба, Л. В. (1974) *Языковая система и речевая деятельность*. Л.: Наука, 427 с.
- Kachru, B. V. (1992) Models for non-native Englishes. In: B. V. Kachru (ed.) *The other tongue. English across cultures*. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, pp. 48–74.

Sources

- Borowsky, B. (1990) *Baedeker's Leningrad*. Norwich: Jarrold and Sons Publ., 200 p. (In English)
- Bloomberg. (2020) Putin keeps Stalin's crimes under wraps in WWII battle with West. *The Moscow Times*, 13 February. [Online]. Available at: <https://www.themoscowtimes.com/2020/02/13/putin-keeps-stalins-crimes-under-wraps-in-wwii-battle-with-west-a69274> (accessed 11.02.2022). (In English)
- Brown, A. (ed.). (1994) *The Cambridge encyclopedia of Russia and the Former Soviet Union*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 604 p. (In English)
- Corney, J. (1993) View from a cab. *Time*, 15 December. [Online]. Available at: <http://content.time.com/time/subscriber/article/0,33009,977760,00.html> (accessed 11.02.2022). (In English)
- Encyclopedia Britannica*. (2022) [Online]. Available at: <https://www.britannica.com> (accessed 11.02.2022). (In English)
- Hosking, G. (2001) *Russia and the Russians. From earliest times to 2001*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 718 p. (In English)
- Kelly, C. (2014) *St Petersburg: Shadows of the past*. New Haven; London: Yale University Press, 464 p. (In English)
- Lear, J. (1986) *Death in Leningrad*. London: Pluto Press, 192 p. (In English)
- Masters, T. (2005) *St. Petersburg*. Melbourne: Lonely Planet Publ., 250 p. (In English)
- Meier, A. (2004) *Black Earth: A journey through Russia after the Fall*. London: Harper Perennial Publ., 528 p. (In English)
- Richardson, D. (2005) *The rough guide to Moscow*. 4th ed. London: Rough Guides Publ., 496 p. (In English)
- Roth, A. (2020) Russian author defends gulag-era story as TV series provokes backlash. *The Guardian*, 3 May. [Online]. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2020/may/03/russian-author-defends-gulag-era-story-as-tv-series-provokes-backlash> (accessed 11.02.2022). (In English)
- Smith, H. (1976) *The Russians*. London: Sphere Books Publ., 639 p. (In English)
- Time. U. S. edition*. (1996). Vol. 147, no. 22, 27 May. (In English)
- Von Bremzen, A. (2014) *Mastering the art of Soviet cooking: A memoir of food, family and longing*. New York: Broadway Books Publ., 350 p. (In English)

Dictionaries and reference literature

- Dal', V. I. (1996) *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogoazyka: v 4 t. [Explanatory dictionary of the living great Russian language: In 4 vol.]*. Saint Petersburg: Diamant Publ. (In Russian)
- Hornby, A. S., Gatenby, E. V., Wakefield, H. (eds.). (1963) *Advanced learner's dictionary of current English*. 2nd ed. London: Oxford University Press, 1200 p. (In English)

- Longman Dictionary of Contemporary English*. [Online]. Available at: <https://www.ldoceonline.com/dictionary> (accessed 11.02.2022). (In English)
- Oxford Dictionary of English*. (2010) 3rd ed. [Online]. Available at: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199571123.001.0001/acref-9780199571123> (accessed 11.02.2022). (In English)
- Repression. (2022) *YourDictionary*. [Online] Available at: <https://www.yourdictionary.com/repression> (accessed 11.02.2022). (In English)
- Yartseva, V. N. (ed.). (1990) *Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 682 p. (In Russian)

References

- Barkhudarov, L. S. (1975) *Yazyk i perevod: Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda [Language and translation: Issues of general and specific history of translation]*. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 239 p. (In Russian)
- Kabakchi, V. V. (1998) *Osnovy angloyazychnoj mezhekul'turnoj kommunikatsii [Basics of English-speaking intercultural communication]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 232 p. (In Russian)
- Kabakchi, V. V. (2009) Nam ne dano predugadat' [We cannot foresee]. In: *Uchenye zapiski. T. 14. Sovremennye problemy filologii, mezhekul'turnoj kommunikatsii i perevoda [Scholarly notes. Vol. 14. Modern problems of philology, intercultural communication and translation]*. Saint Petersburg: St. Petersburg Institute of International Economic Relations, Economics and Law Publ.; Znanie Publ., pp. 5–16. (In Russian)
- Kabakchi, V. V. (2011) Vvedenie v interlingvokul'turologiyu [Introduction into interlinguoculturology]. In.: O. A. Aleksandrova, E. F. Zhukova (eds.). *Yazyk i mezhekul'turnaya kommunikatsiya: Materialy Vtoroj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, Velikij Novgorod, 19–20 maya 2011 g.: v 2 t. T. 1. [Language and intercultural communication: Materials of the second international scientific and research conference. Veliky Novgorod, 19–20 May, 2011: In 2 vols, Vol. 1]*. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., pp. 11–19. (In Russian)
- Kabakchi, V. V., Beloglazova, E. V. (2012) *Vvedenie v interlingvokul'turologiyu [Introduction into interlinguoculturology]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics Publ., 255 p. (In Russian)
- Kabakchi, V. V. (2021) Lingvistika i politika: rusizmy v angloyazychnoj polemike Zapada s Rossiej [Linguistics and politics: Russianisms in the western English-Language political discourse with Russia]. *Issledovaniya yazyka i sovremennoe gumanitarnoe znanie — Language Studies and Modern Humanities*, vol. 3, no. 2, pp. 138–152. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-138-152> (In Russian)
- Kabakchi, V. V., Proshina, Z. G. (2021) Leksiko-semanticheskaya odnositel'nost' i adaptivnost' v perevode i mezhekul'turnoj kommunikatsii [Lexico-semantic relativity and versatility in translation and intercultural communication]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 25, no. 1, pp. 165–193 <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-165-193> (In Russian)
- Kachru, B. B. (1992) Models for non-native Englishes. In.: B. B. Kachru (ed.) *The other tongue. English across cultures*. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, pp. 48–74. (In English)
- Leskov, S. (2001) Bitva mezhdru kirillitsej i latinitsej [Alphabet battle]. *Izvestiya*, 24 August. [Online]. Available at: <https://iz.ru/news/250788> (accessed 11.02.2022). (In Russian)
- Proshina, Z. G. (2007) *The ABC and controversies of World Englishes*. Khabarovsk: Grafika Publ., 120 p. (In Russian)
- Shcherba, L. V. (1974) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatelnost' [Language system and speech activity]*. Leningrad: Nauka Publ., 427 p. (In Russian)
- Svadost, E. P. (1968) *Kak vzniknet vseobshchij yazyk? [How does a common language come about?]*. Moscow: Nauka Publ., 287 p. (In Russian)
- Zhluktenko, Yu. A. (1980) Internatsionalizmy v protsessakh soprikosnoveniya yazykov [International vocabulary in the processes of contact of languages] In: I. K. Beloded, V. V. Akulenko, A. Graur et al. *Internatsional'nye elementy v leksike i terminologii [International elements in vocabulary and terminology]*. Kharkiv: Vishcha shkola Publ., pp. 47–61. (In Russian)



УДК 811.112.2

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-54-63>

Аспекты грамматической вариативности немецкого языка в свете концепции плюриареальности

А. Б. Копчук ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Любовь Борисовна Копчук,
SPIN-код: 4530-5619,
ResearcherID: Z-3938-2019;
ORCID: 0000-0002-1885-2047,
e-mail: kopchuk.ljubov@gmail.com

Для цитирования:

Копчук, А. Б. (2022) Аспекты грамматической вариативности немецкого языка в свете концепции плюриареальности. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 4, № 1, с. 54–63.
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-54-63>

Получена 21 августа 2021; прошла рецензирование 23 октября 2021; принята 23 октября 2021.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. Б. Копчук (2022). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Вариативность грамматических средств, в том числе верификация грамматических вариантов в диатопическом измерении с целью их кодификации, определения ареальной дистрибуции и стандартизации находится в настоящее время в центре внимания лингвистики немецкого языка. На основе данных корпуса международного исследовательского проекта «Variantengrammatik des Standarddeutschen» в статье анализируются актуальные явления и процессы, происходящие в грамматическом строе немецкого языка. В качестве базовых для данного проекта рассматриваются концепции «узуального стандарта» («Gebrauchsstandard») и плюриареальности, которые позволяют обосновывать существование ареальной грамматической вариативности в письменном стандарте современного немецкого языка на региональном, а не только на национальном уровне. Из широкого диапазона грамматических вариантов в работе представлен анализ ключевых для строя немецкого языка вопросов сферы синтаксической вариативности. В качестве центральной рассматривается проблема рамочной конструкции немецкого предложения и определяется ареальная распространенность основных разновидностей выноса за рамку частей предложения, которые допускаются в текстах региональных газет. Диатопическая вариативность порядка слов в сложных предложениях рассматривается на примере придаточных предложений с союзами *weil* и *obwohl*. Материалы проекта позволяют определить условия употребления синтаксических вариантов таких структур. Особый раздел работы посвящен явлениям синтаксической вариативности немецкого языка Швейцарии, в котором обнаруживаются расхождения с другими регионами в отношении заполнения первого места в главном предложении, а также в отношении структуры и порядка слов в субъектных и объектных придаточных предложениях. Анализ фактов синтаксической вариативности, составляющих особенности соответствующего национального или регионального стандарта немецкого языка, и их систематизация позволяют получить достоверные сведения об актуальных процессах, происходящих в грамматическом строе немецкого языка, а также о путях его дальнейшего развития.

Ключевые слова: стандартный немецкий язык, национальная вариативность, региональная вариативность, концепция плюриареальности, диатопическое измерение, синтаксические варианты

Aspects of grammatical variation of the German language in the light of the pluriareal concept

L. B. Kopchuk ✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Ljubov B. Kopchuk,
SPIN-код: 4530-5619,
ResearcherID: Z-3938-2019;
ORCID: 0000-0002-1885-2047,
e-mail: kopchuk.ljubov@gmail.com

For citation:

Kopchuk, L. B. (2022) Aspects of grammatical variation of the German language in the light of the pluriareal concept. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 4, no. 1, pp. 54–63. <https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-54-63>

Received 21 August 2021; reviewed 23 October 2021; accepted 22 October 2021.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © L. B. Kopchuk (2022). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The variability of grammatical means, including the verification of grammatical variants in the diatopic dimension to codify them, determine areal distribution and standardization, is currently in the focus of German linguistics. Based on the data from the corpus of the international research project “Regional Variation in the Grammar of Standard German”, the article analyzes the current phenomena and processes occurring in the grammatical structure of the German language. The concepts of the “common standard” (“Gebrauchsstandard”) and pluriareality are considered as the basis for this project, which make it possible to substantiate the existence of areal grammatical variability in the written standard of the modern German language at the regional, and not only at the national, level. From a wide range of grammatical variants, the paper presents an analysis of the key issues for the structure of the German language in the sphere of syntactic variation. The problem of the framework construction of the German sentence is considered as the central one, and the areal prevalence of the main varieties of moving out of the frame parts of the sentence, which are allowed in the texts of regional newspapers, is determined. Diatopic variability of the word order in complex sentences is considered using the example of subordinate clauses with the *weil* and *obwohl* conjunctions. The materials of the project allow determining the conditions for the use of syntactic variants of such structures. A special section of the work is devoted to the phenomena of syntactic variability of the German language in Switzerland, which reveals discrepancies with other regions concerning the filling of the first place in the main sentence, as well as for the structure and word order in subject and object subordinate clauses. Analysis of the facts of syntactic variability and their systematization allow obtaining reliable information about the current processes in the grammatical structure of the German language, as well as about the ways of its further development.

Keywords: standard German, national variety, regional variety, pluriareal concept, diatopic dimension, syntactic variants

Введение

Долгое время в лингвистике господствовал традиционный подход к грамматическим явлениям, в соответствии с которым грамматические правила воспринимались как нечто неизменное и неизменяемое, а сама грамматика сводилась к стабильной системе строго фиксированных предписаний и норм.

Программным научным трудом, в котором был обозначен поворот к изучению динамики грамматической системы немецкого языка в отечественном языкознании, с полным правом можно считать работу В. Г. Адмони «Пути развития грамматического строя в немецком языке», изданную в 1973 г. Во введении к этому учебному пособию автор отмечает: «Строй современного языка во все большей мере начинает изучаться не как статическая система, а как система динамическая, в которой дей-

ствуют некоторые тенденции развития, определяющие известные сдвиги в течение дальнейшего существования данного языка» (Адмони 1973, 4).

Особое внимание при освещении вопроса о тенденциях развития современного немецкого языка следует, по мнению В. Г. Адмони, уделить «немецкому синтаксическому строю, поскольку синтаксис является более пластической и легко реагирующей на различные воздействия частью грамматической системы» (Адмони 1973, 6).

В. Г. Адмони неоднократно подчеркивал, что «богатство синонимических грамматических форм является одним из условий полноценного функционирования всякого развитого литературного языка» (Адмони 1973, 63) и современный немецкий литературный язык «относительно не склонен жертвовать хоть сколько-нибудь заметными частицами своего грамматического

богатства, сокращать свою грамматическую синонимию» (Адмони 1973, 170).

Не менее важную роль, безусловно, играет смежное с синонимией явление грамматической вариативности. Необходимо также отметить, что современные лингвисты возражают против существования в категориальной парадигме синонимичных форм и рассматривают именно вариантность как «необходимое и естественное состояние языковой системы» (Жукова 2006, 168).

Грамматическая вариативность языкового стандарта определяется новейшей лингвистикой как характерный признак современного развитого культурного языка. В самой обобщенной интерпретации она подразумевает, что одна и та же грамматическая, семантическая или прагматическая функция может быть реализована различными грамматическими средствами и, наоборот, грамматическая структура может выполнять разные функции.

С одной стороны, вариативность может быть обусловлена внутренними грамматическими закономерностями или такими параметрами, как среда, регистр и тип текста. При этом она регистрируется и анализируется, прежде всего, методами корпусной лингвистики, компьютерной лингвистики и психолингвистики с применением статистических инструментов.

С другой стороны, грамматические варианты могут быть характерны для определенных групп пользователей (носителей) языка. Вариативность в этом случае определяют экстралингвистические факторы: регион, возраст или социальное положение, что представляет интерес в первую очередь для социолингвистики.

Анализ фактов грамматической вариативности в диатопическом измерении, результаты которого представлены в данной статье, проводился с целью изучения на конкретном материале актуальных явлений и процессов, происходящих в грамматическом строе немецкого языка в результате взаимодействия противоборствующих тенденций стандартизации и дифференциации. В центре внимания находится вопрос о верификации возможных признаков перестройки структуры предложения в региональных и национальных вариантах немецкого языка.

Грамматическая вариативность — центральная тема германского языкознания

Изучением аспектов грамматической вариативности занимаются в настоящее время наряду с грамматикой и корпусной лингвисти-

кой различные лингвистические дисциплины: ареальная лингвистика, социолингвистика, интеракциональная лингвистика, медиалингвистика; ее изучение входит в круг научных задач при исследовании региональных языков, разговорного языка, интернет-коммуникаций. Такой широкий спектр исследовательских направлений позволил немецкому лингвисту Матильде Хенниг определить грамматическую вариативность как центральную тему германского языкознания XXI в. («Zentralthema der germanistischen Linguistik des 21. Jahrhunderts») (Hennig 2017, 24).

Действительно, к проблематике грамматической вариативности в настоящее время приковано внимание немецких лингвистов, о чем свидетельствуют, в частности, материалы состоявшейся в 2016 г. конференции Института немецкого языка в Мангейме («Grammatische Variation: empirische Zugänge und theoretische Modellierung»: 52. Jahrestagung des Instituts für deutsche Sprache 08.–10. März 2016, Mannheim), посвященной обсуждению вопросов грамматической вариантности (Konopka, Wöllstein 2017).

Значительные усилия исследователей направлены на верификацию и систематизацию фактов грамматической вариантности в диатопической плоскости, т. е. по территориальному (региональному) признаку, в частности по принадлежности к северонемецкому или южнонемецкому региональному стандарту или по принадлежности к австрийскому или к германо-швейцарскому национальному стандарту. Такие региональные и национальные грамматические варианты нуждаются в лингвистическом признании и включении в соответствующие грамматические кодификаторы немецкого языка как стандартные. В последнее десятилетие разработка этой проблематики осуществляется в рамках двух крупных международных проектов:

1. Korpusgrammatik — grammatische Variation im standardsprachlichen und standardnahen Deutsch («Корпусная грамматика — грамматическая вариантность в стандартном и близком к стандарту немецком языке») (см. Konopka, Wöllstein, Felder 2020).

2. Variantengrammatik des Deutschen («Вариантная грамматика немецкого языка») (Variantengrammatik des Standarddeutschen 2018).

Исследовательский проект «Variantengrammatik des Deutschen» получил наименование по аналогии со словарем лексических вариантов «Variantenwörterbuch des Deutschen» («Словарь вариантов немецкого языка») (Ammon, Bickel,

Ебнер et al. 2004) и в дополнение к нему. Он разрабатывался в период с 2014 по 2018 г. с целью кодификации дистрибуции грамматических вариантов, которые регулярно используются в письменной речи и могут квалифицироваться как документально подтвержденные варианты соответствующих национальных и региональных языковых стандартов (см. Копчук 2017; Dürscheid, Elspaß, Ziegler 2015).

В настоящее время возглавляемый Кристой Дюршайд проект по составлению грамматического справочника на основе обработки корпусов региональной прессы стран немецкой речи (68 наименований газет, представляющих в полном объеме все 15 ареалов немецкоязычного региона) в целом завершен, однако работа над интерпретацией выявленных феноменов и их дальнейшему поиску и верификации продолжается.

Концепция плюриареальности немецкого языка

Разработчики проекта «Variantengrammatik des Deutschen» исходят из плюриареального подхода, в соответствии с которым внимание исследователей должно быть направлено на выявление региональных различий (вариантов) как между немецкоязычными странами, так и внутри этих стран. Для определения статуса таких грамматических вариантов уровня языкового стандарта, которые встречаются в разных, в ряде случаев не прилегающих (не смежных), областях немецкоязычного региона, предлагается использование понятия «Gebrauchsstandard» («узуальный стандарт») (Elspaß, Dürscheid, Ziegler 2017), которое соответствует понятию регионального литературного стандарта в терминологии У. Аммона (Ammon 1995, 16).

Концепция плюриареальности в своих основных положениях перекликается с концепцией региональной вариативности немецкого языка, которая подразумевает существование, с одной стороны, регионального языкового членения в пределах национальных государственных границ, а с другой — региональных языковых союзов, т. е. соседних областей разной государственности, обладающих культурной, географической и экономической общностью (см. Копчук 2007, 327).

Однако сторонники концепции плюриареальности отказались от использования термина «региональная вариативность» («regionale Variation») на том основании, что данный термин подразумевает в первую очередь варианты на уровне диалекта или обиходно-разговорно-

го языка, в то время как в центре внимания проекта находится письменная форма языкового стандарта.

Разработчики проекта считают, что модель плюриареальности более адекватно описывает вариативность немецкого языка на уровне «узуального стандарта», чем модель плюрицентричности (Ammon, Bickel, Ebner et al. 2004), которая предполагает равноправное сосуществование разновидностей национальных стандартов, и подчеркивают, что среди грамматических вариантов лишь изредка можно обнаружить так называемые абсолютные, специфические, варианты, т. е. такие, употребление которых ограничивалось бы только одной страной. На этом основании они предлагают рассматривать большинство грамматических вариантов как относительные и выделяют среди них три типа. Первый тип включает относительные варианты, специфичные для страны или региона внутри страны — какими бы редкими они ни были. Ко второму типу относятся варианты, которые употребляются почти исключительно в одной или нескольких странах, но также встречаются как относительные варианты в соседних регионах других стран.

Третий тип подразумевает случаи, когда во всех немецкоязычных странах обнаруживаются относительные варианты, т. е. два или более варианта проявляют разную частоту употребления и явные ареальные различия, которые могут быть трансграничными — сходными в соседних областях разных стран. Часто эти трансграничные особенности соотносятся с границами старых диалектных областей (Elspaß, Dürscheid, Ziegler 2017, 86–87).

Сфера проявления грамматической вариативности

Анализ языкового материала, представленного в корпусе проекта «Variantengrammatik des Standarddeutschen» (Variantengrammatik des Standarddeutschen 2018), позволил выделить четыре сферы, в которых наиболее часто проявляется региональная грамматическая вариативность на уровне письменного языкового стандарта: 1) временные формы глагола, прежде всего образование перфекта; 2) порядок слов в простом и придаточном предложениях; 3) грамматический род существительных; 4) образование множественного числа существительных. К этим сферам грамматики примыкает словообразование, которое также обнаруживает значительную вариативность. Из широкого диапазона типов грамматической

вариативности — морфологических, морфолого-синтаксических и синтаксических вариантов — можно выделить сферу синтаксической вариативности как, с одной стороны, наиболее проблемную и спорную, а с другой — наиболее ярко высвечивающую процессы, происходящие в грамматическом строе немецкого языка.

Вопрос о рамочной конструкции предложения

В первую очередь необходимо оценить положение вещей с ключевым («одним из самых острых и спорных вопросов») вопросом немецкого синтаксиса — о «судьбе рамочной конструкции предложения» (Адмони 1973, 143). В. Г. Адмони возражает в своих работах против концепций немецких лингвистов начала и середины XX в. об отступлении немецкого языка от рамки. По его мнению, «рамка выступает основным, исходным, нормальным вариантом» предложения «в состоянии его синтаксического покоя» (Адмони 1973, 153), при этом «вынос определенных грамматических конструкций за рамку является в немецком литературном языке четкой тенденцией <...> отмечаемой исследователями уже в течение десятилетий» (Адмони 1973, 157), что связано, прежде всего, с увеличением объема элементарного предложения. Однако ученый подчеркивает, что «с точки зрения развития познавательной установки говорящего в современном немецком литературном языке не происходит таких процессов, которые означали бы необходимость радикальной перестройки структуры предложения, и в частности его глагольно-предикативной рамки» (Адмони 1973, 164).

К основным разновидностям выноса за рамку частей предложения, которые представлены в корпусе проекта и которые можно рассматривать как явления синтаксической вариативности, относятся вынос за рамку предложных групп в функциях факультативных дополнений (пример 1) или обстоятельств (пример 2) и вынос за рамку наречий в функции обстоятельств.

(1) *Und zweiter Bürgermeister Josef Wecker erzählte, dass die Gemeinde Altheimberg gescheitert ist mit der Planung einer Hackschnitzelheizung <...>* [«Второй бургомистр Йозеф Веккер заявил, что община Альтегненберг не смогла спланировать систему отопления на древесной щепе»; *здесь и далее перевод наш.* — Л. К.] (Augsburger Allgemeine 11.06.2012; цит. по: Ausklammerung. Varianten Grammatik 2020).

(2) *Seit 2011 werden keine Lehrlinge mehr ausgebildet trotz Nachwuchsbedarfs.* [«С 2011 года учеников больше не обучали, несмотря на потребность

в молодых талантах».] (Thüringer Allgemeine 06.03.2012; цит. по: Ausklammerung. Varianten Grammatik 2020).

Вынос за рамку предложных групп распространен, по данным проекта, в центрально-восточных регионах Германии и также довольно часто встречается в Штирии. В западных районах Швейцарии, на юго-западе Германии, в Бельгии и центрально-западных и северо-западных регионах Германии данное явление, по меньшей мере, встречается, во всех других областях, однако только спорадически, т. е. его можно отнести к относительным вариантам второго типа.

Вынос за рамку наречий в функции обстоятельств, таких как *bald* 'скоро', *nächste Woche* 'на следующей неделе', *letztes Jahr* 'в прошлом году', *schnellen Schritts* 'быстрыми шагами', *gemächlich* 'неторопливо', *dort* 'там', *gerne* 'с удовольствием', *deshalb* 'поэтому', *dafür* 'за это', *glücklicherweise* 'к счастью', *vielleicht* 'может быть', *immerhin* 'все-таки', *ehrlich gesagt* 'если честно', относится в научной литературе почти исключительно к разговорному (небрежному) повседневному языку. Согласно данным проекта, в письменном стандарте только наречия времени иногда выносятся за рамку, но почти исключительно в Германии (в центральных восточных и западных регионах) (примеры 3, 4). В остальной части немецкоязычного региона данное явление не наблюдается или встречается только единично, что позволяет отнести его к относительным вариантам первого типа.

(3) *Die Mannschaft hat ein richtig gutes Spiel gemacht heute.* [«Команда сегодня провела действительно хорошую игру».] (Nürnberger Nachrichten; цит. по: Ausklammerung. Varianten Grammatik 2020).

(4) *Derweil wollte Stimmung zunächst nur schwer aufkommen gestern bei leichtem Nieselregen.* [«Между тем поначалу настроение только с трудом поднималось вчера во время легкого моросящего дождя».] (Rheinische Post 10.09.2011; цит. по: Ausklammerung. Varianten Grammatik 2020).

Вынос за рамку обязательных предложных определений, а также дополнений в родительном, дательном и винительном падеже в корпусе текстов региональных газет не обнаружен, что подтверждает отсутствие данных синтаксических вариантов в письменном стандарте немецкого языка.

Таким образом, данные проекта не обнаруживают каких-либо серьезных фактов, которые говорили бы об отказе региональных и национальных языковых стандартов от рамочной конструкции предложения в письменных текстах.

Порядок слов в сложном предложении

Явлением, которое «конкурирует» с выносом за рамку предложения при оценке процессов «разрыхления» (*Auflockerung*), «размывания прежней жесткой, искусственной “бумажной” структуры строя современного немецкого литературного языка» (Адмони 1973, 9), можно считать «отклонение» в порядке слов в сложном предложении (и в главной, и в придаточной частях).

Раздел портала проекта «Variantengrammatik des Standarddeutschen», посвященный порядку слов в некоторых типах придаточных предложений, называется «Verbzweitstellung nach *weil, obwohl, während, wobei*» — «Постановка глагола на второе место после *weil* ‘потому что’, *obwohl* ‘хотя’, *während* ‘пока’, *wobei* ‘при чем’».

В специальной литературе постановка финитной формы глагола на второе место в предложениях с союзом *weil* ‘потому что’ считается достоянием устной обиходно-разговорной коммуникации. Иногда высказывается предположение о том, что это особенность южно-немецких диалектов.

По данным проекта, такая структура встречается наиболее часто в Австрии (пример 5), реже — на юго-востоке (пример 6) и в центрально-западных областях Германии. Однако эта конструкция употребляется почти исключительно в прямых или косвенных цитатах, а также в записанных интервью, то есть в высказываниях, которые первоначально были устными и в письменной форме сохраняют особенности обиходно-разговорной речи.

(5) *Natürlich geht es nicht darum, den Schmerz aufzugeben, weil Schmerz ist auch eine Form des Kontaktes zum Verstorbenen.* [«Конечно, дело не в том, чтобы отказаться от боли, потому что боль — это еще и форма контакта с умершим».] (Der Standard 22.04.2013; цит. по: Verbzweitstellung nach *weil, obwohl, während, wobei*. Varianten Grammatik 2020).

(6) *Bei der Tiefgarage unter dem Residenzplatz habe es doch auch geklappt, sagte er, weil das müsste jetzt schon auch einmal gesagt werden.* [«По его словам, с подземной автостоянкой под Площадью резиденции это тоже сработало, потому что об этом сейчас также должно быть сказано».] (Nürnberger Nachrichten 07.03.2012; цит. по: Verbzweitstellung nach *weil, obwohl, während, wobei*. Varianten Grammatik 2020).

Постановка глагола на второе место в придаточном предложении после союза *obwohl* ‘хотя’ встречается в определенных контекстах во всех немецкоязычных странах, особенно в Австрии (на западе Австрии, однако, реже), в Швейцарии,

Бельгии, в центре и на северо-востоке Германии, но лишь при условии, что союз *obwohl* отделен от последующей части предложения запятой (пример 7), тире или точкой (пример 8). При этом также изменяется и значение, т. е. обе позиции глагола не являются произвольно взаимозаменяемыми: *obwohl* в качестве вводного уступительного союза ограничивает высказывание главного предложения таким образом, что только в этом случае задуманное целое высказывание становится завершенным.

(7) *Der Nachttisch ist dem Studenten hörbar gelungen. Obwohl, gelungen ist das falsche Wort.* [«Десерт студенту явно удался. Хотя удался — неверное слово».] (Thüringer Allgemeine 22.04.2013; цит. по: Verbzweitstellung nach *weil, obwohl, während, wobei*. Varianten Grammatik 2020).

(8) *Das spare ich mir für das neue Programm auf. Obwohl. Man weiß es nicht. Ich probiere viel spontan aus.* [«Я сохранию это для новой программы. Хотя. Неизвестно. Я многое пробую спонтанно».] (Rheinische Post 16.04.2010; цит. по: Verbzweitstellung nach *weil, obwohl, während, wobei*. Varianten Grammatik 2020).

Примеры данного порядка слов в придаточном предложении можно квалифицировать как проявление относительной синтаксической вариативности третьего типа.

Германо-швейцарские синтаксические варианты

Проект предоставляет достаточно широкий спектр вариантов синтаксических конструкций в разных региональных и национальных письменных языковых стандартах, однако наиболее ярко такая вариативность проявляется в немецком языке Швейцарии.

Между Швейцарией и другими регионами немецкоязычного ареала обнаруживаются существенные расхождения в отношении заполнения первого места в предложении.

Характерным для Швейцарии является синтаксический вариант, при котором предполье (место перед сказуемым) перед глаголом *hinzu-kommen* (‘добавляться’) остается незаполненным, и финитная часть глагола стоит на первом месте:

(9) *Kommt hinzu, dass die ausgebildete Krankenschwester auf eine Erwerbstätigkeit verzichtet.* [«К этому надо добавить, что обученная медсестра отказывается от работы».] (Aargauer Zeitung 20.04.2012; цит. по *Hinzu kommt, dass / Kommt hinzu, dass*. Varianten Grammatik 2020)

(10) *Kommt hinzu, dass sich einige Abdeckungen lösen und die Geräte erneuert gehören.* [«К этому

надо добавить, что некоторые крышки отрываются и устройства следует заменять».] (St. Galler Tagblatt 13.03.2013; цит. по: Hinzu kommt, dass / Kommt hinzu, dass. Varianten Grammatik 2020).

Такая особенность обнаруживается, по данным проекта, в 43% примеров из швейцарских региональных газет, однако есть также отдельные примеры из австрийских и баварских газет (примеры 11, 12), что позволяет отнести данный синтаксический вариант ко второму типу носительных вариантов.

(11) *Kommt hinzu, dass seit dem Sparpaket auch Zinshäuser von der Vermögenszuwachssteuer betroffen sind.* [«К этому надо добавить, что после введения пакета мер жесткой экономии многоквартирные дома также пострадали от налога на прирост активов».] (Der Standard 23.05.2012; цит. по: Hinzu kommt, dass / Kommt hinzu, dass. Varianten Grammatik 2020).

(12) *Kommt hinzu, dass sich der Anlagentyp nicht recht etablieren konnte am Markt.* [«К этому надо добавить, что оборудование этого типа не смогло утвердиться на рынке».] (Nürnberger Nachrichten; цит. по: Hinzu kommt, dass / Kommt hinzu, dass. Varianten Grammatik 2020).

Предполье предложения может быть занято только наречием *bereits*, что было выявлено в 69% примеров из швейцарских региональных газет. Эта особенность характерна только для Швейцарии (пример 13) и отчасти для граничащего с ней Лихтенштейна (пример 14). На этом основании данный синтаксический вариант можно отнести к первому типу относительной вариативности:

(13) *Bereits seien dort auch erste Patienten notfallmässig aufgenommen und behandelt worden.* [«Первые пациенты там уже экстренно приняты и вылечены».] (Basellandschaftliche Zeitung; цит. по: Bereits. Varianten Grammatik 2019).

(14) *Bereits haben sich aber auch besorgte Anwohner formiert, die wegen der Umnutzung des Areals mehr Verkehr und eine höhere Lärmbelastung befürchten.* [«Уже сформировались обеспокоенные жители, которые опасаются увеличения трафика и повышения уровня шумового загрязнения из-за изменения в использовании территории».] (Liechtensteiner Vaterland; цит. по: Bereits. Varianten Grammatik 2019).

При этом наречие *bereits* в предполье может относиться как ко всему следующему за ним (пример 15), так и к одному из его членов (пример 16).

(15) *Bereits existieren Entwürfe für die geplanten Bauten.* [«Уже есть проекты планируемых

построек».] (Aargauer Zeitung 28.11.2010; цит. по: Bereits. Varianten Grammatik 2019).

(16) *Bereits seien 15 Gesuche eingegangen, zwölf für Photovoltaik-Anlagen und drei für Sonnenkollektoren.* [«Уже подано 15 заявок, двенадцать — на фотоэлектрические системы и три — на солнечные коллекторы».] (St. Galler Tagblatt 01.05.2012; цит. по: Bereits. Varianten Grammatik 2019).

Еще одной германо-швейцарской особенностью можно считать постановку финитного глагола на первое место (в инициальную позицию) в субъектных и объектных придаточных предложениях (см. раздел проекта «Verberststellung in Subjekt- und Objektsätzen»).

Если главное предложение предшествует субъектному или объектному предложению, то в Швейцарии может быть опущен союз *dass*, финитный глагол стоит на первом месте и предполье остается незанятым. Это, однако, возможно только в том случае, если главное предложение выражает оценку, т. е. если в качестве именной части сказуемого используются оценочные наречия или прилагательные, такие как *gut* 'хорошо', *schön* 'прекрасно', *toll* 'отлично', *schade* 'жаль':

(17) *Es ist schade, unterstützt ein Kinoprofi solche DVD-Vorführungen.* [«Жаль, что профессионал кино поддерживает такие просмотры DVD».] (Berner Zeitung 20.03.2012; цит. по: Verberststellung in Subjekt- und Objektsätzen. Varianten Grammatik 2020).

(18) *Sie ist froh, kann sie das «Helvetia» weiterführen.* [«Она рада, что сможет продолжить работу с «Тельвеецией»».] (Aargauer Zeitung 16.04.2011; цит. по: Verberststellung in Subjekt- und Objektsätzen. Varianten Grammatik 2020).

В таких конструкциях возможно также сокращение главного предложения до одного предикатива:

(19) *Gut, gibt es da den Hochsee-Captain Ruedi.* [«Хорошо, что есть капитан океана Рuedи».] (Neue Luzerner Zeitung 07.02.2013; цит. по: Verberststellung in Subjekt- und Objektsätzen. Varianten Grammatik 2020).

(20) *Schade, haben wir erneut verloren.* [«Жаль, что мы снова проиграли».] (St. Galler Tagblatt; цит. по: Verberststellung in Subjekt- und Objektsätzen. Varianten Grammatik 2020).

Такой порядок слов составляет конкуренцию нормативной структуре немецкого предложения, в соответствии с которой субъектные и объектные придаточные предложения вводятся союзом или союзным словом и финитный глагол занимает конечную позицию.

Данный феномен широко распространен в Швейцарии на уровне диалекта (см. статью А. Летчера под названием «Guet, sind Si doo»; Lötscher 1997), и в газетных текстах на стандартном немецком языке его можно рассматривать как результат диалектной интерференции. В швейцарской региональной прессе он, по данным проекта, обнаруживает абсолютную (100%) распространенность и может быть отнесен к специфическим германо-швейцарским вариантам.

Анализ материалов корпуса проекта показывает, что Швейцария и в отношении синтаксической вариативности занимает особенное положение, обнаруживая не только относительные варианты, но и явления, которые с полным правом можно отнести к абсолютным вариантам.

Заключение

В статье 2014 г. в журнале «Sprachspiegel» участница проекта «Variantengrammatik des Deutschen» Беттина Рименсбергер (Bettina Rimensberger), представляя его первые результаты и описывая среди прочих явлений придаточные предложения с глаголом в инициальной позиции после *Gut/Schön/Toll/Schade*, отмечала, что такая конструкция встречается исключительно в швейцарских газетах и может выйти на уровень узуального стандарта. На сегодняшний день, по итогам нескольких лет работы над проектом, можно сделать вывод о том, что данный синтаксический вариант, обладающий в Швейцарии абсолютной употребительностью, уже вошел в письменный стандарт швейцарских газет. Такое развитие является, по мнению исследовательницы, свидетельством не «языкового распада» («Sprachzerfall»), а, напротив, дальнейшего обогащения немецкого языкового стандарта. В этой связи она заявила: «*Gut, gibt's*

grammatische Variation!» («Хорошо, что есть грамматическая вариативность!») (Rimensberger 2014, 109). Слова молодого швейцарского лингвиста перекликаются с высказыванием, завершающим работу В. Г. Адмони «Пути развития грамматического строя в немецком языке»: «<...> развитие языкового строя идет ко все большему его обогащению, максимальному использованию его ресурсов различнейшего рода, а не к вытеснению одних форм другими и связанной с этим коренной перестройке, что означало бы обеднение языка» (Адмони 1973, 171).

Вопрос о включении грамматических вариантов в так называемый узуальный стандарт определенных ареалов немецкоязычного региона еще требует своего решения, так же как и вопрос о стандартизации многочисленных разновидностей немецкого языка. Однако уже сейчас можно отметить, что многие региональные грамматические варианты употребляются в соответствующих ареалах с высокой степенью регулярности. В целом анализ выявленных на основе корпусных данных фактов грамматической (синтаксической) вариативности дает основания для выводов об их соответствии основным закономерностям и строю немецкого языка, т. е. о вариативности в пределах системы немецкого синтаксиса, а также о корреляции их территориального распределения и традиционного диалектного членения.

Изучение грамматической вариативности в диатопическом измерении позволяет по-новому рассмотреть и интерпретировать фундаментальные вопросы, связанные с соотношением языковой системы, нормы и узуса, а также с соотношением языкового стандарта и региональных вариантов, и на конкретном материале проследить взаимодействие стандартизации и дифференциации как противоборствующих тенденций развития немецкого языка.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Адмони, В. Г. (1973) *Пути развития грамматического строя в немецком языке*. М.: Высшая школа, 175 с.
- Жукова, Н. С. (2006) Категориальные значения и проблема грамматической синонимии (на материале современного немецкого языка). *Вестник Томского государственного университета*, № 291, с. 165–169.
- Копчук, А. Б. (2007) К вопросу о соотношении регионов с национальными вариантами немецкого языка. В кн.: Н. С. Бабенко, А. В. Белобратов (ред.). *Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов*. Т. 3. М.: Языки славянской культуры, с. 319–328.

- Копчук, Л. Б. (2017) Грамматические варианты и аспекты грамматической вариативности в немецком языковом стандарте. В кн.: Л. Б. Копчук (ред.). *Грамматика в научно-исследовательском контексте современной лингвистики: Материалы научных чтений памяти проф. Л. В. Шишковой*. СПб.: Свое издательство, с. 76–86.
- Ammon, U. (1995) *Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten*. Berlin: De Gruyter Verlag, 575 p.
- Dürscheid, Ch., Elspaß, St., Ziegler, A. (2015) Variantengrammatik des Standarddeutschen. Konzeption, methodische Fragen, Fallanalysen. In: A. N. Lenz, M. M. Glauninger (eds.). *Standarddeutsch im 21. Jahrhundert — theoretische und empirische Ansätze mit einem Fokus auf Österreich*. Göttingen: V&R Unipress Verlag, pp. 207–235“K“ I“.
- Elspaß, St., Dürscheid, Chr., Ziegler, A. (2017) Zur grammatischen Pluriarealität der deutschen Gebrauchsstandards — oder: Über die Grenzen des Plurizentritätsbegriffs. In: H. Sieburg, H.-J. Solms (eds.). *Zeitschrift für deutsche Philologie. Thematisches Sonderheft: “Das Deutsche als plurizentrische Sprache. Ansprüche — Ergebnisse — Perspektiven”*. Berlin: Erich Schmidt Verlag, pp. 69–91.
- Hennig, M. (2017) Grammatik und Variation im Spannungsfeld von Sprachwissenschaft und öffentlicher Sprachreflexion. In: M. Konopka, A. Wöllstein (eds.). *Grammatische Variation. Empirische Zugänge und theoretische Modellierung*. Berlin: De Gruyter Verlag, pp. 23–47. <https://doi.org/10.1515/9783110518214-004>
- Konopka, M., Wöllstein, A. (eds.). (2017) *Grammatische Variation. Empirische Zugänge und theoretische Modellierung*. Berlin: De Gruyter Verlag, 356 p.
- Konopka, M., Wöllstein, A., Felder, E. (eds.). (2020) *Bausteine einer Korpusgrammatik des Deutschen. Vol. 1*. Heidelberg: Heidelberg University Verlag, 160 p. <https://doi.org/10.17885/heiup.bkgd.2020.1>
- Lötscher, A. (1997) “Guete, sind Si doo. Verbstellungsprobleme bei Ergänzungssätzen im Schweizerdeutschen”. In: A. Ruoff, P. Löffelad, (eds.). *Syntax und Stilistik der Alltagssprache. Beiträge der 12. Arbeitstagung zur alemannischen Dialektologie*. Tübingen: Niemeyer Verlag, pp. 85–95.
- Rimensberger, B. (2014) Das Projekt Variantengrammatik des Standarddeutschen. Erste Forschungsergebnisse anhand deutschsprachiger Zeitungen. *Sprachspiegel*, vol. 70, no. 4, pp. 102–109. <https://doi.org/10.5169/seals-422106>

Dictionaries and reference literature

- Ammon, U., Bickel, H., Ebner, J. et al. (2004) *Variante Wörterbuch des Deutschen. Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol [Variant dictionary of German. The standard language in Austria, Switzerland and Germany as well as in Liechtenstein, Luxembourg, East Belgium and South Tyrol]*. Berlin: De Gruyter Verlag, 954 p. (In German)

Sources

- Variantengrammatik des Standarddeutschen [Variant grammar of Standard German]*. (2018) [Online] Available at: <http://www.variantengrammatik.net/projekt.html> (accessed 26.07.2021). (In German)
- Ausklammerung [Elimination]. (2020) *Variante Grammatik [Variant grammar]*. [Online] Available at: <http://mediawiki.ids-mannheim.de/VarGra/index.php/Ausklammerung> (accessed 26.07.2021). (In German)
- Bereits [Already]. (2019) *Variante Grammatik [Variant grammar]*. [Online]. Available at: <http://mediawiki.ids-mannheim.de/VarGra/index.php/Bereits> (accessed 26.07.2021). (In German)
- Hinzu kommt, dass / Kommt hinzu, dass [In addition to that]. (2020) *Variante Grammatik [Variant grammar]*. [Online] Available at: [http://mediawiki.ids-mannheim.de/VarGra/index.php/Hinzu kommt, dass / Kommt hinzu, dass](http://mediawiki.ids-mannheim.de/VarGra/index.php/Hinzu_kommt_dass_Kommt_hinzu_dass) (accessed 26.07.2021). (In German)
- Verberststellung in Subjekt- und Objektsätzen [Subject and object clauses]. (2020) *Variante Grammatik [Variant grammar]*. [Online] Available at: [http://mediawiki.ids-mannheim.de/VarGra/index.php/Verberststellung in Subjekt- und Objektsätzen](http://mediawiki.ids-mannheim.de/VarGra/index.php/Verberststellung_in_Subjekt-_und_Objektsaetzen) (accessed 26.07.2021). (In German)
- Verbzweitstellung nach weil, obwohl, während, wobei [Second verb after because, while, while]. (2020) *Variante Grammatik [Variant grammar]*. [Online] Available at: [http://mediawiki.ids-mannheim.de/VarGra/index.php/Verbzweitstellung nach weil, obwohl, während, wobei](http://mediawiki.ids-mannheim.de/VarGra/index.php/Verbzweitstellung_nach_weil_obwohl_waehrend_wobei) (accessed 26.07.2021) (In German)

References

- Admoni, V. G. (1973) *Puti razvitiya grammaticheskogo stroya v nemetskom yazyke [Development paths of the grammatical structure in the German language]*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 175 p. (In Russian)
- Ammon, U. (1995) *Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz. Das Problem der nationalen Varietäten [The German language in Germany, Austria and Switzerland: The problem of national varieties]*. Berlin: De Gruyter Verlag, 575 p. (In German)
- Dürscheid, Ch., Elspaß, St., Ziegler, A. (2015) Variantengrammatik des Standarddeutschen. Konzeption, methodische Fragen, Fallanalysen [Variant grammar of standard German. Conception, methodological questions, case analyzes]. In: A. N. Lenz, M. M. Glauninger, (eds.). *Standarddeutsch im 21. Jahrhundert — theoretische*

- und empirische Ansätze mit einem Fokus auf Österreich. [Standard German in the 21st Century—theoretical and empirical approaches with a focus on Austria]. Göttingen: V&R Unipress Verlag, pp. 207–235. (In German)
- Elspaß, St., Dürscheid, Chr., Ziegler, A. (2017) Zur grammatischen Pluriarealität der deutschen Gebrauchsstandards — oder: Über die Grenzen des Plurizentritätsbegriffs [On the grammatical pluriareality of the German usage standards — or: On the limits of the pluricentricity concept]. In: H. Sieburg, H.-J. Solms (eds.). *Zeitschrift für deutsche Philologie. Thematisches Sonderheft: “Das Deutsche als plurizentrische Sprache. Ansprüche — Ergebnisse — Perspektiven”* [Journal for German Philology. Thematic special: “German as a pluricentric language. Claims—Results—Perspectives”]. Berlin: Erich Schmidt Verlag, pp. 69–91. (In German)
- Hennig, M. (2017) Grammatik und Variation im Spannungsfeld von Sprachwissenschaft und öffentlicher Sprachreflexion [Grammar and variation in the field of tension between linguistics and public linguistic reflection]. In: M. Konopka, A. Wöllstein, (eds.). *Grammatische Variation. Empirische Zugänge und theoretische Modellierung* [Grammatical variation. Empirical approaches and theoretical modeling. (Yearbook of the Institute for the German Language 2016)]. Berlin: De Gruyter Verlag, pp. 23–47. <https://doi.org/10.1515/9783110518214-004> (In German)
- Konopka, M., Wöllstein, A. (eds.). (2017) *Grammatische Variation. Empirische Zugänge und theoretische Modellierung* [Grammatical variation. Empirical approaches and theoretical modeling. (Yearbook of the Institute for the German Language 2016)]. Berlin: De Gruyter Verlag, 356 p. (In German)
- Konopka, M., Wöllstein, A., Felder, E. (eds.). (2020) *Bausteine einer Korpusgrammatik des Deutschen* [Building blocks of a corpus grammar of German]. Vol. 1. Heidelberg: Heidelberg University Verlag, 160 p. <https://doi.org/10.17885/heiup.bkgd.2020.1> (In German)
- Kopchuk, L. B. (2007) K voprosu o sootnoshenii regionov s natsional'nymi variantami nemetskogo yazyka [To the question of the correlation of regions with national variants of the German language]. In: N. S. Babenko, A. V. Belobratov (ed.). *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossijskogo soyuza germanistov* [Russian German Studies: Yearbook of the Russian Union of Germanists]. Vol. 3. Moscow: Languages of Slavic Culture Publ., pp. 319–328. (In Russian)
- Kopchuk, L. B. (2017) Grammaticheskiye varianty i aspekty grammaticheskoy variativnosti v nemetskom yazykovom standarte [Grammatical variants and aspects of grammatical variation in the German language standard]. In: L. B. Kopchuk (ed.). *Grammatika v nauchno-issledovatel'skom kontekste sovremennoj lingvistiki: Materialy nauchnykh chtenij pamyati professora L. V. Shishkovoy* [Grammar in the scientific research context of modern linguistics: Materials of scientific readings in memory of professor L. V. Shishkova]. Saint Petersburg: Svoye izdatel'stvo Publ., pp. 76–86. (In Russian)
- Lötscher, A. (1997) “Guet, sind Si doo. Verbstellungsprobleme bei Ergänzungssätzen im Schweizerdeutschen” [“Guet, sind Si doo”. Verb placement problems with supplementary sentences in Swiss German]. In: Ruoff, A., Löffelad, P. (eds.). *Syntax und Stilistik der Alltagssprache. Beiträge der 12. Arbeitstagung zur alemannischen Dialektologie* [Syntax and stylistics of everyday language. Contributions of the 12th workshop on Alemannic dialectology]. Tübingen: Niemeyer Verlag, pp. 85–95. (In German)
- Rimensberger, B. (2014) Das Projekt Variantengrammatik des Standarddeutschen. Erste Forschungsergebnisse anhand deutschsprachiger Zeitungen [The project variant grammar of standard German. First research results based on German-language newspapers]. *Sprachspiegel*, vol. 70, no. 4, pp. 102–109. <https://doi.org/10.5169/seals-422106> (In German)
- Zhukova, N. S. (2006) Kategorial'nyye znacheniya i problema grammaticheskoy sinonimii (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka) [Categorial values and the problem of grammatical synonymy (on the base of German)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, no 291, pp. 165–169. (In Russian)



Check for updates

Обзоры, рецензии, персоналии

УДК 82'94, 347.78.034

<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-64-74>

Где настоящий Гальдер? (Неточности в переводе «Военного дневника» начальника генерального штаба сухопутных войск Германии)

Ю. М. Лебедев ^{✉1}

¹Независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия

Сведения об авторе

Юрий Михайлович Лебедев,
e-mail: jurmil@rambler.ru

Для цитирования:

Лебедев, Ю. М. (2022) Где настоящий Гальдер? (Неточности в переводе «Военного дневника» начальника генерального штаба сухопутных войск Германии). *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 4, № 1, с. 64–74. <https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-64-74>

Получена 27 февраля 2022;
принята 9 марта 2022.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Ю. М. Лебедев (2022). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Статья военного историка и переводчика, члена Союза писателей РФ Юрия Михайловича Лебедева позволяет читателю увидеть работу переводчика глазами переводчика. Автор обращает внимание на важность основательного историко-лингвистического анализа, который должен предшествовать переводу, прежде всего при выборе лексических соответствий, особенно в тех случаях, когда искомое слово оказывает давление не только на контекст, но и на смысл текста в целом. В качестве материала исследования автору послужили фрагменты из третьего тома «Военного дневника» начальника генерального штаба сухопутных войск Германии с 1938 по 1942 г. Франца Гальдера и их перевод на английский язык, сделанный в США в конце 40-х годов XX столетия, и перевод на русский язык, сделанный в СССР в конце 60-х годов прошлого столетия. Автор выбирает для сравнительного анализа те фрагменты текста оригинала, которые содержат информацию о планах Вермахта в отношении судьбы Ленинграда. История блокады и героической защиты Ленинграда до сих пор является предметом ожесточенных дискуссий. Важнейшим аргументом в таких дискуссиях являются исторические документы, к которым в том числе относится и дневник Гальдера, содержащий огромный фактический материал о планах и действиях Вермахта в 1939–1942 гг. Достоверность иноязычных источников во многом зависит от минимизации неточностей в их переводах. Автор проводит сравнительный анализ существующих переводов, подвергает их верификации с помощью скрупулезного семантического и исторического разбора и предлагает свои решения. Прделанная автором работа наглядно показывает, как переводческий выбор влияет на ракурс изложения исторических фактов. Статья выполнена по материалам книги Ю. М. Лебедева «Ленинградский ‘Блицкриг’» (Лебедев 2011).

Ключевые слова: военный перевод, исторический документ, «Военные дневники» Ф. Гальдера, предпереводческий анализ текста, проблема идентичности перевода

Where is the real Halder? (Inaccuracies in the translation of the “War Diary” of the chief of staff of the German army general staff)

Yu. M. Lebedev¹

¹Independent researcher, Saint-Petersburg, Russia

Author

Yury M. Lebedev,
e-mail: jurmil@rambler.ru

For citation:

Lebedev, Yu. M. (2022) Where is the real Halder? (Inaccuracies in the translation of the “War Diary” of the chief of staff of the German army general staff). *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 4, no. 1, pp. 64–74. <https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-1-64-74>

Received 27 February 2022; accepted 9 March 2022.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © Yu. M. Lebedev (2022). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The article by Yury Mikhailovich Lebedev, military historian and translator, member of Writers Union of Russian Federation allows the reader to see the work of a translator through the eyes of a translator. The author draws attention to the importance of thorough historical and linguistic analysis, which must precede the translation, especially in the choice of lexical correspondences, especially in cases where the desired word affects not only the context, but also the meaning of the text as a whole. The author researches are based on fragments from the third volume of the “War Diary”, 1938–1942. These are the English translations (USA, late 1940s) and the Russian translations (USSR, late 1960s). The author chooses for the comparative analysis those fragments of the original text, which contain information about the Wehrmacht’s plans concerning the fate of Leningrad. The history of the blockade and the heroic defense of Leningrad is still the subject of fierce debate. An important argument in such discussions are historical documents, including Halder’s diary, which contains a huge amount of factual material about the plans and actions of the Wehrmacht in 1939–1942. The reliability of foreign-language sources depends to a large extent on minimizing inaccuracies in their translations. The author conducts a comparative analysis of existing translations, subjecting them to verification by means of scrupulous semantic and historical parsing, and proposes his own solutions. The author’s work clearly demonstrates how translation choices affect the perspective of historical facts. The article is based on the materials of the book by Yu. M. Lebedev “Leningrad ‘Blitzkrieg’” (Lebedev 2011).

Keywords: military translation, historical document, F. Halder’s War Diaries, pre-translational analysis of text, problem of translation identity

В романе Д. Гранина «Вечера с Петром Великим» есть примечательная глава «Переводить полностью» (Гранин 2000, 90). В ней российский государь учит своего переводчика, монаха Гавриила Бужинского, тому, что нельзя при переводе опускать места, которые могут не понравиться. Петр I имел в виду книгу знаменитого немецкого ученого Пуффендорфа «Введение в историю европейскую», где давалась нелицеприятная характеристика российским нравам XVIII в. Получив разнос от государя, монах затем переводил другие книги дословно, ничего не опуская. Как пишет Гранин, полный текст был нужен Петру не для поношения своих подданных, наоборот, надо всегда знать, что думают о русских в других странах, такое знание полезно для исправления нравов (Гранин 2000, 91).

Мне вспомнилось это описание, когда я начал работать в историческом плане над статьей о «Военном дневнике» Франца Гальдера, одного из самых известных летописцев Второй

мировой войны (Лебедев 2011). Будучи начальником Генштаба сухопутных войск Германии, генерал-полковник Гальдер ежедневно фиксировал обстановку на Восточном фронте в своем служебном дневнике. Имелись там записи и личного характера, в том числе и нелицеприятная критика самого Гитлера. Никто, кроме Гальдера, доступа к дневнику не имел. В 1944 г. генерал-полковник, узнав о неудачном покушении на Гитлера, спрятал тетради с записями у одной из своих родственниц. После окончания войны он передал их американцам, надеясь таким образом избежать заслуженного возмездия. Расчет оказался верным. Ценность записей Гальдера перевесила для западных союзников его вину как нацистского преступника. Представители американской разведки предоставили ему возможность доработать материал и предложили выступить летописцем Второй мировой войны.

По свидетельству видного исследователя военно-политических проблем, д-ра ист. наук, проф. В. Дашичева, записи Гальдера были

переданы в исторический отдел армии США в Европе, где их перевели на английский язык. В 1947 г. дневник Гальдера «был размножен на ротаторе на немецком и английском языках и разослан во многие военные инстанции союзников» (Дашичев 1967, 22). Так он оказался в Москве. Вполне возможно, что информация о дневнике была доведена до Сталина как Верховного главнокомандующего. Доступ к дневнику долгое время был строго ограничен. В 1959 г. переведенные с немецкого на русский язык выдержки из записей Гальдера начали публиковаться в открытой печати во 2-м, 7-м и 10-м номерах «Военно-исторического журнала». Они были представлены как «Служебный дневник Гальдера» (Гальдер 1959а; 1959b; 1959с). В частном письме мне В. И. Дашичев так вспоминает об этом: «Насколько я помню, я работал с машинописным текстом дневника Гальдера, отпечатанном на немецком языке, который хранился в архиве Военно-научного управления Генштаба. Он был переведен и передан для публикации в “Воениздат”. Что касается английского текста, то тогда мы не знали о его существовании» (Дашичев 2014).

В то время ни у кого не возникала мысль о проверке качества перевода, но даже если бы такое намерение появилось, осуществить его было невозможно. Три тома «Военного дневника» Гальдера на немецком языке представили общественности Западной Германии лишь в 60-е гг. XX века. Том 3, посвященный войне против СССР, издали в Штутгарте в 1964 г. под редакцией и с комментариями известного немецкого военного историка Г. Якобсона. В подготовке дневника к изданию принимал участие и сам Гальдер (Halder 1964).

Сомнения в идентичности перевода «Военного дневника» Гальдера начали одолевать меня после того, как я достаточно глубоко вошел в тему обороны Ленинграда, изучая иностранные источники в оригинале. Постепенно укреплялось мнение, что представители немецкого военного командования по мере приближения группы армий «Север» к Ленинграду все сильнее расходились в оценках предстоящей судьбы города. В итоге у меня созрело решение внимательно изучить записи в 3-м томе дневника Гальдера. Он охватывает период 22.06.1941 — 24.09.1942 гг. и носит название «От начала военного похода на Россию до марша к Сталинграду». В 1967 г. отрывки из дневника Гальдера были перепечатаны московским издательством «Наука» в книге В. Дашичева «Совершенно секретно! Только для командования!» (Дашичев 1967). В 1971 г. 3-й том Гальдера впервые в пол-

ном объеме вышел на русском языке в «Воениздате» в переводе И. Глаголева (Гальдер 1971). После этого дневник Гальдера неоднократно переиздавался; в 2010 г. тот же самый текст перепечатало издательство «Астрель» (Гальдер 2010).

Какое же наиболее существенное искажение я обнаружил в 3-м томе «Военного дневника» Гальдера применительно к боям за Ленинград? Это стало понятно после того, как удалось достать единственный в Санкт-Петербурге немецкий экземпляр этого дневника, который хранится в Библиотеке Академии наук. Долгое время доступ к нему был ограничен, на его изучение в советское время требовалось особое разрешение. Изучая оригинальный текст дневниковых записей Гальдера, я пришел к выводу, что переводчик своевольно обошелся со словом *Erledigung*. Он был твердо уверен, что под этим термином понимался *захват*, т. е. «решение вопроса силовым способом». На самом деле у Гальдера в оригинале дневника такая мысль отсутствовала.

Слово *Erledigung* многозначное. Оно означает «выполнение», «исполнение», «окончание», «улаживание», «устранение». Его перевод зависит от правильного понимания контекста и ситуации. Видимо, переводчик ориентировался в первую очередь не на отглагольное существительное *Erledigung*, а на сам глагол *erledigen*, который в разговорном варианте означает «убить, прикончить (кого-л.), покончить (с кем-л.)» (Москальская 1997, 435). Основная мысль Гальдера состояла в том, что «необходимо завершить некий процесс». Начальник немецкого Генштаба сухопутных войск под *Erledigung* имел в виду, что с Ленинградом нужно, действительно, покончить, но не с помощью кровопролитного штурма, а принуждением его к капитуляции. В этом заключался смысл решения вопроса. Задача состояла в том, чтобы блокировать многомиллионный город, подвергнуть его голоду и заставить в итоге добровольно сдаться. Переводчику корректнее было бы поставить в тексте слово «овладение» вместо «захвата». Захват — это всегда решение вопроса силой, овладение подразумевает несколько способов, одним из которых может быть расчет на то, что противник под влиянием неблагоприятных для него факторов капитулирует, выбросив белый флаг. Именно этот способ стал для Гальдера основным.

Начальник немецкого генерального штаба сухопутных войск специально не раскрывал до поры до времени свои мысли, зная, что у Гитлера были планы именно по силовому захвату и последующему уничтожению Ленинграда.

Ни того, ни другого Гальдер не желал. В первом случае из-за того, что потребовалось бы задействовать дополнительные силы и средства, которые нужны были на другом стратегическом направлении, а именно под Москвой. А во втором случае он прекрасно понимал, что войскам в случае занятия города необходимо было в нем располагаться, тем более в преддверии зимы. В разрушенном штурмом городе это сделать было бы сложно. Его задачей стало убедить Гитлера отказаться от штурма Ленинграда, чего он вскоре и добился. После этого ему уже не требовалось скрывать свои мысли относительно судьбы Ленинграда. Оружием в отношении защитников города он избрал голод.

В СССР применительно к военной судьбе Ленинграда исторически доминировал образ города-героя. Вероятнее всего, такое представление оказало воздействие и на коллектив Военно-научного управления Генерального штаба, работавший с дневником Гальдера: переводчика, редактора и цензора. Оно и повлияло на выбор слова «захват», так как еще больше подчеркивало стойкость защитников города.

Изучая 3-й том «Военного дневника» Гальдера, я все больше укреплялся во мнении, что в интересах издания достоверного «Военного дневника» Гальдера требуется провести не только историческое, но и отдельное лингвистическое исследование. Необходимо было определиться, как и почему произошли смысловые искажения? Для анализа был взят период 02.07 — 13.08.1941 г. применительно к действиям немецкой группы армий «Север», наступавшей на Ленинград. Именно в это время военно-политическим руководством нацистской Германии решался вопрос о судьбе Ленинграда: следует ли его захватить, либо, сохраняя силы, ограничиться блокированием в ожидании его капитуляции. Результат известен: город не сдался врагу.

В процессе доработки этой статьи у меня возникла мысль изучить англоязычную версию дневника Гальдера, применительно к действиям немецкой группы армий «Север» в указанный выше период. Ее удалось найти в Интернете на сайте *Милитера. Военная литература*. Как пишет автор сайта О. Рубецкий, это сделанный в 1947 г. перевод с немецких повременных записей Гальдера, размноженный на ротаторе историческим отделом армии США в Европе. Он включает девять томов вместе с приложениями и картами.

Мне показалось интересным определить, где совпадали немецкий и английский тексты между собой и с русской версией и где были

наиболее существенные смысловые отличия. Выяснилось, что такие моменты действительно имеют место. Так, 11 июля Гальдер делает запись о взятии города Дорпат (Тарту). Вот как звучит перевод с немецкого в издании «Астрель»: «Небольшой передовой отряд, предназначенный для занятия Дорпата (Тарту), был, к сожалению, отправлен слишком поздно. Дорпат горит. Жаль прекрасный **древний** город!» (Гальдер 2010, 108) [Здесь и далее слова или выражения, имеющие смысловую окраску, выделяются нами жирным шрифтом. — Ю. Л.].

Немецкое издание «Военного дневника» Гальдера:

Dorpat auf das man leider erst sehr spät eine schwache Vorausabteilung entsandt hat, steht in Flammen (von den Russen angezündet): schade um die schöne deutsche Stadt! (Halder 1964, 66).

Американское издание «Военного дневника» Гальдера:

*Dorpat, for which, alas, only a weak Advance Combat Team was detached (and that too late), is in flames. What a pity about that fine old **German** city!* (Halder 1947, vol. 6, 225).

Итак, в русском переводе отсутствуют слова, имеющие для Гальдера значение, когда он пишет о Дорпате: «**подожженный русскими**» и «**немецкий**». Слово «немецкий» заменено в русском переводе на слово «**древний**».

В англоязычном переводе, так же как и в русском, отсутствует словосочетание «**подожженный русскими**», но зато в отличие от русского варианта, где искусственно вставлено слово «**древний**» присутствует, так же как у самого Гальдера, слово «немецкий».

Корректный и полный вариант перевода, на мой взгляд, может выглядеть так: «Небольшой передовой отряд, предназначенный для занятия Дорпата (Тарту), был, к сожалению, отправлен слишком поздно. Дорпат горит (**подожженный русскими**). Жаль прекрасный **немецкий** город».

Исследование смысловых неточностей при переводе на русский и английский языки отрывков из «Военного дневника» Гальдера за период 02.07. — 13.08.1941 г. построено мною с учетом следующих позиций:

1. Русское издание: ссылка на источник и текст на русском языке. Выделено ключевое слово или выражение, искажившее смысл.
2. Немецкое издание: ссылка на источник и текст на немецком языке. Выделено ключевое слово или выражение.

3. Американское издание: ссылка на источник и текст на английском языке. Выделено ключевое слово или выражение, совпадающее по смыслу с немецким изданием или противоречащее ему.
4. Комментарий: лингвистический и исторический.
5. Вариант корректного перевода на русский язык, предлагаемый автором.

02.07.1941 г.

1. Русское издание «Военного дневника» Гальдера [далее — русское издание]:

*4-я танковая группа должна, выставив заслоны южнее и севернее Чудского озера, **окружить** Ленинград.* (Гальдер 2010, 101)

2. Немецкое издание «Военного дневника» Гальдера [далее — немецкое издание]:

*Panzergruppe 4 muss südlich und nördlich des Peipus-Sees absperren und Leningrad **umstellen**.* (Halder 1964, 36)

3. Американское издание «Военного дневника» Гальдера [далее — американское издание]:

*Armd. Gp. 4 must proceed to block the gaps south and north of Lake Peipus and **encircle** Leningrad.* (Halder 1947, vol. 6, 193).

4. Комментарий: Немецкий глагол *umstellen* переводится как «окружать, оцеплять». *Wild umstellen* — «обложить дичь» (Москальская 2004). Здесь можно говорить не об ошибке переводчика, а скорее о том, что он при работе с текстом не владел в полной степени информацией о том, как развивались боевые действия на территории СССР. Поэтому он не смог найти словарный эквивалент при передаче чувств, которые в данный момент сопровождали Гальдера. Начальник генштаба сухопутных войск как раз не случайно употребляет слово *umstellen*, поскольку его подгоняет азарт охотника, где Ленинград — как раз та самая дичь, на которую идет облава. Задача заключается в том, чтобы превратить город в огромный загон, который необходимо оцепить.

Американский специалист поступил аналогично русскому переводчику. Он употребил глагол *encircle*, который означает «окружать, охватывать, опоясывать».

5. Корректный вариант перевода:

*4-я танковая группа должна **оцепить** Ленинград, выставив заслоны южнее и севернее Чудского озера.*

03.07.1941 г.

1. Русское издание:

*<...> и только по получении нового приказа ОКХ она [4-я танковая группа. — Ю. Л.] должна продолжать наступление за линию озеро Ильмень, Псковское озеро на север с двоякой целью: закрыть проход между Финским заливом и Чудским озером и **отрезать** Ленинград в районе между Финским заливом и Ладожским озером.* (Гальдер 2010, 104)

2. Немецкое издание:

*<...> und erst auf Befehl OKH über die Linie Ilmensee-Pskowersee nach Norden vorzugehen mit dem doppelten Zweck, die Lücke zwischen dem Finnischen Meerbusen und dem Peipus-See zu sperren und Leningrad zwischen Finnischem Meerbusen und Ladoga-See **abzuschließen**.* (Halder 1964, 38)

3. Американское издание:

*<...> only on order of OKH. The latter advance will have the twofold aim of closing the gap "between the -Gulf of Finland and Lake Peipus, and of **cutting off** Leningrad between the Gulf of Finland and Lake Ladoga.* (Halder 1947, vol. 6, 196)

4. Комментарий:

Более правильный перевод глагола *abschließen* — «блокировать» (Парпаров 1978, 19). Также этот глагол можно перевести как «изолировать». Ни один немецко-русский словарь не дает как вариант перевода «отрезать». Интересно, что и русский, и американский переводчики тем не менее именно так трансформировали глагол *abschließen*. Скорее всего, это чистое совпадение. И все-таки данный момент взаимной русской и американской неточности требует уточнения, поскольку именно 3 июля Гальдер предсказал судьбу Ленинграду, употребив термин «блокировать».

5. Корректный вариант перевода:

*<...> и только по получении нового приказа ОКХ 4-я танковая группа должна продолжать наступление за линию озеро Ильмень, Псковское озеро на север с двоякой целью: закрыть проход между Финским заливом и Чудским озером и **блокировать** Ленинград в районе между Финским заливом и Ладожским озером.*

04.07.1941 г.

1. Русское издание:

В ходе продвижения наших армий все попытки сопротивления противника будут, очевидно,

быстро сломлены. Тогда перед нами вилотную встанет вопрос о **захвате** Ленинграда и Москвы. (Гальдер 2010, 110)

2. Немецкое издание:

*Mit dem Fortschreiten unserer Armeen wird der Versuch eines Widerstandes wahrscheinlich bald zusammenbrechen; dann wird die Frage der **Erledigung** Leningrads und Moskau an uns herantreten.* (Halder 1964, 41)

3. Американское издание.

*As our Armies advance, any attempt at further resistant; probably will soon collapse and we shall be confronted with the question of **reducing** Leningrad and Moscow.* (Halder 1947, vol. 6, 200)

4. Комментарий:

В этот день Гальдер впервые употребил термин *Erledigung*, завуалировав свою идею окружения Ленинграда словом, имеющим несколько значений, таких как: «решение вопроса», «улаживание дела», «исполнение», «выполнение задачи». Идея Гальдера состояла в том, чтобы заблокировать многомиллионный город, подвергнуть его лишениям, голоду и заставить в конечном итоге добровольно сдаться. Гальдер рассчитывал, что таким способом удастся уберечь немецкие войска от больших потерь и сохранить их боеспособность для выполнения задач на других участках Восточного фронта. Примечательно, что в последующем Гальдер либо употреблял размытое по своему значению слово *Erledigung*, либо конкретно говорил о необходимости блокирования города. Слово «захват» (*Einnahme, Ergreifung, Eroberung, in Besitz nehmen*) применительно к Ленинграду в его дневнике ни разу не прозвучало.

В английском варианте употреблено слово *Reducing*, что означает военный термин «покорение, овладение».

5. Корректный вариант перевода:

*В ходе продвижения наших армий все попытки сопротивления противника будут, очевидно, быстро сломлены. Тогда напрямую перед нами встанет вопрос о том, что нужно будет **покончить** с Ленинградом и Москвой.*

08.07.1941 г.

1. Русское издание:

*Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы **полностью избавиться от населения** этих городов, которое*

в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. (Гальдер 2010, 125)

2. Немецкое издание:

*Feststehender Entschluß des Führers ist es, Moskau und Leningrad dem Erdboden gleich zu machen, **um zu verhindern, dass Menschen darin bleiben**, die wir dann im Winter ernähren müssten.* (Halder 1964, 53)

3. Американское издание:

*It is the Fuehrer's firm decision to level Moscow and Leningrad, and **make them uninhabitable, so as to relieve us of the necessity** of having to feed **the populations** through the winter. The cities will be razed by Air Force. Tanks must not be used for the purpose.* (Halder 1947, vol. 6, 212)

4. Комментарий:

Вторую часть фразы следует перевести дословно, чтобы понять ее полный смысл. В данном случае она будет звучать так: «...чтобы помешать тому, чтобы люди в них оставались». Другими словами, это означает: «необходимо очистить города от населения». Для этого были два способа: 1) уничтожить население, как это подразумевалось авторами перевода; 2) изгнать людей из этих городов. Именно второй способ имел в виду Гальдер. Зная сегодня из немецких документов о предложениях по вывозу населения из Ленинграда в случае его добровольной сдачи (морским транспортом в Америку либо по коридору, устроенному между специальными заборами вдоль южного берега Ладожского озера в восточном направлении), можно предположить, что речь в данной фразе, скорее всего, идет о том, чтобы «изгнать людей из Ленинграда». А это имеет уже другое значение, нежели то, что заложено в опубликованном варианте перевода: «полностью избавиться от населения этих городов», то есть ликвидировать их.

В английском варианте слово *uninhabitable* означает «нежилой», «непригодный для жилья», а словосочетание «relieve us of the necessity» можно перевести как «освобождает нас от необходимости».

Таким образом, ни немецкий, ни английский варианты не подразумевали поголовное уничтожение населения, имелось в виду разрушение зданий, чтобы сделать их непригодными для жилья и нахождения в них населения.

5. Корректный вариант перевода:

*Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы **воспрепятствовать нахождению в них населения**, которое*

в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы.

08.07.1941 г.

1. Русское издание:

При этом подчеркнута необходимость **отрезать** территорию, примыкающую к Ленинграду с востока и юго-востока, сильным правым крылом танковой группы Гейнера. (Гальдер 2010, 126)

2. Немецкое издание:

Als neuer Gedanke kommt dabei die Betonung der Notwendigkeit, den Bereich um Leningrad im Südosten und Osten durch starken rechten Flügel der Gruppe Hoepfner abzusperrren. (Halder 1964, 53)

3. Американское издание:

*An added feature is the stressed importance on **cutting off** the Leningrad area from the southeast and east with the strong right wing of Hoepfner's Arm'd. Gp.* (Halder 1947, vol. 6, 212)

4. Комментарий:

У авторов в русской редакции перевода отсутствуют слова *als neuer Gedanke* — «в качестве новой идеи». Кроме того, слово *absperren* правильнее было бы перевести как «блокировать», «перекрывать» (Парпаров 1978, 23). Как и в случае с текстом от 03.07.1941 г., переводчик не вник в смысл предложения, написанного Гальдером.

В английской версии употреблено слово *cutting off*, что означает «отрезать». Здесь русская и английская версии совпадают.

5. Корректный вариант перевода:

*В качестве новой идеи подчеркнута необходимость **блокировать** территорию, примыкающую к Ленинграду с юго-востока и востока, сильным правым крылом танковой группы Гейнера.*

13.07.1941 г.

1. Русское издание:

На фронте группы армий «Север» решающей задачей является выход в район севернее озера Ильмень и Ладожским, **блокада Ленинграда с востока.** (Гальдер 2010, 153)

2. Немецкое издание:

*Bei Heeresgruppe Nord ist entscheidender Wert darauf zu legen, nördlich des Ilmensees durchzustossen und zwischen diesem See und dem Ladogasee **abzusperrren.*** (Halder 1964, 73)

3. Американское издание:

*AGp. North must see its foremost object in breaking through north of Lake Ilmen, **to close the gap** to Lake Ladoga, and south of Lake Ilmen.* (Halder 1947, vol. 6, 233)

4. Комментарий:

Выражение «**блокада Ленинграда с востока**» в немецком тексте отсутствует. Там задача конкретизирована: речь идет о блокировании территории между озером Ильмень и Ладожским озером. Переводчик явно допустил вольность при работе с военным текстом, требующим точности и конкретности. Немецкий и английский тексты в данном случае совпадают.

5. Корректный вариант перевода:

*На фронте группы армий «Север» решающей задачей является прорыв в район севернее озера Ильмень и **блокирование территории** между ним и Ладожским озером.*

21.07.1941 г.

1. Русское издание:

*Вопрос о **предстоящем захвате** Кронштадта и Ленинграда в ходе дальнейших операций. Командование группы армий «Север» должно представлять свои соображения на этот счет.* (Гальдер 2010, 191)

2. Немецкое издание:

*Gedanken **über spätere Erledigung** von Kronstadt und Leningrad. H.Gr. wird ihre Erwägungen hierher schicken.* (Halder 1964, 99)

3. Американское издание:

*Thoughts **on the eventual reduction** of Kronstadt and Leningrad. Army Gp. will let us know its ideas on the Subject.* (Halder 1947, vol. 6, 262)

4. Комментарий:

Вновь дан неправильный перевод при употреблении слова «захват». Как уже говорилось выше, *Erledigung* означает «выполнение», «исполнение», «окончание», «улаживание». В «Большом немецко-русском словаре по общей лексике» приводится пример употребления выражения *friedliche Erledigung (internationaler Streitfälle)* — дипл. «мирное разрешение (международных споров)» (Москальская 1997). Речь вновь идет не о захвате, а об окончательном решении вопроса применительно к Кронштадту и Ленинграду. Самым приемлемым вариантом для Гальдера был как

раз не захват, а добровольная сдача Ленинграда его защитниками, как это ранее произошло с Парижем и другими европейскими городами. В американском варианте употреблено слово *reduction* — «обжатие, покорение». Оно ближе по смыслу к немецкому варианту, чем к русскому.

5. Корректный вариант перевода:

Вопрос о том, что в скором времени нужно будет покончить с Кронштадтом и Ленинградом. Командование группы армий «Север» должно представить свои соображения на этот счет.

23.07.1941 г.

1. Русское издание:

Группе армий «Север» по выполнении ближайшей задачи (овладение Прибалтикой и Ленинградом) обеспечить район между Рыбинском и Онежским озером. Привлечь к этому финнов. Тогда группа армий сможет высвободить часть сил. (Гальдер 2010, 200)

2. Немецкое издание:

H. Gr. Nord nach der Erledigung ihres ersten Auftrags (Baltikum, Leningrad) mit der Sicherung zwischen Rybinsk u. Onega-See zu beauftragen. (Halder 1964, 107)

3. Американское издание:

Фраза содержится в приложении к дневнику Гальдера. Его пока не удалось найти.

4. Комментарий:

Здесь переводчик правильно употребил *Erledigung* в словосочетании «выполнение ближайшей задачи». Но затем искусственно добавил слово «овладение» применительно к Прибалтике и Ленинграду. В немецком оригинале оно вообще отсутствует. Переводчик произвольно вставил это слово, ориентируясь на сложившееся у него убеждение о силовом захвате Ленинграда немецкими войсками.

5. Корректный вариант перевода:

Группе армий «Север» по выполнении ближайшей задачи (Прибалтика, Ленинград) взять под свой контроль район между Рыбинском и Онежским озером. Привлечь к этому финнов. Тогда группа армий сможет высвободить часть сил.

06.08.1941 г.

1. Русское издание:

Он [Гитлер. — Ю. Л.] опять продолжал свою песню: вначале должен быть захвачен Ленинград, для этого используются войска группы Гота. (Гальдер 2010, 271)

2. Немецкое издание:

Er bleibt immer wieder bei seiner Melodie: 1. Leningrad, wozu Hoth eingesetzt werden soll. (Halder 1964, 158)

3. Американское издание:

He still harps on his old themes: Leningrad, with Hoth brought into the picture. (Halder 1947, vol. 7, 23)

4. Комментарий:

В дневнике Гальдера слово «захвачен» применительно к Ленинграду отсутствует. Судя по всему, переводчик не полностью владел информацией о развитии обстановки, не знал содержания «Директивы № 34» от 30.7.41 г., в которой Гитлер уже определился с Ленинградом как с объектом блокирования. Немецкий и английский текст по смыслу совпадают. В них нет ни слова о захвате Ленинграда.

5. Корректный вариант перевода:

Он опять продолжал свою песню: вначале Ленинград, для этого используются войска группы Гота.

07.08.1941 г.

1. Русское издание:

Исходя из поставленных конкретных задач, я могу сделать вывод, что Ленинград может быть захвачен имеющимися в нашем распоряжении силами. (Гальдер 2010, 274)

2. Немецкое издание:

Bezüglich der einzelnen Ziele führe ich aus, dass das Ziel Leningrad mit den dafür angesetzten Kräften erreichbar ist. (Halder 1964, 159)

3. Американское издание:

As regards individual objectives I state that Leningrad can be taken with the forces allowed for. (Halder 1947, vol. 7, 25)

4. Комментарий:

Слово «захват» опять произвольно вставлено переводчиком. Речь идет о Ленинграде только как о цели, которая может быть достигнута. Неправильный перевод с немецкого языка приводит к серьезному искажению смысла. В американском варианте тема овладения городом присутствует в форме: *can be taken* — «может быть взят».

5. Корректный вариант перевода:

Исходя из поставленных конкретных задач, я могу сделать вывод, что Ленинград как цель достигим имеющимися для этого силами.

13.08.1941 г.

1. Русское издание:

21.30 Возвращение в главную штаб-квартиру ОКХ. В штаб-квартире во время моего отсутствия было получено Дополнение к директиве ОКВ № 34. Согласно этому дополнению, группа армий «Центр» может по своему усмотрению предпринять наступление на Москву. Но эта свобода действий предоставляется командованию группы армий только на определенных условиях, как-то: **окончание операции по захвату Ленинграда** и т. д. (Гальдер 2010, 297)

2. Немецкое издание:

H. Qu. zurück 21.30 Uhr. Hier ist inzwischen die neue „Ergänzung“ zur Weisung 34“ des OKW eingetroffen, welche den Angriff der H.Gr. Mitte auf Moskau freigibt, aber an so viele Voraussetzungen bindet (z. B. **Ab-schluss der Operation** gegen Leningrad), dass die im Sinne unserer Gedankenbildung gewonnene Handlungsfreiheit schwer gehandikapt ist. (Halder 1964, 175)

3. Американское издание:

Back at GHq. 2130. The new "Supplement to Directive 34" of the OKW has meanwhile been received. Attack on Moscow by AGp. Center is approved, but approval is made conditional on so many factors (e. g. **conclusion of the operation** against Leningrad) that the freedom of action which we need for the execution of the plan, is severely restricted. (Halder 1947, vol. 6, 42)

4. Комментарий:

Здесь в очередной раз наблюдается неправильный перевод. Речь определенно идет уже о сознательном искажении смысла немецкого оригинала. Это уже не только ошибка переводчика, который мог не знать содержания «Директивы № 34», где как раз говорилось исключительно об окружении Ленинграда. По замыслу издателей русского варианта дневников Гальдера, применительно к Ленинграду должен был доминировать «захват», а не «окружение». Последнее слово не вписывалось в героизацию Ленинградской блокады, и возникали бы мысли о мученической судьбе города, виной чему были не только немецкие войска, но и просчеты городских властей.

В данном случае немецкий и американский варианты полностью совпадают: z. B. *Ab-schluss der Operation gegen Leningrad* = e. g. *conclusion of the operation against Leningrad*, что в переводе означает: «как-то: завершение операции против Ленинграда».

5. Корректный вариант перевода:

21.30 Возвращение в главную штаб-квартиру ОКХ. В штаб-квартире во время моего отсутствия было получено Дополнение к директиве ОКВ №34. Согласно этому дополнению группа армий «Центр» может по своему усмотрению предпринять наступление на Москву. Но эта свобода действий предоставляется командованию группы армий только на определенных условиях, как-то: **окончание операции** против Ленинграда.

Почему же до сих пор не исправлены неточности смыслового характера в «Военном дневнике» Фр. Гальдера? Четкого ответа на него я пока не получил, хотя неоднократно пытался это сделать. Профессиональный лингвист проф. В. Дашичев, в войну служивший в советской разведке, написал мне по этому поводу так: «Неточности в переводе Вы правильно подметили. Но они не были специально навязаны по каким-то политическим соображениям. Перевод осуществлялся в ВНУ [Военно-научное управление. — Ю. М.] Генштаба, где я тогда служил. Вольности в нем были связаны с субъективным восприятием переводчика» (Дашичев 2011).

В советское время факт публикации иностранного источника в авторитетном издании Министерства обороны СССР был настолько убедительным, что текст перевода воспринимался как безупречный. Неудивительно, что советские военные историки, работники партийных и политических органов, деятели культуры и искусства стали ссылаться на записи Гальдера, в том числе и на страницы, где были допущены переводческие ошибки. Винить их в этом нельзя, поскольку оригинал дневника им был неизвестен.

Переводческими ошибкам, сделанным в «Военном дневнике» Фр. Гальдера, более полувека. Возраст для истории совсем небольшой, но за это время они перекочевали в диссертации, монографии, многочисленные статьи и очерки. На их основе создавались литературные произведения, документальные и художественные фильмы. Сам Гальдер превратился в типичного фашистского генерала, мечтавшего лишь о захвате Ленинграда, Москвы и поголовном истреблении населения СССР. Все оказалось сложнее.

К сожалению, за долгие годы, прошедшие после первой публикации «Военного дневника» Гальдера на русском языке, никто из редакторов крупных московских издательств не удосужился поинтересоваться, насколько совпадает

перевод с оригиналом. В результате смысловые искажения, сделанные в советское время, так и переходят из одного издания в другое.

Что можно пожелать уважаемым московским издательствам, если они вновь возьмутся за публикацию записей Гальдера? Ответ простой: взять за образец немецкое издание 60-х гг.,

сравнить его с уже переведенным русским текстом и внимательно отредактировать с участием квалифицированных военных переводчиков. Тогда мы получим настоящий «Военный дневник» Гальдера, который является самым детальным немецким исследованием гитлеровской агрессии в 1939–1942 гг.

Сокращения

ОКХ — генеральный штаб сухопутных войск Германии

Словари

- Москальская, О. И. (ред.). (1997) *Большой немецко-русский словарь: в 3-х т. Т. 1.* 3-е изд. М.: Русский язык, 760 с.
 Москальская, О. И. (ред.). (2004) *Большой немецко-русский словарь по общей лексике: в 3-х т. Т. 2.* 9-е изд. М.: Русский язык-Медиа, 680 с.
 Парпаров, Л. Ф. (ред.). (1978) *Немецко-русский военный словарь.* М.: Воениздат, 1192 с.

Источники

- Гальдер, Фр. (2010) *Военный дневник: (июнь 1941–сентябрь 1942).* М.: Астрель, 704 с.
 Halder, Fr. (1964) *Kriegstagebuch. Bd. III. Der Russlandfeldzug bis zum Marsch auf Stalingrad (22.06.1941–24.09.1942).* Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 589 p.
 Halder, Fr. (1947) *The Private War Journal of Generaloberst Franz Halder. Chief of the General Staff of Supreme Command of the German Army (OKH). 14 August 1939 to 24 September 1942. Vol. 6.* [Online]. Available at: http://militera.lib.ru/db/0/pdf/halder_eng6.pdf (accessed 01.03.2021).
 Halder, Fr. (1947) *The Private War Journal of Generaloberst Franz Halder. Chief of the General Staff of Supreme Command of the German Army (OKH). 14 August 1939 to 24 September 1942. Vol. 7.* [Online]. Available at: http://militera.lib.ru/db/0/pdf/halder_eng7.pdf (accessed 01.03.2021).

Литература

- Гальдер, Фр. (1959а) Служебный дневник начальника генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии генерал-полковника Гальдера. *Военно-исторический журнал*, № 2, с. 63–87.
 Гальдер, Фр. (1959б) Служебный дневник начальника генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии генерал-полковника Гальдера. *Военно-исторический журнал*, № 7, с. 84–105.
 Гальдер, Фр. (1959с) Служебный дневник начальника генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии генерал-полковника Гальдера. *Военно-исторический журнал*, № 10, с. 85–98.
 Гальдер, Фр. (1971) *Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 3.* М.: Воениздат, 328 с.
 Гранин, Д. А. (2000) *Вечера с Петром Великим: сообщения и свидетельства господина М.* СПб.: Историческая иллюстрация, 432 с.
 Дашичев, В. И. (2011) *Письмо от 25.01.2011 г.* (на правах рукописи)
 Дашичев, В. И. (2014) *Письмо от 03.03.2014 г.* (на правах рукописи)
 Дашичев, В. И. (ред.). (1967) *Совершенно секретно! Только для командования: Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы.* М.: Наука, 752 с.
 Лебедев, Ю. М. (2011) *Ленинградский «Блицкриг». На основе военных дневников высших офицеров вермахта генерал-фельдмаршала Вильгельма Риттера фон Лееба и генерал-полковника Франца Гальдера. 1941–1942.* М.; СПб.: Центрполиграф; Русская тройка-СПб, 459 с.
Милитера. Военная литература. [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/> (дата обращения 01.03.2021).

Dictionaries

- Moskal'skaya, O. I. (ed.). (1997) *Bol'shoj nemetsko-russkij slovar' v 3 t. T. 1 [Large German-Russian dictionary: In 3 vols. Vol. 1].* 3rd ed. Moscow: Russkij yazyk Publ., 760 p. (In Russian)
 Moskal'skaya, O. I. (ed.). (2004) *Bol'shoj nemetsko-russkij slovar' po obshchej leksike v 3 t. T. 2 [Large German-Russian dictionary of general vocabulary: In 3 vols. Vol. 2].* 9th ed. Moscow: Russkij yazyk-Media Publ., 680 p. (In Russian)

Parparov, L. F. (ed.). (1978) *Nemetsko-russkij voennyj slovar'* [German-Russian military dictionary]. Moscow: Voenizdat Publ., 1192 p. (In Russian)

Sources

Halder, Fr. (1964) *Kriegstagebuch. Bd. III. Der Russlandfeldzug bis zum Marsch auf Stalingrad (22.06.1941–24.09.1942)* [War diary. Vol. III. The Russian Campaign up to the March on Stalingrad (22.06.1941–24.09.1942)]. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 589 p. (In German)

Halder, Fr. (2010) *Voennyj dnevnik (iyun' 1941–sentyabr' 1942)* [Private War Journal (June 1941–September 1942)]. Moscow: Astrel Publ., 704 p. (In Russian)

Halder, Fr. (1947) *The Private War Journal of Generaloberst Franz Halder. Chief of the General Staff of Supreme Command of the German Army (OKH). 14 August 1939 to 24 September 1942. Vol. 6.* [Online]. Available at: http://militera.lib.ru/db/0/pdf/halder_eng6.pdf (accessed 01.03.2021). (In English)

Halder, Fr. (1947) *The Private War Journal of Generaloberst Franz Halder. Chief of the General Staff of Supreme Command of the German Army (OKH). 14 August 1939 to 24 September 1942. Vol. 7.* [Online]. Available at: http://militera.lib.ru/db/0/pdf/halder_eng7.pdf (accessed 01.03.2021). (In English)

References

Dashichev, V. I. (2011) *Pis'mo ot 25.01.2011* [Letter dated 25.01.2011]. (as a manuscript). (In Russian)

Dashichev, V. I. (2014) *Pis'mo ot 03.03.2014* [Letter dated 03.03.2014] (as a manuscript). (In Russian)

Dashichev, V. I. (ed.) (1967) *Sovershenno sekretno! Tol'ko dlya komandovaniya: Strategiya fashistskoj Germanii v vojne protiv SSSR: Dokumenty i materialy* [Top Secret! For Commanders Only: Nazi Germany's strategy in the war against the USSR: Documents and materials]. Moscow: Nauka Publ., 752 p. (In Russian)

Granin, D. A. (2000) *Vechera s Petrom Velikim: soobshcheniya i svidetel'stva gospodina M.* [Evenings with Peter the Great: Railways and evidence of Mr. M.]. Saint Petersburg: Istoricheskaya Illyustratsiya Publ., 432 p. (In Russian)

Halder, Fr. (1959a) *Sluzhebnyj dnevnik nachal'nika general'nogo shtaba sukhoputnykh vojsk fashistskoj Germanii general-polkovnika Gal'dera* [Service diary of the Chief of the General Staff of the Land Forces of Nazi Germany, Colonel-General Halder]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military History Journal], no. 2, pp. 63–87. (In Russian)

Halder, Fr. (1959b) *Sluzhebnyj dnevnik nachal'nika general'nogo shtaba sukhoputnykh vojsk fashistskoj Germanii general-polkovnika Gal'dera* [Service diary of the Chief of the General Staff of the Land Forces of Nazi Germany, Colonel-General Halder]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military History Journal], no. 7, pp. 84–105. (In Russian)

Halder, Fr. (1959c) *Sluzhebnyj dnevnik nachal'nika general'nogo shtaba sukhoputnykh vojsk fashistskoj Germanii general-polkovnika Gal'dera* [Service diary of the Chief of the General Staff of the Land Forces of Nazi Germany, Colonel-General Halder]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military History Journal], no. 10, pp. 85–98. (In Russian)

Halder, Fr. (1971) *Voennyj dnevnik. Ezhednevnye zapisi nachal'nika General'nogo shtaba Sukhoputnykh vojsk 1939–1942 gg. T. 3* [War diary. Daily notes of the Chief of the General Staff of the Ground Forces 1939–1942. Vol. 3]. Moscow: Voenizdat Publ., 328 p. (In Russian)

Lebedev, Yu. M. (2011) *Leningradskij "Blitzkrieg". Na osnove voennykh dnevnikov vysshikh ofitserov vermakhta general-fel'dmarshala Vil'gel'ma Rittera fon Leeba i general-polkovnika Frantsa Gal'dera. 1941–1942* [Leningrad "Blitzkrieg". Based on the military diaries of senior officers of the Wehrmacht, Field Marshal Wilhelm Ritter von Leeb and Colonel-General Franz Halder. 1941–1942]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentrpoligraf Publ.; Russkaya Troika-SPb Publ., 459 p. (In Russian)

Militera. Voennaya literature [Militera. War Literature]. [Online]. Available at: <http://militera.lib.ru/> (accessed 01.03.2021). (In Russian)